МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

ПОЛОЖЕВИЧ РОМАН СТАНИСЛАВОВИЧ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИНСТРУМЕНТЫ ВЛИЯНИЯ ГРУППЫ БРИКС В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Специальность 23.00.04 –
Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук
Наумов Александр Олегович

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Теоретические основы изучения мирового порядка и феномена БРИКС 28

1.1. Основные трактовки содержания, современного состояния и перспектив трансформации мирового порядка 28

1.2. Место БРИКС в системе политической организации современного мира 67

Глава II. БРИКС – геополитический проект XXI века: от зарождения до современного состояния “клубного формата” 95

2.1. Предпосылки и история становления группы БРИКС 95

2.2. Факторы интеграции и ресурсные основания международного влияния стран БРИКС 120

Глава III. БРИКС – коллективный игрок на международной арене: инструменты влияния группы на мировую политику 144

3.1. Политический вектор сотрудничества БРИКС как ответ на глобальные вызовы современности 144

3.2. Экономическое взаимодействие БРИКС – фактор изменения международной финансовой архитектуры 157

3.3. Многостороннее сотрудничество БРИКС в научно-технической и гуманитарной сферах 177

Глава IV. БРИКС как катализатор трансформации мирового порядка и один из векторов российской внешней политики 187

4.1. Стратегический потенциал БРИКС для трансформации мирового порядка и перспективы эволюции объединения 187

4.2. Место группы БРИКС во внешнеполитической стратегии России 201

Заключение 212

Список использованных источников и литературы 217

Приложения 266

Введение

Актуальность темы исследования. Прошло семнадцать лет с тех пор, как акроним БРИК был введен в деловой оборот старшим аналитиком инвестиционного банка в составе американской финансовой транснациональной корпорации “The Goldman Sachs Group, Inc.” Джимом О’Нилом. Двенадцать лет минуло со дня первой официальной встречи в узком составе министров иностранных дел России, Бразилии, Китая и министра обороны Индии на полях 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке (считаем, что именно эта встреча ознаменовала возникновение БРИК как феномена международной политической жизни). За время своего существования группа БРИК (впоследствии БРИКС) из умозрительной концепции, используемой в целях выработки рекомендаций для инвесторов, превратилась в реально существующую многостороннюю платформу для согласования позиций стран-участниц по широкому кругу вопросов глобального управления, для совместного поиска адекватных ответов на вызовы современности и урегулирования отдельных региональных и локальных проблем.

За последнее десятилетие форум БРИК (БРИКС) претерпел серьезные изменения. Череда ежегодных саммитов на уровне первых лиц государств сначала «четверки», а затем «пятерки» существенно расширила повестку дня стран объединения: по состоянию на октябрь 2018 года стороны являются партнерами примерно в 50 областях сотрудничества. Тесная кооперация БРИКС осуществляется в рамках сотни механизмов межправительственного и гражданского взаимодействия, составляющих, соответственно, «первый» и «второй треки» сотрудничества группы. На систематической основе проводятся рабочие встречи глав министерств и руководителей иных профильных ведомств пяти стран, консультации старших должностных лиц и высоких представителей по отдельным вопросам, заседания специализированных советов и рабочих групп, а также контакты по линии гражданских структур, деловых и экспертных кругов.

Кроме того, в пользу органичной эволюции группы БРИК (БРИКС) говорит

ее расширение в 2011 году за счет ЮАР, учреждение собственных финансовых институтов объединения (Нового банка развития и Пула условных валютных резервов), а также ставшее традицией проведение встреч с третьими странами на полях ежегодных саммитов БРИКС: в форматах «аутрич» (с 2013 года с целью налаживания партнерских связей с соседями страны, принимающей очередной саммит БРИКС, по макрорегиону) и «БРИКС+» (с 2017 года для укрепления партнерских связей с отдельными развивающимися странами и странами с формирующимися рынками).

Каждая из стран «пятерки» председательствовала в группе БРИКС уже дважды и на правах хозяйки очередного саммита вносила – разумеется, с согласия партнеров по объединению – коррективы в повестку дня БРИКС, руководствуясь как общими интересами пяти стран, так и приоритетами регионального развития и, конечно, национальными интересами. Таким образом, все пять стран имели равные возможности (по крайней мере с организационной точки зрения) повлиять на вектор развития объединения, и сегодня мы видим облик БРИКС таким, каким он был сформирован совместными усилиями его членов за последние десять лет.

Впрочем, не только эволюция самого «клубного формата» БРИКС свидетельствует об актуальности исследования – коренные изменения претерпевает и среда, в которой БРИКС существует и развивается. Речь идет об усилении тенденций глобализации и регионализации, возникновении новых угроз международной и национальной безопасности, требующих координации действий большого числа игроков на международной арене, и проистекающей отсюда беспрецедентной взаимозависимости стран.

Помимо указанных выше трансформаций в мировой политике, меняется и баланс сил на международной арене. Не будет преувеличением сказать, что мы живем в эпоху серьезных геополитических сдвигов: ось мировой политики постепенно смещается из Западного полушария на Восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион, а сегодняшний мировой порядок тяготеет к полицентричности и находится в процессе трансформации. Страны БРИКС не без оснований претендуют на роль центров силы нового миропорядка, и нам

представляется важным провести комплексный анализ источников международного влияния пяти стран. Отечественные авторы высказывают и предположения относительно становления группы БРИКС в целом в качестве нового глобального центра силы и коллективного актора мировой политики, что вполне закономерно поднимает вопросы инструментария и потенциала коллективного лидерства «пятерки».

Вместе с тем, БРИКС не только претендует на статус центра силы в новом мировой порядке, но и является ключевым катализатором изменения существующей системы глобального управления. Мы полагаем, что страны «пятерки» обладают достаточным совокупным стратегическим потенциалом для трансформации мирового порядка, однако комплексный структурный анализ такого потенциала и лежащих в его основе инструментов влияния на мировую политику до сих пор не представлен в отечественном научном дискурсе.

Актуальность исследования обусловлена и отсутствием консенсуса среди российских и зарубежных ученых относительно правового статуса БРИКС, перспектив институционализации и изменения состава БРИКС, превращения данного диалогового формата в политический союз или интеграционное экономическое объединение. Кроме того, продолжается интеллектуальный поиск места БРИКС в системе институтов мировой политики, а ряд видных экспертов и политиков (преимущественно западных) упрекают БРИКС в отсутствии реальных, осязаемых результатов кооперации.

Наконец, актуальность заявленной темы определяется изменением динамики социально-экономического развития стран БРИКС во втором десятилетии XXI века, эволюцией двусторонних отношений пяти стран, обострением отношений России со странами Запада, изменением факторов сближения и дезинтеграции в рамках БРИКС, а также ресурсных оснований их позиционирования в качестве великих держав современности.

Степень научной разработанности проблемы. Исследованию проблематики феномена БРИКС и современного состояния мирового порядка посвящены работы большого числа российских и зарубежных ученых-

международников. Прежде всего, говоря о теоретических основаниях исследования, выделим вклад следующих отечественных авторов в разработку теорий и типологий мирового порядка: О.А. Арин[1], С.Н. Бабурин[2], Н.А. Баранов[3], Э.Я. Баталов[4], В.И. Батюк[5], А.Д. Богатуров[6], К.Н. Брутенц[7], Ф.Г. Войтоловский[8], К.С. Гаджиев[9], А.А. Громыко[10], Ю.П. Давыдов[11], А.Г. Дугин[12], В.Л. Иноземцев, С.А. Караганов[13], В.Г. Калюжный[14], В.М. Капицын[15], С.В. Кортунов[16], Н.А. Косолапов[17], А.И. Костин[18], А.В. Манойло[19], А.Ю. Мельвиль[20], А.И. Никитин[21], В.А. Никонов[22], Н.А. Симония, А.В. Торкунов[23], Н.М. Сирота[24], А.И.

---

[1] Арин О.А. Двадцать первый век: мир без России. М.: Альянс, 2001. 352 с.

[2] Бабурин С.Н. Россия и проблема справедливого мирового порядка // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. № 1-2 (11-12). С. 53-79.

[3] Баранов Н.А. Место России в трансформирующемся мировом порядке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2-2 (14). С. 79-83.

[4] Баталов Э.Я. "Новый мировой порядок": к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25-37; Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005. 374 с.; Баталов Э.Я. Современные глобальные тренды и новое сознание. Реальность и теория // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1 (28). С. 4-17.

[5] Батюк В.И. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. 2010. № 2. С. 80-88.

[6] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт - МОНФ, 1997. 352 с.; Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25-36; Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1. С. 6-23. URL: http://www.intertrends.ru/one/001.htm (дата обращения: 01.10.2018).

[7] Брутенц К.Н. Великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2014. 688 с.

[8] От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 204 с.

[9] Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. 2-е изд. испр. и доп. М., Экономика, 2011, 479 с.

[10] Громыко А.А. Мировой порядок или беспорядок. М.: Институт Африки РАН, 2005. 236 с.

[11] Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. 288 с.

[12] Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.

[13] Иноземцев В.Л., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 1. С. 8-26.

[14] Калюжный В.Г. Геополитическое противоборство как фактор формирования современного мирового порядка: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Политические институты, процессы и технологии / Военный университет Министерства обороны Российской Федерации. Москва, 2012. 401 с.

[15] Капицын В.М. Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия // Русская политология - Russian political science. 2016. № 1. С. 57-68.

[16] Кортунов С.В. Становление нового мирового порядка // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 77-94.

[17] Косолапов Н.А. Контуры нового миропорядка // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. - Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи. Серия «Научные доклады», № 91. М.: МОНФ; ИМЭМО РАН, 1999.

[18] Костин А.И. Экополитология и глобалистика. М.: Аспект Пресс, 2005. 418 с.

[19] Манойло А.В. Актуальные аспекты формирования нового миропорядка на платформе российской модели ноосферной политики и идеологии ноовитизма // Политика и общество. 2014. № 4. С. 406-415; Манойло А.В. Роль стратегий управляемого хаоса в формировании нового миропорядка // Право и политика. 2014. № 5. С. 638-651.

[20] Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / [А.Ю. Мельвиль и др.] М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. 272 с.

[21] Никитин А.И. «Концерт великих держав» XXI века – многосторонний диалог великих держав в пост-трансатлантическую эпоху / под ред. А.И. Никитин. М.: МГИМО-Университет, 2015. 79 с.

[22] Никонов В.А. Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. С. 8-29.

[23] Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37.

Уткин[25], А.В. Фененко[26], П.А. Цыганков[27], Т.А. Шаклеина[28], Г.Х. Шахназаров[29].

За рубежом вопросы мирового порядка, его формирования и трансформации поднимали Дж. Айкенберри[30], Ж. Аттали[31], Х. Булл[32], И. Валлерстайн[33], Р. Гилпин[34], Г. Киссинджер[35], Р. Купер[36], Ч. Краутхаммер[37], Ч. Кегли, Г. Реймонд[38], Ч. Лэйн[39], Дж. Миршаймер[40], Л. Миллер[41], Дж. Най[42], Т. Пол[43], А.-М. Слотер[44], А. Танака[45], К. Уолтц[46], У. Уолворт[47], Ф. Фукуяма[48], Р.

---

[24] Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. 180 с.

[25] Уткин А.И. Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2006. 640 с.

[26] Фененко А.В. Современная история международных отношений: 1991-2016: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2016. 432 с.

[27] Цыганков П.А. Быстро текущий момент. Природа миропорядка и кризиса глазами ведущих мировых ученых-международников // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16, № 4. С. 8-11; Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 194-202; Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука. 2017. Специальный выпуск. С. 234-244.

[28] Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т. А. Шаклеиной и А. Б. Байкова. Учебник. М.: Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Шаклеина Т.А. Новые явления в формировании мирового порядка: перспективы для России // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ (Москва. 27-28 октября 2015 г.) / под ред. А.В. Мальгина / МГИМО (У) МИД. РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2016. 444 с.

Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2017. 336 с.

Шаклеина Т.А. Формирование мирового порядка: новая державная и институциональная полицентричность (глава в книге) / Ситуационные анализы. Выпуск 5. Международные институты в современной мировой политике / [Э. Я. Баталов, К. Г. Водопьянов, Д. А. Дегтерев и др.] под ред. Т.А. Шаклеиной. М: МГИМО-университет, 2017. 481 с.

[29] Шахназаров Г.Х. Международный порядок: политико-правовые аспекты / Ю.М. Батурин, И.С. Андреева, Ю.М. Колосов и др. [под общ. ред.: Шахназаров Г.Х.]. М.: Наука, 1986. 232 с.

[30] Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: University Press, 2000. 320 p.

[31] Attali J. Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order. New York: Random House, 1991. 132 p.

[32] Bull H. The Anarchical Society. New York: Columbia University Press, 1977. 335 p.

[33] Wallerstein I. Foes as Friends? Foreign Policy. No. 90 (Spring, 1993). Pp. 145-157; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П.М. Кудюкина под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.

[34] Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: University Press, 1981. 288 p.

[35] Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. London: Penguin Books, 2015. 432 p.

[36] Cooper R. Is there a New World Order? // Prospects for Global Order. Ed. by S. Sato, T.Taylor, S.Heiva, London. 1993. Vol. 2. 165 p.

[37] Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs (America and the World 1990 Issue). Vol. 70, No 1. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-02-01/unipolar-moment (date of access: 01.10.2018); Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. Vol. 70. (Winter 2002). Pp. 5-17.

[38] Kegley Ch.W., Raymond G.A. A Multipolar Peace: Great-Power Politics in the Twenty-First Century. Basingstoke: Palgrave Macmillan UK, 1994. 320 p.

[39] Layne Ch. The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Rise. International Security. Vol. 17, No. 4 (Spring, 1993). Pp. 5-51.

[40] Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2001. 555 p.

[41] Miller L.H. Global Order: Values and Power in International Politics. Abingdon: Routledge, 1985. 228 p.

[42] Nye J.S., jr. What New World Order? // Foreign Affairs. Vol. 71, No. 2 (Spring, 1992). Pp. 83-96.

[43] Accommodating Rising Powers: Past, Present and Future / Ed. by T.V. Paul. New Delhi: Cambridge University Press, 2016. 326 p.

[44] Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton and London, 2004. 368 p.

[45] Tanaka A. Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // Prospects for Global Order. 1993. Vol. 2. P. 25-

Хаас[49], П. Ханна[50], С. Хантингтон[51]. При этом в ряде работ авторы явно акцентируют внимание на роли США как глобального лидера (а в отдельных случаях и гегемона) в поддержании стабильности в международных отношениях и мировой политике. К числу таких исследователей относятся, например, З. Бжезинский[52], Ф. Закария[53], Р. Каган, У. Кристол[54], Р. Кеохейн[55], Ч. Купчан[56], М. Мандельбаум[57], Дж. Най[58], С. Хантингтон[59], С. Хоффман[60].

Еще один важный теоретический аспект обозначенной нами проблемы связан с выявлением сущностных характеристик и категорий акторов в мировой политике, к числу которых мы причисляем и группу БРИКС. Среди российских ученых следует в этой связи выделить О.Г. Карповича[61], М.М. Лебедеву[62], А.В.

37.

[46] Waltz K.N. The Emerging Structure of International Politics // International Security. Vol. 18, No. 2 (Fall, 1993). Pp. 44-79.

[47] Wohlworth W.C. The Stability of a Unipolar World // International Security. Vol. 24, No. 1 (Summer, 1999). Pp. 5-41.

[48] Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке / перевод с английского: Колесников О., Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. М.: АСТ, 2010. 220 с.

[49] Haass R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs (May/June 2008). Vol. 87, No 3. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity (date of access: 01.10.2018); Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11144 (дата обращения: 01.10.2018).

[50] Khanna P. The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. New York: Random House, 2008. 496 p.

[51] Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. 368 p.

[52] Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. New York: Basic Books, 2012. 224 p.; Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1998. 240 p.; Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007. 288 с.

[53] Zakaria F. The Post-American World. New York: W.W. Norton & Company, 2008. 304 p.

[54] Kagan R., Kristol W. Present Dangers: Crisis and Opportunity in America's Foreign and Defense Policy. New York: Encounter Books, 2000. 392 p.

[55] Keohane R. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: University Press (revised edition: March 20, 2005). 320 p.

[56] Kupchan Ch.A. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security. Vol. 23, No. 2 (Fall, 1998). Pp. 40-79.

[57] Mandelbaum M. The Case for Goliath: How America Acts as the World’s Government in the 21st Century. New York: PublicAffairs, 2006. 320 p.

[58] Nye J.S., jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford: Oxford University Press, 2003. 240 p.; Nye J.S., jr. Is the American Century Over? Cambridge, Polity, 2015. 152 p.

[59] Huntington S.P. The Lonely Superpower // Foreign Affairs (March/April 1999, Vol. 78. No 2). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower (date of access: 01.10.2018).

[60] Hoffmann S. Primacy or World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. New York: McGraw-Hill Education, 1980. 331 p.

[61] Карпович О.Г. Мировая политика и негосударственные участники международных отношений // Мировая политика. 2017. № 3. С. 119-128.

[62] Лебедева М.М. Акторы в международных отношениях и мировой политике / Российский совет по международным делам (9 июня 2016 г.) [Официальный сайт]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktory-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-i-mirovoy-politike/ (дата обращения: 01.10.2018); Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3 (28). С. 38-42; Лебедева М.М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. М.: МГИМО-Университет, 2009. 142 с.; «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты (коллективная монография) / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден-Би, 2008. 279 с.

Манойло[63], А.О. Наумова[64], А.Ю. Мельвиля[65], А.Д. Богатурова[66], П.А. Цыганкова[67]. Достаточно широк список иностранных исследователей, посвятивших свои труды этой проблеме – к ним относятся, например, Ф. Брайар, М. Джалили[68], Ш. Зоргбиб[69], М. Крозье, Э. Фридберг[70], У. Фельд, Р. Джордан, Л. Гурвиц[71], К. Йонссон, Й. Тальберг[72], М. Каплан[73], Ч. Кегли, Э. Уиткопф[74], Р. Кеохейн, Дж. Най[75], М. Мерль[76], Т. Риссе[77], Дж. Розенау[78], А. Турен[79], К. Уолтц[80], А. Уолферс[81].

В рамках настоящего исследования отдельно рассматривается место межгосударственного объединения БРИКС в системе многосторонних институтов. С этой точки зрения интерес представляют труды таких авторов, как Р. Кеохейн[82], Дж. Киртон[83], Л. ван Лангенхофе[84], М.В. Ларионова[85],

---

[63] Манойло А.В. Гибридизация современной мировой политики и национальная безопасность Российской Федерации // Геополитический журнал. 2017. № 1. С. 3-20.

[64] Наумов А.О. Международные неправительственные организации и проблемы глобального управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 39. С. 49–76.

[65] Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4-го Конвента РАМИ: [в 10 т.] / под общ. ред. А.Ю. Мельвиля. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики. 187 с.

[66] Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. 592 с.

[67] Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики: взаимодействие с государствами и межправительственными организациями // Мир и Политика. 2013. № 10. С. 257-265; Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. 597 с.

[68] Braillard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. Paris: Presses Universitaires de France, 2016 (10th ed.). 128 p.

[69] Zorgbibe Ch. Les organisations internationales. Paris: Presses Universitaires de France, 1997. 128 p.

[70] Crozier M., Friedberg E., L'acteur et le système - Les contraintes de l'action collective. Paris: Seuil, 1977. 436 p.

[71] Feld W.J., Jordan R.S., Hurwitz L. International organizations: a comparative approach. Santa Barbara: Praeger Publishers Inc, 1983. 304 p.

[72] Jönsson Ch., Tallberg J. Transnational Actors in Global Governance: Patterns, Explanations, and Implications. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 253 p.

[73] Kaplan M.A. System and Process in International Politics. N.Y.: John Wiley and Sons, Inc., 1962. 258 p.

[74] Kegley Ch.W., Wittkopf E.R. World Politics: Trend and Transformation. 4th edition. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1992. 614 p.

[75] Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 2005 (20th anniversary edition). 320 p.; Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics: Introduction. International Organization, Vol. 25, No. 3, Transnational Relations and World Politics (Summer, 1971), pp. 329-349.

[76] Merle M. Sociologie des relations internationales. Paris: Dalloz, 1974. 436 p.

[77] Risse Th. Transnational Actors and World Politics / Handbook of International Relations // Ed. by W. Carsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. London: Sage, 2002. P. 255-274.

[78] Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, N.J., 1990. 504 p.

[79] Touraine A. Pour la sociologie. Paris: Seuil, 1974. 243 p.

[80] Waltz K. Theory of International Politics. N.Y.: McGraw-Hill. 1979, 251 p.

[81] Wolfers A. The Actors in World Politics // Theoretical Aspects of International Relations /W.T.R. Fox(Ed.) - Notre Dame, Indiana: Univ. of NotreDame Press, 1959. P. 75-87.

[82] Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // International Journal. 1990. Vol. 45 (XLV). Pp. 731–764; Keohane R.O. The Contingent Legitimacy of Multilateralism // Garnet Working Paper: No: 09/06, September 2006. URL: https://warwick.ac.uk/fac/soc/pais/research/researchcentres/csgr/garnet/workingpapers/0906.pdf (date of access: 01.10.2018).

[83] Kirton J. Multilateral Organizations and G8 Governance: A Framework for Analysis // Making Global Governance

А.В. Мальгин[86], Дж. Рагги[87], Э. Ньюман, Р. Тхакур, Дж. Тирман[88], Ф. Хэмпсон, П. Хайнбекер[89], А.В. Шелепов[90].

Общие вопросы развития диалогового формата БРИКС изучали такие отечественные исследователи, как А.Х. Абашидзе[91], О.А. Алексеенко[92], О.Н. Барабанов[93], Н.М. Бевеликова[94], Л.Н. Борисоглебская[95], А.Д. Бородаевский[96], Д.Н. Бурых[97], И.М. Бусыгина[98], А.В. Виноградов[99], О.В. Гаман-Голутвина[100], С.П. Глинкина[101], В.М. Давыдов[102], Г.А. Дробот[103], И.В. Ильин[104], А.В. Кива[105],

---

Effective: Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World / J. Kirton, M. Larionova, P. Savona (eds). London: Routledge, 2010. 366 p.

[84] Van Langenhove L. The Transformation of Multilateralism: Mode 1.0 to Mode 2.0 // Global Policy Volume 1. Issue 3. October 2010. Pp. 263-270.

[85] Ларионова М.В. «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Хорошие новости для глобального управления // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 7–33; Ларионова М.В. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 1. С. 126–152; Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами// Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 2. С.113-139.

[86] Многосторонние институты и диалоговые форматы: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27-28 октября 2015 г.) / под ред. А.В. Мальгина / МГИМО (У) МИД, РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2016. 536 с.

[87] Ruggie J.G. Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form. N.Y.: Columbia University Press, 1993. 479 p.

[88] Newman E., Thakur R. Tirman J. Multilateralism under Challenge? Power, International Order and Structural Change. Tokyo: United Nations University Press, 2007. 680 p.

[89] Hampson F.O., Heinbecker P. The “New” Multilateralism of the Twenty-First Century // Global Governance. Vol. 17, No. 3 (July- Sept. 2011), pp. 299-310.

[90] Шелепов А.В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 4. С. 7–28.

[91] Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. БРИКС – международная квазиорганизация? Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве / отв. ред. К. М. Беликова. М., 2012. С. 9-15.

[92] Алексеенко О.А. Формирование полицентричной системы международных отношений (на примере объединения БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества): дис. … канд. полит. наук: 23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2016. 172 с.

[93] Барабанов О.Н. Новые ценности БРИКС как альтернативная модель глобального регулирования // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2012. Т. 7. № 2. С. 68–74.

[94] Бевеликова Н.М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. 2015. № 8 (224). С. 110–123.

[95] Борисоглебская Л.Н. Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве: монография (в 2 частях) / Л.Н. Борисоглебская, В.М. Четвериков, Л. Цзюань. М.: Инфра-М, 2013. 224 с.

[96] Бородаевский А.Д. Об интеграционном потенциале группы БРИКС // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2014. № 6 (692). С. 18–32.

[97] Бурых Д.Н. БРИКС как фактор глобальной политики // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1. С. 59-73.

[98] Бусыгина И.М. Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ (научное издание) / под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окуневой. М.: Аспект Пресс, 2015. 351 с.

[99] Виноградов А.В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 1 (14). С. 47–52.

[100] Гаман-Голутвина О.В. Феномен БРИКС как попытка ответа на вызовы глобальной конкуренции // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 483–547.

[101] Глинкина С.П. [и др.]. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС / отв. ред.: С.П. Глинкина. М.: Институт экономики РАН, 2014. 220 с.

[102] Давыдов В.М. БРИКС. Достижения и задачи нового этапа // Вестник Финансового университета. 2015. № 5. С. 13–18.

[103] Дробот Г.А. БРИКС как международно-политическое пространство // Вестник Московского университета.

М.В. Ларионова[106], О.Г. Леонова[107], А.В. Лукин[108], В.Б. Луков[109], С.И. Лунев[110], А.В. Манойло[111], В.В. Панова[112], Г.Д. Толорая[113], А.Д. Урсул[114], С.В. Уянаев[115], И.И. Шатская[116], Г.Г. Шинкарецкая[117] и др.

Зарубежный сегмент научных работ, посвященных общим вопросам взаимодействия БРИКС и места группы в современном мире, составляют труды таких ученых и экспертов, как А. Аслунд[118], П. Бонд, А. Гарсиа[119], С. де Конинг[120], Т. Мандруп, Л. Одгаард, М. Дего[121], У. Дрезнер[122], Х. Кван[123], Э. Кокотсис[124], Б. Хоймайерс, Ш. Кёкелейре[125], С. Киликони, Ш. Кинга[126], С. Кондапалли[127],

---

Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2015. № 3–4. С. 33–47.

[104] Алексеенко О.А., Ильин И.В. Глобальная конкурентоспособность БРИКС в полицентричном мире // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 7. С. 59–63.

[105] Кива А.В. Мечты и реалии: БРИКС // Социологические исследования. 2014. № 9 (365). С. 39–49.

[106] Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В. Что влияет на исполнение обязательств «Группы двадцати» и БРИКС: сравнительный анализ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 3. С. 99–131; Larionova M., Kirton J. BRICS and Global Governance. Abingdon: Routledge, 2018. 288 p.

[107] Леонова О.Г. БРИКС – конфликт или консенсус геополитических интересов? // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3, № 5 (65). С. 7–14.

[108] Лукин А.В. Консолидация незападного мира на фоне украинского кризиса: Россия и Китай, ШОС И БРИКС // Международная жизнь. 2015. № 2. С. 71–91.

[109] Луков В.Б. БРИКС — фактор глобального значения // Международная жизнь. 2011. № 6. С. 30-37.

[110] Лунев С.И. Потенциал сотрудничества в формате БРИКС и культурно-цивилизационный фактор // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 1 (14). С. 65–76.

[111] Манойло А. В. Итоги уфимских саммитов БРИКС и ШОС: если Запад не пересмотрит свою политику, он рискует стать задним двором БРИКС // Вестник БИСТ. 2015. № 3 (28). С. 3–7.

[112] Панова В.В. БРИКС: проблемы взаимодействия и потенциал сотрудничества // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2013. № 1 (276). С. 39–53.

[113] Толорая Г.Д. БРИКС во имя будущего // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 45–56.

[114] Урсул А. Д. Переход к устойчивому развитию: Россия и БРИКС // Международный научно-образовательный журнал «Партнёрство цивилизаций». 2015. № 1-2. С. 96–129.

[115] Уянаев С.В. Объединение БРИКС и структура РИК в середине 2010-х годов: тенденции и перспективы, взаимодействие РФ и КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. Т. 21. № 21. С. 26–46.

[116] Шатская И.И. Основные сферы сотрудничества России со странами БРИКС // Научный альманах. 2016. № 4-1 (18). С. 301–306.

[117] Шинкарецкая Г.Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140–145.

[118] Aslund A. Now the BRICS Party Is Over, They Must Wind Down the State's Role // Financial Times. 22.08.2013. URL: https://www.ft.com/content/0147b43c-040b-11e3-8aab-00144feab7de (date of access: 01.10.2018).

[119] Bond P., Garcia A. BRICS: An Anticapitalist Critique (Reprint Edition). Chicago: Haymarket Books, 2015. 320 p.

[120] De Coning C., Mandrup T., Odgaard L. The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order (Global Institutions) (1st Edition). London: Routledge, 2014. 220 p.

[121] Degaut M. Do the BRICS Still Matter? / A Report of the Center for Strategic and International Studies (CSIS) Americas Program. October 2015: [site]. URL: http://csis.org/files/publication/151020_Degaut_DoBRICSMatter_Web.pdf (date of access: 01.10.2018); Degaut M. U.S. Departure from Pax Americana: Paving the Way to a New Chinese Golden Age Under the BRICS Banner? // The Geopolitics (April 10, 2018). URL: https://thegeopolitics.com/u-s-departure-from-pax-americana-paving-the-way-to-a-new-chinese-golden-age-under-the-brics-banner/ (date of access: 01.10.2018).

[122] Drezner W.D. The Rise and Fall of the BRICS // The Washington Post. November 10, 2015. URL: https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/11/10/the-rise-and-fall-of-the-brics/ (date of access: 01.10.2018).

[123] Kwang H.C. The BRICS Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis. London: Routledge, 2016. 242 p.

[124] Кокотсис Э. «Группа двадцати» и БРИКС: повышение легитимности решений // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 2. С. 194–210.

[125] Keukeleire S., Hooijmaaijers B. The BRICS and Other Emerging Power Alliances and Multilateral Organizations in the

А. Фарук, Э. Купер[128], Й. Кякёнен[129], З. Лаиди[130], Дж. Лукхурст[131], С. Петропулос[132], М. Ревизорски[133], С. Робертс[134], У. Садик[135], Л. Син[136], О. Стункель[137], Н. Хайбинь[138], В. Хунин[139], С. Чатурведи[140].

Взаимодействию БРИКС в политической сфере посвящены работы Э.А. Абденура[141], О.Н. Гильковой[142], Е.А. Дегтеревой, А.М. Зобова, К.В. Саяпиной[143], Б.Ф. Мартынова[144], С.Ю. Сивоплясовой[145], Э. Сидиропулос[146],

---

Asia-Pacific and the Global South: Challenges for the European Union and Its Views on Multilateralism // Journal of Common Market Studies. 2014. No. 52 (3). Pp. 582–599.

[126] Kingah S., Quiliconi C. Global and Regional Leadership of BRICS Countries. N.Y.: Springer Publishing, 2017. 288 p.

[127] Kondapalli S., Pandit P. China and the BRICS Setting Up a Different Kitchen. New Delhi: Pentagon Press, 2016. 303 p.

[128] Cooper A.F. BRICS: A Very Short Introduction (1st Edition). [United Kingdom]: Oxford University Press, 2016. 144 p.; Cooper A.F. The G20 and Contested Global Governance: BRICS, Middle Powers and Small States // Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy. 2014. No. 2 (September). Pp. 87–109.; Cooper A.F., Faroog A.B. BRICS and the Privileging of Informality in Global Governance // Global Policy. 2013. No. 4 (4). Pp. 428–433.

[129] Käkönen J. BRICS as a New Constellation in International Relations? IAMCR 2013 Conference Dublin, June 25–29. URL: http://www.uta.fi/cmt/tutkimus/BRICS/materials/BRICS%20as%20a%20New%20Constellation%20in%20International%20Relations51.pdf (date of access: 01.10.2018).

[130] Laïdi Z. BRICS and Mortar. 05.04.2012 // Project Syndicate. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/brics-and-mortar (date of access: 01.10.2018).

[131] Luckhurst J. Building Cooperation between BRICS and Leading Industrialized States // Latin American Policy. 2013. No. 4 (2). Pp. 251–268.

[132] Petropoulos S. The Emergence of the BRICS – Implications for Global Governance // Journal for International and Global Studies. 2013. No. 4 (2). Pp. 38–49.

[133] Rewizorski M. The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance (Reprint of the original 1st ed. 2015 Edition). N.Y.: Springer Publishing, 2016. 180 p.

[134] Roberts C. Russia's BRICs Diplomacy: Rising Outsider with Dreams of an Insider // Polity. 2010. No. 42 (1). Pp. 38–73.

[135] Sadik Ü. Reality or Mirage? BRICS and the Making the Multipolarity in the Global Political Economy // Insight Turkey 15, 2013, No. 3, Pp. 77-94. URL: http://file.insightturkey.com/Files/Pdf/15_03_2013_unay.pdf (date of access: 01.10.2018).

[136] Xing L. The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order (The International Political Economy of New Regionalisms Series). London: Routledge, 2014. 246 p.

[137] Stuenkel O. The BRICS and the Future of Global Order (Reprint Edition). Lexington Books, 2016. 268 p.

[138] Haibin N. BRICS in Global Governance: A Progressive and Cooperative Force? / Friedrich Ebert Stiftung. September 2013. URL: http://library.fes.de/pdf-files/iez/global/10227.pdf (date of access: 01.10.2018).

[139] Hongying W. On the BRICS Cooperation Mechanism // Contemporary International Relations. 2011. Issue 1. URL: http://caod.oriprobe.com/articles/29515892/on_the_brics_cooperation_mechanism.htm (date of access: 01.10.2018)

[140] Chaturvedi S., Saha S. Competing Imperatives of Global Governance and National Interests within BRICS: An Indian Perspective // Observer Research Foundation. December 2017. No. 136. URL: http://cf.orfonline.org/wp-content/uploads/2017/12/ORF_Occasional_Paper_136_Chaturvedi_Saha_BRICS.pdf (date of access: 01.10.2018).

[141] Абденур Э.А. Могут ли страны БРИКС сотрудничать в вопросах международной безопасности // Вестник международных организаций: образование, наука, экономика. 2017. Т. 12. № 3. С. 73-93.

[142] Гилькова О.Н. Современные тенденции и перспективы развития военно-технического сотрудничества России с партнерами по группе БРИКС (на примере военно-авиационной техники) // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-2 (76-2). С. 41–44.

[143] Саяпина К.В., Дегтерева Е.А., Зобов А.М. Перспективные формы и механизмы реализации военно-промышленного и научно- производственного сотрудничества России и стран БРИКС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2016. № 3. С. 19–28.

[144] Мартынов Б.Ф. Страны БРИКС и концепции международного права // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1 (44). С. 26–37.

[145] Сивоплясова С.Ю., Стрелков А.С. Военно-техническое сотрудничество между странами БРИКС: выгоды, проблемы, перспективы // Известия института инженерной физики. 2017. Т. 2. № 44. С. 100–104.

[146] Sidiropoulos E. BRICS Outcomes 2015: Strengthening political dimensions // SAIIA. URL: http://www.saiia.org.za/opinion-analysis/brics-outcomes-2015-strengthening-political-dimensions (date of access:

А.С. Стрелкова, Г.В. Торопчина[147].

Общие вопросы экономического партнерства «пятерки» изучены в работах Е.Ф. Авдокушина, М.В. Жарикова[148], А.А. Акаева[149], Р. ван Тульдера[150], Р. Вестры[151], В.Ф. Ершова[152], И.В. Ильина[153], В.М. Капицына[154], Е.В. Коротаева, И.В. Прокофьева[155], Я.В. Лексютиной[156], В. Науде, А. Сзирмаи, Н. Харагучи[157], А. Прабхакара[158], Е.В. Растянниковой[159], Е.Б. Рогатных[160], Е.В. Троховой[161] и др.

Торгово-инвестиционному сотрудничеству БРИКС посвящены работы А.Н. Вергун[162], С.А. Гусаровой[163], О.И. Дегтяревой[164], П. Джены, Б. Чаттерджи[165],

---

01.10.2018).

[147] Торопчин Г.В. От Гоа до Сямэня. О некоторых аспектах политического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 174–188.

[148] Авдокушин Е.Ф., Жариков М.В. Страны БРИКС в современной мировой экономике. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2017. 479 с.; Жариков М.В. Потенциальные варианты перехода БРИКС к согласованной экономической политике // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 41-52.

[149] Акаев А.А. Страны БРИКС. Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития: Предварительные результаты / под ред. А.А. Акаева, А.В. Коротаева, С.Ю. Малкова. М.: КРАСАНД, 2016. 391 с.

[150] Van Tulder R. [et al.]. The Challenge of BRIC Multinationals. Series: Progress in International Business Research (Book 11). Bradford: Emerald Group Publishing, 2016. 696 p.

[151] Westra R. The Political Economy of Emerging Markets: Varieties of BRICS in the Age of Global Crises and Austerity (Routledge Frontiers of Political Economy) (1st Edition). London: Routledge, 2017. 238 p.

[152] Ершов В.Ф. Финансовая система стран БРИКС: институционализация и интеграция в мировую экономику (2009 – 2015 гг.) // Российский научный журнал. 2015. № 5 (48). С. 246–266.

[153] Алексеенко О.А., Ильин И.В. Глобальная конкурентоспособность БРИКС в полицентричном мире // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 7. С. 59–63.

[154] Капицын В.М. БРИКС и проекты Шелкового пути через призму интеграционного потенциала участников // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире: сб. трудов I Международной научно-практической конференции, 2–3 ноября 2015 г. Москва, 2016. С. 44–49.

[155] Прокофьев И.В., Коротаев Е.В. [и др.]. БРИКС и международная финансовая архитектура: от МВФ к справедливому многополярному миропорядку // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3 (30). С. 9–39.

[156] Лексютина Я.В. Усилия БРИКС по изменению мировой валютно-финансовой системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 11 (344). С. 143–157.

[157] Haraguchi N., Naude W., Szirmai A. Structural Change and Industrial Development in the BRICS (1st Edition). [United Kingdom]: Oxford University Press, 2015. 572 p.

[158] Prabhakar A.C. The Current Global Recession: A Theoretical and Empirical Investigation into Developed and BRICS Economies. Bradford: Emerald Group Publishing, 2016. 456 p.

[159] Растянникова Е.В. БРИКС: первичный сектор экономики в мировом хозяйстве в начале XXI века: монография. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. 272 с.

[160] Рогатных Е.Б. БРИКС как новый формат развития международного экономического сотрудничества в XXI веке // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 11–20.

[161] Трохова Е.В. Перспективные сферы двустороннего экономического взаимодействия стран БРИКС // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. 2017. № 4. С. 99–101.

[162] Вергун А.Н. Страны БРИКС в мировых и взаимных инвестиционных потоках. Саарбрюккен (Германия): LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2014. 180 с.

[163] Гусарова С.А., Гусаров И.В. Роль иностранных инвестиций в модернизации экономик стран БРИКС // Международная экономика. 2014. № 9. С. 53–64; Гусарова С.А. Механизмы торгово-инвестиционного сотрудничества стран БРИКС // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-1 (65-1). С. 51–59; Гусарова С.А. Синергетический эффект сотрудничества стран (на примере торгово-инвестиционного взаимодействия стран БРИКС) // Экономика и предпринимательство. 2017. № 12-3. С. 178-181.

[164] Дегтярева О.И. Биржи стран БРИКС в контексте мировой биржевой торговли: монография. М.: Магистр, 2016. 208 с.

[165] Chatterjee B., Jena P.C., Singh S. Intra-BRICS trade and its implications for India / CUTS International, 2014. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2474078 (date of access: 01.10.2018).

С.В. Ивановой[166], А.Г. Папцова, А.Д. Саратовского[167], Б.А. Хейфеца[168], Н.Г. Хмелевской[169], Р. Чанды[170], Е.А. Шаровой[171].

Проблемы создания и функционирования финансовых институтов БРИКС – Нового банка развития и Пула условных валютных резервов – освещены в исследованиях О.А. Алексеенко[172], Е.Н. Балаганской, А.Н. Кириллова[173], Э.П. Джагитяна[174], И.В. Ильина[175], С.В. Каратаева[176], С.А. Курганского[177], А.И. Светличного[178], О.А. Тарасенко[179], Н.Г. Хмелевской[180].

Вопросы многостороннего сотрудничества БРИКС в области науки, технологий и инноваций нашли отражение в работах О.А. Алексеенко[181], Е.А. Антиповой, И.А. Родионовой[182], С.А. Гусаровой[183], И.Г. Дежиной[184],

---

[166] Иванова С.В. Современные тенденции внешней торговли в формате БРИКС // Международная торговля и торговая политика. 2016. № 3 (7). С. 16–27.

[167] Саратовский А.Д. Особенности движения прямых иностранных инвестиций в странах БРИКС: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 – Мировая экономика / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. М., 2017. 161 с.

[168] Хейфец Б.А. Дорожная карта инвестиционного сотрудничества стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 6. С. 19–28.

[169] Хмелевская Н.Г. Метаморфозы дополняемости взаимной торговли стран БРИКС и их экспортные позиции // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 43–57.

[170] Chanda R. Deepening Cooperation in Services among BRICS members. BRICS trade policies, institutions and areas of deepening cooperation / / Centre for WTO Studies, Indian Institute of Foreign Trade. 2013. March. P. 209–309. URL: http://wtocentre.iift.ac.in/FA/Brics.pdf (date of access: 01.10.2018).

[171] Шарова Е.А. Взаимная торговля стран БРИКС на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2 (35). С. 150–174.

[172] Алексеенко О.А. Новый банк развития БРИКС и Пул условных валютных резервов как катализаторы процесса реформирования Бреттон-Вудских институтов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3, № 5. С. 53–67.

[173] Кириллов А.Н., Балаганская Е.Н., Балашова М.В. Первый год деятельности новых финансовых институтов стран БРИКС // Фундаментальные исследования. 2016. № 12-3. С. 645–649.

[174] Джагитян Э.П. Институционализация экономического механизма группы БРИКС: преимущества и риски Нового банка развития // Деньги и кредит. 2015. № 6. С. 28–35.

[175] Алексеенко О.А., Ильин И.В. Новый Банк развития БРИКС и его роль в процессе реформирования системы глобального регулирования // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2016. № 3. С. 3–6.

[176] Каратаев С.В. Новый банк развития в международной системе координат // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 2 (41). С. 106–134.

[177] Курганский С.А. Перспективы Банка развития БРИКС // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность: материалы II Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 70-летию Победы во Второй мировой войне: в 2 частях, г. Иркутск, 21-22 сентября 2015 г. / Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С. 19–25.

[178] Светличный А.И. Устойчивое развитие и Новый банк развития БРИКС: анализ и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 68-88.

[179] Тарасенко О.А. Формирование новой конфигурации – банковских институтов объединения БРИКС // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 87–89.

[180] Хмелевская Н.Г. Пул условных валютных резервов БРИКС в аспекте достаточности международных (золотовалютных) резервов // Деньги и кредит. 2016. № 2. С. 42–49.

[181] Алексеенко О.А. Сетевой университет БРИКС и его роль в выстраивании новой архитектуры многостороннего взаимодействия в области образования и науки // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2017. № 9. С. 38-42.

[182] Антипова Е.А., Родионова И.А. Страны БРИКС на мировом рынке инноваций и высокотехнологичной продукции // Вестник БГУ. Серия 2: Химия. Биология. География. 2016. № 1. С. 71–80.

[183] Гусарова С.А., Гусаров И.В. Становление национальных инновационных систем стран БРИКС // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3-2 (56-2). С. 140–145.

М. Кана[185], Т.В. Кокуйцевой, Н.А. Слуки[186], И.Г. Короткова[187], Т.А. Ланьшиной[188], В.Н. Маковеева[189], П.С. Селезнева[190].

Труды А.В. Будаева[191], Ж. Галаротти, М. Шатин[192], В.М. Капицына[193], А.О. Наумова[194] посвящены исследованию вопросов применения «мягкой силы» в качестве инструмента внешней политики БРИКС.

Мотивацию участия пяти стран в межгосударственном объединении БРИКС изучали такие отечественные и зарубежные авторы, как Л. Армижу, П. Сотеру[195], М.В. Ларионова[196], Я.В. Лексютина[197], С.И. Лунев[198], А.А. Парушин[199], У. Померанц[200], Г.Д. Толорая[201], Н. Хайбинь[202], Т.Л. Шаумян[203], В.Г. Шубин[204].

---

[184] Дежина И.Г. Страны БРИКС: направления научной кооперации // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 9. С. 14–23.

[185] Кан М. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 140–159.

[186] Родионова И.А., Слука Н.А., Кокуйцева Т.В. Производство высокотехнологичной продукции: позиции стран БРИКС в меняющемся мире // Успехи современного естествознания. 2016. № 3. С. 190–197.

[187] Коротков И.Г., Зубенко В.А. Научно-исследовательская инфраструктура стран БРИКС // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 38-44.

[188] Ланьшина Т.А. Инновационное развитие стран БРИКС // Международная экономика. 2013. № 6. С. 82–89.

[189] Маковеев В.Н. Стимулирование инновационной деятельности в странах БРИКС // Вопросы территориального развития. 2016. № 2 (32). С. 1–12.

[190] Селезнев П.С. Инновационный потенциал стран БРИКС: опыт Индии // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 5. С. 51–57.

[191] Будаев А.В. БРИКС: формирование стратегии «мягкой силы» // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 57–68.

[192] Chatin M., Gallarotti G. Emerging Powers in International Politics: The BRICS and Soft Power (1st Edition). London: Routledge, 2017. 168 p.

[193] Капицын В.М. «Мягкая сила» БРИКС // Модернизация России: ключевые проблемы и решения: сб. материалов XIV международ. научн. конференции, 18 - 19 декабря 2014 г. Москва, 2015. С. 96–100.

[194] Наумов А.О. «Мягкая сила» стран группы БРИКС (на примере Бразилии и ЮАР) // Мировая политика. 2015. № 4. С. 27–40; Наумов А.О. Мягкая сила стран группы БРИКС (на примере Индии) // Страны БРИКС: Стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире: сб. трудов I Международной научно-практической конференции, 2–3 ноября 2015 г. Москва, 2016. С. 96–99; Наумов А.О., Положевич Р.С. «Мягкая сила» и международный имидж стран группы ИБСА // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. С. 6-37; Наумов А.О., Положевич Р.С. «Мягкая сила Индии как суверенного государства: идейные истоки и ретроспектива (Часть I) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 69. С. 410-430.

[195] Sotero P., Armijo L.E. Brazil: To be or not to be a BRIC? // Asian Perspective. 2007. Vol. 31, № 4. URL: http://www.cebri.com.br/midia/documentos/brazil.bric.pdf (date of access: 01.10.2018).

[196] Ларионова М.В. Год председательства ЮАР в БРИКС: региональная держава у руля глобального объединения // Африка как ресурс глобальных влияний: сборник статей. М.: РУДН, 2015. С. 190–212.

[197] Лексютина Я.В. Китай в БРИКС: мотивация участия // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 81–89; Лексютина Я.В. Китай и Индия: перспективы экономического лидерства в БРИКС // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII междунар. науч.-практич. конф., 22 – 23 мая 2017 г. Благовещенск, 2017. С. 685–690.

[198] Лунев С.И. Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. Т. 17. № 17. С. 112–139.

[199] Парушин А.А. Комплексный анализ возможностей России в рамках БРИКС: Макроэкономический и финансовый аспекты. Саарбрюккен (Германия): LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 128 с.

[200] Pommeranz W. Why Russia Needs the BRICS? // Fareed Zakaria Global Public Square. 2013, September 3. URL: http://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/09/03/why-russia-needs-the-brics/ (date of access: 01.10.2018).

[201] Толорая Г.Д. Зачем России БРИКС? // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 1. С. 70-81.

[202] Haibin N. A Chinese Perspective on the BRICS in 2015 // Council of Councils. 2015, February 6. URL: https://www.cfr.org/councilofcouncils/global_memos/p36088 (date of access: 01.10.2018).

Региональные приоритеты взаимодействия «пятерки» подробно описаны в работах А.А. Архангельской[205], Е.М. Астахова[206], А.В. Бобровникова[207], Д.Н. Бурых, А.С. Шишкова, Г.Г. Тищенко[208], Э. Вамбойе, Э. Тирунеха[209], Т.Л. Дейч[210], Е.Н. Корендясова[211], В.И. Юртаева[212]. Перспективы эволюции БРИКС представлены в трудах Е.Я. Араповой[213], И.Б. Ардзинба[214], Е.М. Астахова[215], Г. Баджика[216], В.М. Давыдова[217], Я.В. Лексютиной[218], А.П. Лукашика[219], Б.А. Хейфеца[220], П.П. Яковлева, Н.М. Яковлевой[221].

Кроме того, широкий перечень вопросов сотрудничества БРИКС освещен в сборниках материалов конференций и круглых столов, изданных научно-исследовательскими институтами Российской академии наук (ИАф РАН, ИЛА РАН, ИНИОН РАН, ИМЭМО РАН)[222] и ведущими отечественными вузами

---

[203] Шаумян Т.Л. Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. 2013. Т. 4. № 3 (13). С. 44–64.

[204] Шубин В.Г. ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 229–246.

[205] Архангельская А.А. БРИКС – новый актор в Африке: конкуренты или союзники? // Будущее Африки. Борьба новых и старых акторов: материалы междунар. науч. конф., 13 – 14 марта 2012 г. Москва. С. 102–111.

[206] Астахов Е.М. Латиноамериканская проекция БРИКС // Ибероамериканские тетради. 2016. № 1 (11). С. 62–66.

[207] Бобровников А.В. [и др.]. БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие / под общей ред. В.М. Давыдова. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2014. 187 с.

[208] Тищенко Г.Г., Бурых Д.Н., Шишков А.С. БРИКС и Латинская Америка: состояние, проблемы и перспективы сотрудничества // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5 (38). С. 11–31.

[209] Tiruneh E.A., Wamboye E. Foreign Capital Flows and Economic Development in Africa: The Impact of BRICS versus OECD (1st edition). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. 514 p.

[210] Дейч Т.Л. Региональная политика БРИКС в Африке // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 206–228.

[211] Дейч Т.Л., Корендясов Е.Н. БРИКС – новый игрок на африканском континенте // Азия и Африка сегодня. 2012. № 6 (659). С. 18–23.

[212] Юртаев В.И. БРИКС: вызовы сотрудничества на африканском континенте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 2. С. 191–202.

[213] Арапова Е.Я. Перспективы экономической интеграции в формате БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. Т. 2016. № 2. С. 32–47.

[214] Ардзинба И.Б. Будущее группы БРИКС глазами экспертного сообщества // Международная жизнь. 2014. № 3. С. 149–168.

[215] Астахов Е.М. БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1 (46). С. 42–50.

[216] Bacik G. Turkey and the BRICS: Can Turkey Join the BRICS? // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. Iss. 4 (Dec.). P. 758–773.

[217] Давыдов В.М. БРИКС. Достижения и задачи нового этапа // Вестник Финансового университета. 2015. № 5. С. 13–18.

[218] Лексютина Я.В. Лидерство в БРИКС: Прогнозы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 5. С. 25–33.

[219] Лукашик А.П. БРИКС: итоги российского председательства и векторы дальнейшего развития // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 51–62.

[220] Хейфец Б.А. Перспективы институционализации БРИКС // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 25–42.

[221] Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Аргентина – резервный участник группы БРИКС? // Свободная мысль. 2015. № 4 (1652). С. 32–47.

[222] На пороге второго десятилетия БРИКС. Сборник статей / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 83 с.; БРИКС в год седьмого саммита: фокус на Африку: сборник материалов круглого стола «БРИКС – Африка: реконфигурация международных приоритетов африканских стран» (Москва, 3 декабря 2014 г.) / отв. ред.: Дейч Т.Л., Корендясова Е.Н. М.: Институт Африки РАН, 2015. 156 с.; БРИК: предпосылки сближения и перспективы

(МГИМО (У) МИД[223], РУДН[224], ЮФУ[225]), а также в аналитических докладах РИСИ[226] и научном докладе, подготовленном совместно Международным институтом Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, Институтом экономических стратегий, МГУ имени М.В. Ломоносова, НКИ БРИКС, ИЛА РАН и ИДВ РАН к седьмому саммиту БРИКС[227].

Цель исследования – выявить стратегический потенциал и инструменты влияния БРИКС как коллективного актора мировой политики в условиях трансформации существующего мирового порядка.

Успешной реализации заявленной цели, на наш взгляд, способствует выполнение следующих **задач исследования**:

– изучение современных концепций мирового порядка, сложившихся в отечественной и зарубежной науке о международных отношениях, и выработка авторского видения проблемы изменения миропорядка в начале третьего тысячелетия;

– изучение взглядов российских и иностранных ученых на проблему

взаимодействия: сборник трудов международной конференции (Москва, 2010) / под ред. В.М. Давыдова, Ю.Н. Мосейкина. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2010. 232 с.; Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире: сборник трудов I Международной научно-практической конференции (Москва, 02-03 ноября 2015 г.) / Отв. ред.: Ю.С. Пивоваров. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. 590 с.

[223] Восходящие государства-гиганты БРИКС: роль в мировой политике, стратегии модернизации: сборник трудов научной конференции «Страны БРИКС как восходящие государства-гиганты: новая роль в системе международных отношений, глобальная проекция внешнеполитических стратегий, сравнительный анализ национальных моделей модернизации. Опыт для России» (Москва, 9-10 ноября 2011 г.) / Отв. ред.: Л.С. Окунева, А.А. Орлов. М.: МГИМО (У) МИД, 2012. 392 с.

[224] БРИКС: сотрудничество в целях развития: сборник материалов IV Международной научной конференции (Москва, 28 мая 2014 г.). М.: РУДН, 2014. 178 с.; БРИКС: сотрудничество в целях развития. Образование. Наука. Бизнес: сборник материалов V Международной научной конференции (Москва, 4 июня 2015 г.). М.: РУДН, 2016. 158 с.; БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития: сборник трудов III Международной конференции (Москва, 15 мая 2013 г.) / Отв. ред.: И.А. Айдрус. М.: РУДН, 2013. 222 с.; Промышленно-технологическая кооперация России со странами – партнерами БРИКС: сборник научных трудов / под ред. Ю.Н. Мосейкина, Е.А. Дегтеревой, А.М. Чернышовой. М.: РУДН, 2016. 292 с.

[225] Сотрудничество стран БРИКС для устойчивого развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции молодых ученых стран БРИКС (Ростов-на-Дону, 24-26 сентября 2015 г.) / отв. ред.: М.А. Боровская [и др.]. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2015. 366 с.

[226] Экономическое сотрудничество стран БРИКС как основа многополярного мира: сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 2 апреля 2015 г.) / под. ред. В.В. Перской [и др.]. М.: РИСИ, 2015. 260 с.; Каратаев С.В. [и др.]. Формула расчета квот МВФ: возможности для БРИКС и развивающегося мира: доклад Российского института стратегических исследований (РИСИ) (август 2016, № 3). URL: https://riss.ru/bookstore/monographs/report-3/ (дата обращения: 01.10.2018); И.В. Прокофьев [и др.]. О взглядах экспертов БРИКС на реформирование Международного валютного фонда: доклад Российского института стратегических исследований (РИСИ) (май 2016, № 2). URL: https://riss.ru/bookstore/monographs/report-2/ (дата обращения: 01.10.2018).

[227] Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту БРИКС / под ред. В.А. Садовничего, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева. М.: МИСК – ИНЭС – НКИ БРИКС, 2014. 392 с.

акторности в мировой политике, а также выявление места группы БРИКС в системе политической организации современного мира: с одной стороны, в системе акторов мировой политики, а с другой – в системе существующих многосторонних институтов;

– проведение исторического обзора становления и развития БРИКС как платформы многостороннего сотрудничества по широкому перечню вопросов глобального, регионального и локального (странового) характера;

– выявление факторов, обусловливающих центростремительные и центробежные тенденции внутри «пятерки»;

– описание ресурсных оснований позиционирования стран БРИКС в качестве центров силы современного мира;

– изучение политической, экономической, гуманитарной повестки дня группы БРИКС и формулирование перечня инструментов совместного влияния пяти стран на мировую политику;

– оценка комплексного стратегического потенциала БРИКС для трансформации существующего мирового порядка;

– обозначение основных тенденций эволюции «клубного формата» БРИКС;

– определение места БРИКС во внешнеполитической стратегии России.

Объектом исследования является межгосударственное объединение БРИКС, созданное в XXI веке пятью восходящими державами современности для целей совместного обсуждения и решения проблем глобального, регионального и национального развития.

В качестве **предмета исследования** выступает стратегический потенциал БРИКС как коллективного геополитического игрока и катализатора трансформации существующего мирового порядка, обусловленный имеющимися в распоряжении группы политическими, экономическими, гуманитарными и иными инструментами международного влияния.

Хронологические рамки исследования охватывают период

существования диалогового формата БРИКС – с 2006 по 2018 год[228]. За это время стороны совместно провели десять саммитов с участием высших должностных лиц, при этом каждая страна председательствовала в БРИКС дважды. Многие исследователи рассматривают последний саммит БРИКС в ЮАР в июле 2018 года как своего рода рубеж, преодолев который, БРИКС может вступить в «золотое» десятилетие своего существования. Отметим, что, несмотря на достаточно устойчивый тренд к всестороннему развитию объединения БРИКС, мы не исключаем возможности свершения событий, именуемых «чёрными лебедями» и способных в значительной степени повлиять на сотрудничество стран БРИКС друг с другом. К числу таких событий можно отнести, например, возможную победу на президентских выборах в Бразилии в октябре 2018 года убежденного националиста и консерватора Жаира Болсонару, явно нацеленного на сближение с США (вполне вероятно, в ущерб отношениям с партнерами по БРИКС). Так или иначе, представляется, что сейчас наступил подходящий момент для подведения промежуточных итогов взаимодействия пяти стран.

Гипотеза исследования: БРИКС обладает существенным стратегическим потенциалом, обусловленным имеющимися у «пятерки» инструментами влияния на мировую политику, однако не реализованным на сегодняшний день в полной мере. Межгосударственное объединение БРИКС является фактором глобального значения и выступает одним из катализаторов трансформации существующего миропорядка.

Положения, выносимые на защиту:

– в начале XXI века мировой порядок, сложившийся с распадом Советского Союза в 1991 году и характеризовавшийся абсолютным глобальным лидерством США, постепенно уступает место полицентричному миру, однако говорить о предопределенности (и тем более завершении) этого процесса преждевременно;

– за последние полтора десятилетия феномен БРИКС эволюционировал из

[228] Вместе с тем, анализ предпосылок возникновения БРИКС как феномена мировой политики обусловил необходимость расширения временного горизонта исследования до 1998 года – времени, когда председателем Правительства Российской Федерации Е.М. Примаковым была предложена концепция стратегического «треугольника» Россия–Индия–Китай, ставшего предтечей БРИКС.

умозрительной концепции, предложенной для выработки рекомендаций по инвестированию финансового капитала, в полноценный формат многостороннего сотрудничества пяти восходящих держав современности по проблемам глобального, а также регионального и национального развития;

– во второй половине 2010-х годов центростремительные тенденции в рамках БРИКС преобладают над центробежными, что свидетельствует в пользу ориентации партнеров по группе на долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество (вместе с тем следует помнить о том, что центробежные тенденции могут взять верх над центростремительными в случае свершения указанных выше событий – «чёрных лебедей»);

– каждая из стран БРИКС имеет значительные ресурсные основания для собственного позиционирования в качестве центров силы меняющегося мира, при этом не исключается возможность становления БРИКС в качестве коллективного центра силы глобального мира в перспективе;

– страны БРИКС располагают широким инструментарием влияния на мировую политику, составляющим основу их совокупного стратегического потенциала, а набор таких инструментов позволяет рассматривать БРИКС как форум многостороннего сотрудничества, синтезирующий элементы «мягкой» и «жесткой» сил пяти стран для увеличения их комплексной национальной мощи;

– межгосударственное объединение БРИКС способно выступить мощным катализатором переустройства системы глобального управления и становления полицентричного мира при условии усиления кооперации в политической и экономической сферах и наличия достаточной политической воли у правящих элит стран-членов группы;

– в краткосрочной перспективе ускоренная институционализация, экономическая интеграция, чрезмерная политизация и расширение состава группы БРИКС маловероятны (последнее, впрочем, не исключается в ближайшие годы); перспективным вектором эволюции БРИКС видится развитие форматов «аутрич» и «БРИКС+», предполагающих подключение к сотрудничеству с «пятеркой» третьих стран;

– БРИКС является одним из стратегических направлений внешней политики Российской Федерации в условиях обострения отношений со странами Запада, а двустороннее сотрудничество нашей страны с каждым из государств-партнеров по группе еще не скоро достигнет своего предела.

Методологическую основу исследования составили:

– экспликативные методы: изучение официальных документов и ивент-анализ (использовались при описании эволюции форума БРИКС, расширения повестки дня объединения и перечня механизмов сотрудничества, а также явно выраженных в документах намерений официальных лиц – лидеров стран БРИКС и руководителей профильных ведомств);

– инструментальное наблюдение как один из методов анализа ситуаций (изучение видеозаписей саммитов БРИКС, встреч должностных лиц и прочих мероприятий, организованных на площадке данного форума, позволило выявить намерения сторон и достигнутые ими договоренности в случаях, когда стенограммы мероприятий или официальные документы, принятые по их итогам, отсутствуют или находятся в ограниченном доступе);

– метод построения сценариев как один из методов политического прогнозирования (использовался, в частности, при определении альтернативных путей развития БРИКС и оценке вероятности расширения БРИКС, политизации и институционализации объединения, превращения его в международную организацию);

– функциональный метод (применялся при описании зависимостей между явлениями и фактами, определении факторов, влияющих в большей или меньшей степени на развитие сотрудничества группы БРИКС в политической, экономической и социально-гуманитарной сферах);

– системный подход (позволил исследовать БРИКС как целостное межгосударственное образование, использующее собственные инструменты влияния в мировой политике и активно взаимодействующее с другими игроками на международной арене, и как формат сотрудничества, потенциал которого аккумулируется усилиями пяти стран, отличных друг от друга по целому ряду

параметров и преследующих в чем-то совпадающие, а в чем-то различные интересы);

– институциональный подход (использовался при анализе места БРИКС в системе политической организации современного мира, в частности среди других многосторонних институтов);

– междисциплинарный подход, предполагающий применение методов политологии, истории и экономики, в том числе анализ статистической информации (позволил комплексно изучить феномен БРИКС и его трансформацию за период с 2001 по 2018 год из умозрительной концепции в полноценное межгосударственное объединение, выявить и описать конкурентные преимущества каждой из пяти стран-участниц форума с опорой на количественные данные);

– общенаучные логико-интуитивные методы: анализ, синтез, индукция, обобщение и сравнение – необходимые при проведении любого исследования в области международных отношений и мировой политики.

Эмпирическая база исследования представлена следующими группами источников:

1. Официальные документы (совместные заявления и декларации глав государств), принятые по итогам десяти саммитов БРИКС в 2009-2018 гг., а также документы, определяющие приоритеты и механизмы отраслевого сотрудничества пяти стран, такие как:

– Соглашение о финансовом сотрудничестве в рамках межбанковского механизма БРИКС (2011 г.);

– Многостороннее соглашение о подтверждении аккредитивов в рамках механизма межбанковского сотрудничества стран БРИКС (2012 г.);

– Генеральное соглашение об общем порядке открытия кредитных линий в национальных валютах БРИКС (2012 г.);

– Соглашение о создании Нового банка развития БРИКС (2014 г.);

– Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС (2014 г.);

– Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между экспортно-кредитными агентствами стран БРИКС (2014 г.);

– Соглашение между правительствами стран БРИКС о сотрудничестве в области культуры (2015 г.);

– Меморандум о намерениях по сотрудничеству с Новым банком развития (2015 г.);

– Стратегия экономического партнёрства БРИКС (2015 г.);

– Меморандум о взаимопонимании по созданию платформы сельскохозяйственных исследований БРИКС (2016 г.);

– План действий БРИКС по инновационному сотрудничеству на период 2017-2020 гг. (2017 г.);

– Дурбанская декларация, принятая по итогам шестой встречи министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС (2018 г.).

2. Официальные документы, принятые Российской Федерацией:

– Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 29-ФЗ «О ратификации Соглашения о Новом банке развития»;

– Федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 107-ФЗ «О ратификации Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС»;

– Концепция внешней политики Российской Федерации (в редакциях 2016, 2013 и 2008 гг.; последняя редакция утверждена Указом Президента Российской Федерации 30 ноября 2016 г. № 640);

– Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС (утв. Президентом Российской Федерации в 2013 г.);

– Концепция председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015-2016 годах.

3. Официальные сайты международных организаций (МВФ, ВТО, Всемирный Банк, Стокгольмский институт исследования проблем мира), постоянно действующих органов и специализированных учреждений Организации Объединенных Наций (Совет Безопасности ООН, ЮНКТАД, ЮНИДО), публикующих статистические данные, необходимые для целей настоящего

исследования, а также официальные сайты ЦРУ, Нового банка развития, виртуального секретариата БРИКС и председательства стран БРИКС в группе в 2013-2018 гг.

4. Публицистические материалы, представленные в российских и зарубежных СМИ: ИА России «ТАСС», МИА «Россия сегодня», ФГУП РАМИ «РИА Новости», «Российская газета», «Известия», Китайское национальное радио (China National Radio, CNR), газета «Жэньминь Жибао» и пр.

Научная новизна исследования определяется следующим:

1. На основе анализа положений ключевых документов, принятых по итогам десяти саммитов БРИКС с 2009 по 2018 год, и событийного анализа, охватывающего правительственные контакты и встречи представителей гражданского общества «пятерки», представлена авторская оценка развития БРИКС как многосторонней платформы для обсуждения и решения широкого перечня глобальных, региональных и локальных проблем.

2. С учетом изменения динамики социально-экономического развития стран БРИКС и геополитических сдвигов последних лет проведена ревизия факторов интеграции и дезинтеграции группы БРИКС.

3. Проведен структурный разбор стратегического потенциала БРИКС для реформирования системы глобального управления; выявлены политические, экономические и иные инструменты международного влияния пяти стран, характеризующие БРИКС не как простую сумму «мягкой» и «жесткой» сил каждой из стран «пятерки», но как результирующую таких сил с синергетическим эффектом.

4. Представлено авторское видение места группы БРИКС в системе политической организации современного мира (отдельно – в системе акторов мировой политики и системе многосторонних институтов), а также роли БРИКС в изменении существующего мирового порядка.

5. Выявлены перспективы эволюции форума БРИКС, касающиеся изменения его состава, повестки дня (превалирования в ней вопросов экономического, политического или гуманитарного сотрудничества),

институционализации группы, ее превращения в военно-политический союз или экономическое интеграционное объединение, кристаллизации в БРИКС лидера или «ядра», образованного несколькими странами.

6. Введены в научный оборот релевантные для выполнения задач исследования, актуальные статистические данные, опубликованные международными организациями и уполномоченными государственными органами России (при этом ряд производных показателей был рассчитан автором на основе открытых первичных данных).

7. Выявлены проблемы, накладывающие ограничения на процедуру проведения количественного анализа торгово-инвестиционного сотрудничества стран БРИКС, которые упускают из виду отечественные исследователи вопроса:

– несовпадение данных по взаимному товарообороту, представленных таможенными ведомствами стран БРИКС и аккумулированных в базах данных ООН (такое несовпадение обусловлено применением странами различных методик расчета объемов товарных потоков);

– регулярный (и вместе с тем неравномерный) перерасчет данных по иностранным инвестициям стран мира статистическим подразделением ООН, приводящий к искажению международных сравнений и серьезным трудностям при сравнении аналитических отчетов ООН, опубликованных в разные годы;

– в связи с тем, что значительная доля зарубежных инвестиций стран БРИКС оседает в офшорных зонах и впоследствии реинвестируется в экономики этих же стран (что отчасти указывает на действие механизма «отмывания» денег, полученных преступным путем), создается ложное представление о масштабах и роли ПИИ в развитии национальных экономик стран БРИКС.

Теоретическая значимость исследования. В результате проведенного научного анализа систематизированы представления российских и зарубежных ученых-международников о сущностных характеристиках, условиях существования, типологии мировых порядков, критериях акторности и классификациях акторов в мировой политике, современной системе многосторонних институтов, в которой есть место и группе БРИКС. Кроме того, с

опорой на международные договоры (такие как Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г.) уточнен международно-правовой статус БРИКС. Результаты диссертационного исследования могут служить отправной точкой для более глубокого изучения отдельных аспектов взаимодействия стран БРИКС как друг с другом, так и с иными геополитическими игроками и международными институтами.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования материалов исследования и полученных выводов в деятельности российских государственных структур (в том числе Министерства иностранных дел Российской Федерации), «мозговых центров», специализирующихся на развитии двусторонних отношений России с партнерами по группе БРИКС. Кроме того, материалы проведенного исследования могут быть полезны при составлении читаемых в высшей школе учебных курсов по тематике БРИКС, мирового порядка, акторов мировой политики и политической системе мира в целом.

Апробация результатов исследования. Основные положения настоящего исследования отражены в публикациях автора (в том числе в соавторстве) в журналах «Государственное управление. Электронный вестник», «Новая и новейшая история» и «Вестник Томского государственного университета. История» (общим объемом 7,9 п.л.). Кроме того, апробация результатов исследования состоялась в ходе выступлений с докладами на XXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2015» (Москва, 13–17 апреля 2015 г.), XIII Международной конференции «Государственное управление: Российская Федерация в современном мире» (Москва, 28–30 мая 2015 г.), VI Международной научно-практической конференции «Стратегическое антикризисное управление: глобальные вызовы и роль государства» (Москва, 7 декабря 2016 г.).

Материалы диссертации были использованы автором в открытых

дискуссиях о современном состоянии и перспективах развития российско-китайских отношений (в том числе в рамках БРИКС) на полях конференций, организованных Российским советом по международным делам в сотрудничестве с Обществом российско-китайской дружбы и российской консультационной группой “CREON Energy”:

– Вторая международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений» (Москва, 30 мая 2016 г.);

– Третья международная конференция «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений» (Москва, 29–30 мая 2017 г.).

Кроме того, отдельные положения и выводы диссертации были апробированы в ходе модерирования диссертантом деловых имитационных игр, состоявшихся на площадке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова:

– Первая межфакультетская модель БРИКС МГУ «Экономическое и торгово-инвестиционное сотрудничество стран БРИКС» (Москва, 28 апреля 2015 г.);

– Вторая межфакультетская модель БРИКС МГУ «Мягкая сила» и международный имидж стран БРИКС» (Москва, 27 ноября 2015 г.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав (девяти параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы, насчитывающего 489 наименований, а также 11 приложений.

Глава I. Теоретические основы изучения мирового порядка и феномена БРИКС

1.1. Основные трактовки содержания, современного состояния и перспектив трансформации мирового порядка

Идея формирования справедливого, демократического многополярного мирового порядка, при котором все участники международных отношений и мировой политики неукоснительно соблюдают запрет на применение силы при взаимодействии друг с другом, проходит красной нитью через все ключевые документы и совместные публичные заявления стран БРИКС[229]. Недаром в основе настоящего исследования лежит изучение инструментов внешнеполитического влияния группы БРИКС именно в условиях трансформации существующего мирового порядка.

Но что подразумевается под многополярным миром? Каковы определяющие параметры мирового порядка вообще и каким он может быть, если не многополярным? Ответы на эти вопросы нам представляется важным найти прежде, чем говорить о феномене БРИКС, месте и влиянии данного межгосударственного объединения в современном мире. Трудно не согласиться в этой связи со словами американского профессора политики и международных отношений Дж. Айкенберри в том, что проблема мирового порядка: его устройства, разрушения и восстановления – является центральной проблемой международных отношений[230].

На исключительную важность изучения проблемы мирового порядка указывает советский и российский политолог Т.А. Шаклеина: она говорит о том, что строительство и закрепление нового мирового порядка является самым главным мегатрендом XXI века[231]. Под мегатрендами мировой политики

---

[229] См., например, последнюю на момент написания диссертации декларацию стран БРИКС: Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС (26 июля 2018 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/5323 (дата обращения: 01.10.2018).

[230] Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: University Press, 2000. P. 22.

[231] Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т. А. Шаклеиной и А. Б. Байкова. Учебник. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 69.

профессор Т.А. Шаклеина понимает «крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития, определяющие качественное содержание текущего этапа эволюции миросистемы»[232]. При этом в рамках самого порядкообразующего мегатренда ученый выделяет такие глобальные тренды, как изменение политической структуры мира, заключающееся в его деполяризации и полицентризации, расширение группы ведущих мировых держав[233], общая территориальная фрагментация мира (заключающаяся в фрагментации отдельных государств, появлении непризнанных и частично признанных стран), тренд по созданию новых норм, регламентирующих поведение игроков на международной арене, и обеспечивающих их выполнение международных институтов, а также новая территориальная структуризация мирового и регионального пространств[234].

О последнем тренде необходимо сказать несколько подробнее. Суть его, по определению Т.А. Шаклеиной, в том, что отдельные государства, обладающие достаточным потенциалом, стремятся структурировать как географически близкие к ним пространства, так и отдаленные территории путем создания континентальных, трансконтинентальных и трансокеанических региональных подсистем. Сами державы нацелены на то, чтобы стать комплексными ядрами таких подсистем, задающими вектор их экономической, политической и идеологической эволюции[235]. В числе прочего интегрированные региональные подсистемы характеризуются стремлением к деятельности на основе разделяемых интересов и общих международных институтов с целью превращения в коллективный центр силы в мировой политике, а также общностью исторического

---

[232] Там же, С. 7.

[233] В научном дискурсе нет консенсуса относительно того, какие государства сегодня могут считаться ведущими мировыми державами (иначе – великими державами). Сама Т.А. Шаклеина относит к ним США, Россию, Великобританию, Францию, Китай, Германию, Индию, Бразилию, Турцию и – с натяжкой, как говорит автор, – Канаду и Японию. См.: Шаклеина Т.А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 314-315.

[234] Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т.А. Шаклеиной и А. Б. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 23, 70; Шаклеина Т.А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 314-315.

[235] Шаклеина Т.А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 314-315.

опыта и схожестью культур (впрочем, последний фактор постепенно утрачивает свое значение). При отсутствии в региональной подсистеме интегрирующего ядра она превращается в политическое пространство, которое может стать подсистемой с внешним управляющим лидером[236].

О важности исследования мирового порядка как одного из трех международных регуляторов насилия (наряду с международным правом и мировой политикой) говорит профессор В.М. Капицын. Институционализация мирового порядка, в формате которого «балансы сил противостоят доминантам военной мощи государств и союзов», является одним из способов поддержания стабильности на мировой арене[237].

На наш взгляд, прежде чем детально рассмотреть феномен мирового порядка, целесообразно определиться с тем, что такое порядок как родовая категория. В этой связи уместно привести концепцию порядка выдающегося представителя английской школы международных отношений Х. Булла, стоявшего у истоков исследования проблемы мирового порядка. Порядок, по определению Х. Булла, предполагает существование корреляции между рядом элементов, при которой существенное изменение одного из них влечет за собой изменение остальных и, в конечном счете, порядка в целом. Отличительными же свойствами порядка как родового феномена являются устойчивость и динамический характер существующих между элементами связей, придающих порядку стационарность, а также пространственная природа порядка (предполагается, что упорядочивание элементов возможно лишь в рамках замкнутого пространства)[238].

Порядок в мировой политике является разновидностью политического порядка, в то время как последний – вид порядка социального. Х. Булл дает очень лаконичное определение социального порядка – это порядок, «устанавливаемый

---

[236] Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т.А. Шаклеиной и А.Б. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 80.

[237] Капицын В.М. Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия // Русская политология – Russian political science. 2016. № 1. С. 59.

[238] Приводится по: Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 28.

людьми, среди людей и ради людей»[239]. Он находит свое выражение в системе социальных институтов, регулирующих отношения между людьми, и всегда выстраивается для достижения конкретной цели, связанной с обеспечением блага определенной группы людей (в идеале – как можно более многочисленной). Если говорить о политическом порядке, то его можно описать как структуру социальных отношений, состоящую из разного рода институтов и норм, призванную сохранять целостность некой социальной системы, будь то отдельное поселение или мировое сообщество.

Отметим, что на сегодняшний день ни в российском, ни в зарубежном научном дискурсе не сложилось единого, канонического определения мирового порядка. В межгосударственном ключе мировой порядок определяют многие отечественные и зарубежные авторы. Так, согласно А.А. Галкину, миропорядок – это «совокупность взаимоотношений суверенных государств»[240]. По мнению американского государственного деятеля и эксперта в сфере международных отношений Г. Киссинджера, мировой порядок представляет собой «схему организации и распределения власти, которая считается справедливой каким-либо актором мировой политики и пригодной для всего мира»[241]. Профессор Ш.Ш. Шахалилов понимает под мировым порядком «модель управления международной системой, отражающую расклад сил между ведущими державами, сложившийся на конкретном историческом отрезке»[242]. С точки зрения распределения власти в мировой политике мировой порядок рассматривает и американский политолог Л. Миллер: он называет мировым порядком «состояние наличия определенной системы норм, задающих параметры соперничества международных акторов друг с другом за власть и влияние»[243].

Ю.П. Давыдов определил мировой порядок как «состояние системы международных отношений, запрограммированное на ее безопасность,

---

[239] Там же, с. 29.
[240] Галкин А.А. Размышления о политике и политической науке. М.: Оверлей, 2004. С. 238.
[241] Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. London: Penguin Books, 2015. P. 9.
[242] Шахалилов Ш. Мировой порядок: проблемы трансформации // Международная жизнь. 2016. № 9. С. 113.
[243] Miller L.H. Global Order: Values and Power in International Politics / L.H. Miller. Boulder: Westview Press, 1998. P. 11.

стабильность и развитие и регулируемое на основе критериев, отвечающих потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов мирового сообщества»[244]. Профессор П.А. Цыганков, отождествляя с мировым порядком порядок в международных отношениях и мировой политике, говорит о том, что последний представляет собой «определенную организацию отношений между политическими акторами, основанную на совместно принятых и соблюдаемых ими принципах и правилах поведения, созданных для этой цели институтах и разделяемых всеми нормах и ценностях»[245].

Достаточно развернутое определение мирового порядка дает А.Д. Богатуров: под ним он понимает систему межгосударственных отношений, которая регулируется принципами внешнеполитического поведения, согласованными на их основе установлениями и признаваемыми легитимными санкциями за их нарушение, потенциалом уполномоченных стран и образованных ими межгосударственных институтов такие санкции осуществить, а также политической волей стран этим потенциалом воспользоваться[246].

Отечественный ученый-американист Э.Я. Баталов трактует мировой порядок как систему коррелятивных связей между субъектами мирового политического процесса, к которым он причисляет государства, международные правительственные и неправительственные организации, индивидов и их групп, способными благодаря имеющимся у них политическим, экономическим и иным ресурсам оказывать существенное влияние на мировую политику. Ученый пишет о том, что такие связи должны быть глобальными по охвату, сравнительно стабильными, структурированными и при этом динамичными, но самое главное – «соответствующими определенному поведенческо-институциональному образцу»[247].

Профессор А.И. Костин понимает под мировым порядком систему

---

[244] Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. С. 39.
[245] Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 198-199.
[246] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт - МОНФ, 1997. С. 40.
[247] Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 31.

международных соглашений, узаконивающую балансы сил, которые оформляются после масштабных политических и военных трансформаций, таких как войны, территориальная фрагментация или, напротив, объединение государств. Речь идет в данном случае о конфигурации государственных границ, структуре межгосударственных соглашений, сферах влияния наций и зон их интересов, правилах сохранения мира, инструментах безопасности и т.п.[248].

Российский историк и политолог К.С. Гаджиев дает узкое и широкое видение мирового порядка. В узком смысле мировой порядок – «система взаимоотношений наиболее активных акторов мирового сообщества, основанная на комплексе неофициальных и официальных правил и норм поведения, закрепленных в международном праве, а также созданных на их базе институтов, организаций, союзов и т.д.». В широком же смысле мировой порядок есть не что иное, как «мировое сообщество в его тотальности, включая всех без исключения акторов»[249].

Наконец, заслуживает внимания и определение, представленное американской исследовательницей А.-М. Слотер, согласно которой мировой порядок – это система глобального управления, которая институционализирует международное сотрудничество и предотвращает конфликты в степени, достаточной для всех наций для достижения ими большего мира и процветания, лучшего распоряжения имеющимися ресурсами и обеспечения хотя бы минимальных стандартов человеческой жизни и достоинства[250].

Помимо отсутствия консенсуса среди ученых по вопросу определения мирового порядка, нет и консенсуса относительно того, как соотносятся в теории категории «мировой» и «международный» порядок. И хотя некоторые исследователи полагают нецелесообразным проведение четких разграничительных линий между этими терминами (так, например, Н.М. Сирота утверждает, что оба понятия близки содержательно и выражают потребность мирового сообщества в достижении и сохранении региональной и глобальной

[248] Костин А.И. Экополитология и глобалистика. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 233.
[249] Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. 2-е изд. испр. и доп. М., Экономика, 2011, С. 12.
[250] Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton and London, 2004. P. 166.

стабильности[251]), мы считаем необходимым изложить позиции ряда авторов по этой проблеме.

А.Д. Богатуров утверждает, что мировой порядок сегодня не носит глобальный, всеохватывающий характер, из чего следует, что по охвату он уже международного порядка. При этом именно мировой порядок, по убеждению ученого, выражает желаемый вектор эволюции мировой системы, суть которого – в разрастании мирового порядка до масштабов международного[252].

Другую точку зрения на данную проблему представляет П.А. Цыганков. Он говорит о том, что международный порядок составляет ядро мирового порядка, но к нему не сводится все содержание последнего. П.А. Цыганков призывает не отождествлять эти две категории, но и не абсолютизировать их различия[253]. Международный порядок автор соотносит с межгосударственным и говорит о возможности его существования при отсутствии мирового порядка. Вместе с тем, мировой порядок не мыслится при отсутствии особого международного порядка, в котором созданы действенные механизмы и процедуры межгосударственного сотрудничества, способствующие реализации общих целей и культивированию общих ценностей граждан таких государств[254].

Термины «мировой» и «международный» порядок в таком же ключе разводят многие зарубежные теоретики международных отношений, в частности С. Хоффман[255], Дж. Айкенберри[256] и Х. Булл, который первым ввел в научный оборот категорию «международный порядок». Так, Х. Булл понимает под ним образец внешнеполитической деятельности, которая направлена на поддержание элементарно необходимых, жизненно важных и непротиворечивых целей общества государств, или международного общества[257]. К таким целям исследователь причисляет обеспечение сохранности и стабильности сообщества

---

[251] Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. С. 16.
[252] Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1. С. 6.
[253] Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2003. С. 474.
[254] Там же, с. 473.
[255] Hoffmann S. Primacy or World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. New York: McGraw-Hill Education, 1980. P. 29.
[256] Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: University Press, 2000. P. 88.
[257] Bull H. The Anarchical Society. New York: Columbia University Press, 1977. P. 8.

государств в целом за счет нейтрализации как существующих, так и потенциальных угроз, защиту внешнего и внутреннего суверенитета каждого государства, достижение и сохранение мира (допускающего возможность развязывания войны лишь при заранее установленных условиях и с опорой на принципы, разделяемые сообществом государств), а также наличие разделяемых всеми социально-политических установок в независимости от того, регламентируют ли они взаимодействие между индивидуумами, обществом и государством или взаимодействие между отдельными государствами[258].

Общество государств в том смысле, который придает ему Х. Булл, складывается тогда, когда некоторая группа государств осознает общность своих ценностей и интересов, чувствует себя связанной набором правил, регулирующих их взаимоотношения, и участвует в совместно организует деятельность международных институтов. Таким образом, благодаря усилиям группы государств оформляется международная система[259]. Вместе с тем, вполне возможен сценарий, согласно которому международное общество достигает такого уровня кооперации, когда его целью становится достижение всеобщего блага. Х. Булл говорит о том, что именно тогда мы и можем наблюдать становление по-настоящему мирового порядка, понимаемого им как «образцы или предрасположенности человеческой деятельности, ориентированные на поддержание первичных целей всего человечества»[260]. Согласно Х. Буллу, мировой порядок шире и «исконнее» международного порядка, поскольку он регулирует взаимоотношения на уровне государств, но и социальные связи других типов. Он обладает моральным приоритетом в сравнении с международным порядком ввиду того, что упорядочивает отношения в человеческом обществе в целом[261].

Профессор П.А. Цыганков, обобщая опыт научных изысканий других авторов по проблеме соотношения мирового и международного порядков, говорит о том, что последний характеризует «состояние стабилизации системы

[258] Ibid., p. 8-11.
[259] Ibid., p. 13.
[260] Ibid., p. 20.
[261] Ibid., p. 22.

государств, вырабатывающих и соблюдающих общие правила поведения»[262]. Мировой же порядок формируется тогда, когда в общие правила взаимодействия на мировой арене встраиваются (или даже изменяют их, не разрушая основополагающий принцип регулирования международной системы) другие значимые легитимные международные акторы, что способствует преодолению анархичности в мировой политике. Таким образом, мировой порядок, как постулирует П.А. Цыганков, является скорее отсылкой к предпочитаемому характеру международных отношений, нежели их реальным состоянием. Вместе с тем, однозначное и окончательное разграничение мирового и международного порядка как в теории, так и на практике, по замечанию автора, вряд ли возможно.

Перейдем к рассмотрению некоторых сущностных характеристик мирового порядка и подходов к его изучению, которые выделяются российскими и зарубежными исследователями. Т.А. Шаклеина обращает внимание на первостепенные ценности любого мирового порядка, которые отвечают интересам всеобщего мира, – это, во-первых, способность наиболее сильных государств к самоограничению (иными словами, сдерживанию своих амбиций) при отправлении внешней политики, а во-вторых – способность мирового сообщества ограничивать действия государств или негосударственных акторов мировой политики, поведение которых явно угрожает международной безопасности. В сущности, самоограничение и ограничение видятся Т.А. Шаклеиной главными функциями поддержания мирового порядка, которые призваны выполнять международные организации (от лица международного сообщества) и великие державы[263].

По мнению российских исследователей, существование мирового порядка обусловливается наличием следующих элементов:

– признаваемой всеми или абсолютным большинством субъектов международных отношений иерархии возможностей между региональными и

---

[262] Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 195.

[263] Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т.А. Шаклеиной и А. Б. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 10.

глобальными державами;

– набора принципов и правил взаимодействия всех игроков на международной арене;

– системы выработки и принятия решений по основным международным вопросам, обеспечивающей представительство интересов наименее влиятельных стран при принятии решений великими державами современности;

– совокупности легитимных и легальных санкций за нарушение указанных выше принципов и правил, а также адекватных механизмов применения таких санкций;

– режима реализации международного порядка, то есть единства форм, методов и процедур реализации принятых решений[264].

Э.Я. Баталов связывает стабильность мирового порядка с сохранением в рамках мировой системы трех балансов – баланса угроз, ценностей и интересов[265]. Баланс угроз подразумевает, что ни один из главных центров силы современного мира не игнорирует угрозы своей национальной безопасности со стороны других центров силы (а также коллективной безопасности, если он является ядром региональной подсистемы или, например, участником международных институтов, призванных гарантировать безопасность нескольких стран). С другой стороны, баланс угроз означает и то, что центры силы не пересекают при отправлении внешней политики определенную черту и не действуют с позиции вседозволенности. Баланс ценностей предполагает готовность и способность главных центров силы отстаивать на международной арене собственные фундаментальные ценности, в том числе ценности, на которых зиждутся отношения внутри центров силы, если они включают в себя несколько государств, и которые формируют основу составляющих их политических и экономических систем. Баланс интересов же, по мнению Э.Я. Баталова, означает готовность и способность главных центров силы защищать национальные и

[264] См. также: Торкунов А.В. Современные международные отношения и мировая политика. М.: Просвещение, 2004. С. 52; Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т.А. Шаклеиной и А.Б. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 10-11.

[265] Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005. С. 125.

коллективные интересы, проистекающие из их базовых ценностей и обеспечивающие удовлетворение ключевых потребностей существующих в рамках центров силы общностей.

Эксперты выделяют три наиболее распространенных подхода к прикладному анализу мирового порядка: реалистический, социально-конструктивистский и институциональный[266]. Первый из них восходит к трудам политическим реалистов (Г. Моргентау[267], Р. Арону[268], К. Уолтцу[269]) – его отличает пристальное внимание авторов к соотношению потенциалов акторов мировой политики, особенно ведущих мировых держав. Реалистский подход преобладал в академическом и политическом дискурсе во времена «холодной войны», причем военный фактор, как мы знаем, выступал в качестве определяющего элемента баланса сил.

Второй, социально-конструктивистский, подход, у истоков которого стоят политологи Р. Гилпин[270], Л. Миллер[271], Р. Купер[272], постулирует приоритетную значимость норм, которым следуют (или которые осознанно нарушают) субъекты мировой политики при выстраивании отношений друг с другом. Адепты этого подхода стоят на позиции, согласно которой смена правил и принципов международного взаимодействия влечет за собой трансформацию мировых порядков. Указанный подход был особенно популярен в теории международных отношений и мировой политики после завершения биполярной конфронтации СССР и США: тогда к нему примешивались элементы реал-политического анализа.

Третий, институциональный, подход, представителем которого является, в

---

[266] Торкунов А.В. Современные международные отношения и мировая политика. М.: Просвещение, 2004. С. 49; Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. С. 18-20.

[267] Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.

[268] Арон Р. Мир и война между народами: Пер. с фр.; Под общ. ред. В.И. Даниленко. М.: Nota Bene, 2000. 880 с.

[269] Waltz K. Theory of International Politics. New York: McGraw Hill, 1979. 251 p.

[270] Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: University Press, 1981. P. 102.

[271] Miller L.H. Global Order: Values and Power in International Politics. Abingdon: Routledge, 1985. P. 50.

[272] Cooper R. Is there a New World Order? // Prospects for Global Order. Ed. by S. Sato, T. Taylor, S. Heiva, London. 1993. Vol. 2. P. 8.

частности, Дж. Айкенберри[273], смещает акцент на инструменты регулирования мирополитических процессов, главным среди которых являются международные институты как механизмы сотрудничества суверенных государств, способные корректировать поведение отдельных стран в интересах международного сообщества.

Существуют и другие типологии подходов к исследованию мирового порядка. Достаточно логичным и интересным видится разделение в этой связи взглядов ученых на три группы согласно К. Буту и Н. Уилеру. Авторы различают фаталистский, посреднический и трансцендентный подходы к анализу мирового порядка[274].

Сторонники фаталистского подхода убеждены в том, что мировой порядок как неизменная базовая переменная глобального мироустройства является игрой с нулевой суммой, в которой государства и группы государств состоят главным образом в отношениях конфронтации друг с другом, а характер их взаимодействия задает расстановка сил на международной арене. Приверженцы фаталистского подхода (в числе которых, например, Г. Моргентау и Зб. Бжезинский) полагают, что оформление нового мирового порядка в XXI веке будет напрямую зависеть от возвышения одного или нескольких центров сил (к которым в последнее время все чаще относят и страны БРИКС), различных по потенциалам своего международного влияния. Конечный облик мирового порядка в представлении фаталистов будет определяться конфигурацией сил на мировой арене (будет ли это однополярность, многополярность или, скажем, новая региональная биполярность), а также характером взаимоотношений между великими державами (в этой связи часто говорят о «мировом концерте» наций и новой межблоковой конфронтации).

Представители посреднического подхода (институционалисты, функционалисты, конструктивисты) описывают мировой порядок как игру с ненулевой суммой, в которой государства делегируют часть своего суверенитета

[273] Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: University Press, 2000. P. 7.
[274] Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics. London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 10.

различного рода международным институтам в расчете на то, что соблюдение коллективно выработанных норм внешнеполитического поведения – добровольное и осознаваемое всеми ключевыми международными игроками – будет способствовать уменьшению степени неопределенности в мировой политике, вызывающей накал взаимного недоверия государств, и, в конечном счете, поможет избежать перерастания такого недоверия в открытое противоборство.

Несмотря на то, что сторонники посреднического подхода разделяют взгляды на общую концепцию участия государств в деятельности международных институтов, они в то же время расходятся во мнениях относительно того, что именно гарантирует такую вовлеченность государств. Так, конструктивисты считают обязательным условием сотрудничества стран через многосторонние институты их коллективную идентичность, базирующуюся на общих ценностях[275]. Институционалисты полагают, что формирование мирового порядка является результатом совместных усилий государств по выработке и закреплению в международных договорах общих норм поведения[276]. Наконец, функционалисты говорят об исключительной важности наличия у государств общих интересов, подталкивающих их к кооперации даже при условии, что у них могут быть несовместимые системы ценностей[277].

Приверженцы трансцендентного подхода, к которым относятся неомарксисты, феминисты, федералисты, анархисты[278], предлагают иное видение проблемы мирового порядка. Существующий мировой порядок они трактуют как архаизм, на смену которому с течением времени придет новое, гуманное мироустройство. Мировой порядок будущего в их понимании подразумевает

---

[275] Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // The American Political Science Review, June 1994, Vol. 88, No.2, p. 386; Ruggie J.G. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // International Organization, Autumn 1998, Vol. 52, No.4, p. 872-873.

[276] Slaughter A.-M. International Law and International Relations Theory: A Dual Agenda // The American Journal of International Law, April 1993, Vol. 87, No.2, p. 211; Keohane R.O. The Promise of Institutionalist Theory // International Security, Summer 1995, Vol. 20, No.1, pp. 45-46.

[277] Keohane R.O. International Institutions: Can Interdependence Work? // Foreign Policy, Spring 1998, No.110, p. 85; Martin L.L. Interests, Power, and Multilateralism // International Organization, Autumn 1992, Vol. 46, No.4, p. 767.

[278] Permanyer I. On the Measurement of Gender Equality and Gender-Related Development Levels // Journal of Human Development, March 2008, Vol. 9, No.1, pp. 87-108; Boardman R. Environmental Discourse and International Relations Theory: Towards a Proto-Theory of Ecosation // Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations, Vol. 11, No.1, pp. 31-44.

«конец игры» суверенных государств друг с другом, так как он будет основан на идее объединения всего человечества в глобальную транснациональную общность, не скованную границами государств. Сторонники трансцендентного подхода хотя и расходятся в оценке сущностных характеристик желаемого мироустройства (одни из них, например, выступают за создание всемирной федерации, другие – за упразднение института государства как такового), но едины в своей убежденности в необходимости и возможности осуществления глобальных структурных изменений в мировой политике.

Мировой порядок также можно описать в категориях сущего, должного и желаемого (как мы видим, сильнее всего модели существующего и желаемого миропорядка расходятся у приверженцев трансцендентного подхода). В связи с этим, как отмечает П.А. Цыганков, мировой порядок можно рассматривать как объективную реальность (эмпирический миропорядок), как деятельность по управлению и изменению этой реальности под влиянием нормативно-правовых и ценностных требований (нормативный миропорядок) и как теоретические конструкции, отражающие видение лучшего мироустройства (воображаемый миропорядок)[279].

Следует иметь в виду, что мировой порядок многогранен и имеет сложную структуру. Профессор П.А. Цыганков выделяет следующие структурные характеристики миропорядка:

– социетальная структура дает представление о том, к какой сфере общественной жизни имеет отношение исследуемый мировой порядок (в этой связи выделяют экономический, правовой, информационный и другие виды мирового порядка);

– горизонтальная структура обусловливает состав акторов мировой политики, которыми помимо суверенных государств являются и другие международные игроки (об акторах мировой политики и их типологии мы будем подробнее говорить ниже);

---

[279] Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 199.

– вертикальную структуру образуют существующие центры силы (их количество определяет конфигурацию мирового порядка и его полярность) и степень иерархичности в распределении военно-политической, экономической, культурной и идеологической власти между акторами;

– институциональную структуру миропорядка составляют международные межправительственные и неправительственные организации, а также источники норм международного права (международные договоры, многосторонние соглашения и т.п.);

– нормативная структура является, по сути, производной от институциональной структуры и отражает существующие правила и традиции регулирования отношений между участниками международных отношений и мировой политики, которые последние соблюдают добровольно или по принуждению других, более влиятельных, игроков;

– символическая структура акцентирует внимание исследователя на культурно-идеологическом компоненте международной жизни, на значении универсальных и частных (национальных, этнических и пр.) ценностей для организации мирового политического процесса[280].

Для того, чтобы сформировать целостное видение современного мирового порядка и перспектив его трансформации, целесообразно систематизировать модели мировых порядков, предложенные российскими и иностранными учеными. Отечественный исследователь вопроса Э.Я. Баталов, проведя анализ концепций мирового порядка, существующих в американском научном дискурсе, выделяет три типологии мировых порядков: полюсную, топонимическую и смешанную[281]. Согласно полюсной типологии, мировые порядки разделяются в зависимости от числа «полюсов» на однополярные, биполярные и многополярные (впрочем, как будет показано ниже, некоторые исследователи в принципе говорят о неправомерности выделения «однополярных» и «многополярных» мировых порядков как теоретических конструкций, и мы с ними солидарны).

---

[280] Там же.

[281] Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005. С. 109.

Вторая типология, получившая меньшее распространение в академической среде, именуется топонимической. В соответствии с ней мировые порядки получают свои названия по месту подписания международных документов, в которых закреплены фундаментальные принципы таких мировых порядков. Данная типология охватывает мировые порядки, существовавшие с 1648 года, когда по итогам Тридцатилетней войны в Священной Римской империи были подписаны Мюнстерское и Оснабрюкское мирные соглашения. В этой связи, как правило, выделяются Вестфальский, Версальский, Ялтинско-Потсдамский и иногда некоторые переходные типы мирового порядка, а также современный мировой порядок, условно именуемый «постбиполярным». При этом Э.Я. Баталов замечает, что, строго говоря, мировыми являются лишь Версальский, Ялтинско-Потсдамский и современный порядок. Остальные же так называемые «мировые» порядки являются на деле региональными, а точнее европейскими порядками, параллельно которым в разные исторические периоды существовали другие международные порядки. В XIX веке таких порядков было как минимум три: первый определял отношения между европейскими нациями, второй устанавливал принципы и правила взаимодействия в Западном полушарии, третий предписывал конкретные образцы внешнеполитического поведения отдельным азиатским странам. Кроме того, по определению Г. Киссинджера, Версальский порядок был мировым только на бумаге, поскольку подписанты Версальского мирного договора соблюдали его положения только в той степени, в которой это отвечало их национальным интересам[282].

Наконец, смешанная типология мировых порядков объединяет модели, которые либо не входят в первые две типологии, либо последовательно сочленяются друг с другом в произвольной форме. Примером такого сочленения может служить типология мировых порядков, выделяемых П.А. Цыганковым: ученый говорит о последовательном существовании многополярного баланса сил – «Европейского концерта наций», оформившегося по итогам Наполеоновских войн в 1814-1815 гг.; переходного мирового порядка, сложившегося после

[282] Там же, с. 110.

окончания Крымской войны 1853-1856 гг. и тяготевшего к биполярности; Версальско-Вашингтонского порядка, созданного по итогам Первой мировой войны; Ялтинско-Потсдамского биполярного мирового порядка, установившегося после Второй мировой войны и просуществовавшего до 1989 года. При этом все указанные мировые порядки рассматриваются в контексте Вестфальской системы международных отношений, а ситуация после 1989 года описывается как ситуация глобального «беспорядка», при которой не вполне ясна конфигурация центров силы на мировой арене[283].

Некоторые исследователи, несмотря на резко усилившуюся с фактическим окончанием в 1989 году «холодной войны» турбулентность и непредсказуемость развития мировой политической системы, все же пытались вписать тогдашнее ее состояние в топонимическую типологию мировых порядков. Так, С.Н. Бабурин предлагает именовать такой «постбиполярный» порядок «Мальто-Мадридским»[284] – по советско-американской встрече на Мальте в 1989 году, когда СССР признал, как принято считать, право стран Организации Варшавского договора избрать собственный, несоциалистический, путь развития, а также по сессии Совета НАТО в Мадриде в 1996 году, на которой было решено начать расширение НАТО на восток с включением в него бывших социалистических стран. А.Д. Богатуров отмечает, что условный «Мальто-Мадридский» мировой порядок, который в 1990-е годы начал оформляться как модификация биполярного порядка, в начале XXI века функционировал как плюралистически-однополярный порядок, ядро которого образовывали страны «Группы семи»[285] (концепция «плюралистической однополярности» А.Д. Богатурова будет подробнее рассмотрена нами ниже).

Абсолютное большинство исследователей феномена мирового порядка рассуждают о различных его моделях в категориях полярности и выделяют, как было указано выше, однополярные, биполярные, многополярные и иногда более

---

[283] Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 203.

[284] Бабурин С.Н. Мировой порядок после СССР и территориальный вопрос // Национальные интересы. 1998. № 1. С. 12.

[285] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. С. 372.

экзотические версии мирового порядка (мыслимые, тем не менее, все в той же категории полярности). При этом использование терминов «однополярный» и «многополярный» мир, на наш взгляд, не вполне логично. Мы опираемся в этой связи на идеи Э.Я. Баталова о соотношении понятий полюса и центра силы.

Прежде всего, представим две наиболее общие точки зрения относительно того, что понимается в теории международных отношений под центром силы. В первом, широком, смысле центр силы могут образовывать акторы мировой политики (государства, группы государств, ТНК, гибридные образования, соединяющие элементы государственных и негосударственных структур), обладающие комплексной мощью (военно-политической, экономической, научно-технической и пр.) и проистекающей из нее способностью регулировать мирополитические процессы и поведение других акторов на международной арене[286]. В узком же смысле центрами силы могут быть только ведущие мировые державы (иначе – великие державы), «действительно способные и в разной степени готовые заниматься порядкообразующей деятельностью»[287].

Помимо того, что существуют разные трактовки центров силы, ученые по-разному определяют и понятие «великой державы», что еще больше усложняет мирополитический анализ. Так, профессор Т.А. Шаклеина предлагает понимать под великой державой государство:

– характеризующееся достаточно высокой (или даже абсолютной) степенью независимости в отправлении внутренней и внешней политики, а также демонстрирующее соответствующую своим устремлениям политическую волю;

– оказывающее ощутимое влияние на развитие мирополитических процессов, на региональную политику и политику отдельных государств (то есть осуществляющее мирорегулирующую деятельность);

– обладающее всеми или большинством традиционных параметров ведущей мировой державы: протяженной территорией, многочисленным населением,

[286] Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. С. 45-46.
[287] Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 17.

богатыми природными ресурсами, военным, экономическим, научно-техническим, культурным и другими видами потенциала);

– характеризующееся историческим опытом участия в международных отношениях и мировой политике в качестве решающего или, по меньшей мере, активного игрока, а также соответствующей традицией внешнеполитического поведения;

– обладающее культурой думать и действовать глобально[288].

Более узкий взгляд на проблему выделения отличительных характеристик великой державы мы обнаруживаем у известного американского политолога Дж. Миршаймера: он полагает, что ведущие мировые державы выявляются лишь при сравнении государств друг с другом, а определяющим фактором в данном случае выступает соотношение их военных потенциалов. Для того, чтобы считаться великой державой, государство должно располагать военными ресурсами, достаточными для ведения эффективной борьбы против наиболее могущественного из существующих государств в ходе полномасштабной неядерной войны[289].

Полюс силы же, являющийся камнем преткновения в рассматриваемой нами проблеме, нередко отождествляют с центром силы в узком смысле, то есть с отдельным весьма могущественным суверенным государством. Отчасти это соответствует действительности, однако, как справедливо отмечает Э.Я. Баталов, не любой центр силы является полюсом. Полюса силы, по определению ученого, – это «контрарные, то есть противоположные по многим параметрам и при этом более или менее симметричные и соизмеримые по интегральному жизненному потенциалу центры силы, одновременно отрицающие и предполагающие существование друг друга»[290]. Они располагаются на диаметрально противоположных точках силовой оси, стягивающей воедино всю мировую политическую систему и образующей глобальное силовое поле, охватывающее

[288] Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т.А. Шаклеиной и А. Б. Байкова. Учебник. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 285.
[289] Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2001. P. 5.
[290] Баталов Э.Я. Современные глобальные тренды и новое сознание. Реальность и теория // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1 (28). С. 7.

практически все государства мира. Последние в силу своего политического, экономического, социального устройства, а также проводимого государственного курса либо тяготеют к одному из двух полюсов, либо группируются между ними, часто образуя кластеры государств (хорошим примером в этом отношении служит Движение неприсоединения, созданное в 1961 году).

Следует учитывать, что в рамках мировой политической системы на любом этапе ее развития могут сосуществовать только два полюса силы. При исчезновении одного из них пропадает и другой. Фактически государства могут продолжить свое существование, однако они будут выступать не в качестве полюсов, а в роли более или менее влиятельных центров силы на мировой арене. Таким образом, мировая политическая система может быть либо биполярной (а точнее просто полярной), либо бесполюсной[291]. Э.Я. Баталов отмечает, что бесполюсные мировые политические системы, с вою очередь, могут быть либо моноцентричными, либо полицентричными[292]. С окончанием «холодной войны» и распадом Советского Союза мир стал как раз бесполюсным – в этом мы солидарны с ученым – и сегодня тяготеет к полицентричности.

При этом окончательная конфигурация центров силы нового мирового порядка, которая могла бы установиться по меньшей мере на ближайшие несколько десятилетий, еще не определена (если в современном турбулентном мире стабилизация такой конфигурации на достаточно продолжительный период вообще возможна). А некоторые авторы еще больше усложняют задачу изучения центров силы, расширяя горизонт исследования и выдвигая концепции многомерного полицентричного мира: первым среди таких исследователей стал американский политолог Дж. Най-младший, предложивший модель полицентрической многоуровневой мировой системы, состоящей из диверсифицированных центров силы. В указанной модели центры военной,

[291] Там же.

[292] В научном дискурсе в целом сосуществуют разные подходы с соотношению понятий «полицентризм» и «многополярность»: некоторые ученые отождествляют их; другие (как, например, Э.Я. Баталов), полагают, что полицентризм есть бесполярность; третьи считают, что полицентризм выступает как более широкая категория по сравнению с многополярностью, включающая в себя как характер межгосударственных отношений, так и потенциал разных негосударственных (частных, наднациональных и субнациональных) центров власти. См. подробнее: Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 196.

экономической, идеологической и других сил совсем не обязательно совпадают друг с другом, а значит мир может представляться исследователю моноцентричным, полицентричным или не имеющим явно выраженных центров силы в зависимости от угла, под которым исследователь смотрит на проблему мирового устройства[293].

Учитывая тот факт, что большинство теоретиков международных отношений сегодня, как и десятилетия назад, трактуют мировой порядок с позиции полярности, считаем необходимым в рамках настоящего исследования подробнее рассмотреть идеи некоторых, наиболее известных, авторов. Сравнительно однородными по своему содержанию являются концепции биполярности, поскольку они главным образом теоретизируют опыт межгосударственного взаимодействия времен «холодной войны». О биполярности прошлого столетия написано огромное число трудов. Согласно точке зрения, разделяемой учеными, биполярный мировой порядок перестал существовать с распадом Советского Союза как суверенного государства и окончанием конфронтации США и СССР. И пока одни исследователи в 1990-е годы с надеждой смотрели в будущее, предвещая мирное сосуществование стран в условиях американской гегемонии или многополярного мира, другие призывали готовиться к беспокойным временам и значительному усилению турбулентности в мировой политике. К числу последних, например, относится американский политолог Дж. Миршаймер, который еще в 1990 году высказал мысль о том, что «в один прекрасный день мы будем сожалеть об утрате порядка, который, благодаря “холодной войне”, пришел на смену хаосу в международных отношениях»[294]. По мнению Дж. Миршаймера, биполярный мир представляет собой предпочтительное устройство мировой политической системы потому, что в состоянии острой борьбы находятся, по сути, только две крупные державы. При этом они стягивают вокруг себя остальные государства и требуют от них лояльности в обмен на протекцию, формируя, таким образом, жесткие альянсы.

[293] Nye J.S., jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 44.
[294] Миршаймер Дж. Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_12061 (дата обращения: 01.10.2018).

Наименее слабые государства, таким образом, оказываются защищенными от агрессии друг против друга, а также нападений мощной противостоящей державы.

Отметим, что сегодня тема биполярности вновь поднимается в научном дискурсе, правда не в глобальном масштабе, а на уровне отдельных макрорегионов. Чаще всего исследователи в этой связи говорят о региональной биполярности, складывающейся в Азиатско-Тихоокеанском регионе усилиями двух мощнейших держав – США и КНР[295]. Но наиболее серьезная полемика развернулась в академической среде между приверженцами моделей однополярного и многополярного мира.

Одним из первых теоретиков однополярного мира стал американский политический обозреватель Ч. Краутхаммер. В своей работе «Момент однополюсности» 1991 года он указывает, что мир, представший перед нами сразу после окончания «холодной войны», является однополярным и ведомым США[296]. Солидарны с ним многие другие авторы. Так, австралийский ученый К. Белл отмечает, что основным достоинством установившейся однополярности является недопущение развязывания вооруженных конфликтов сразу на нескольких уровнях. Вероятность начала войны в однополярном мире, по мнению эксперта, гораздо меньше, чем в биполярном и многополярном мировых порядках[297]. Американский исследователь А.Л. Страус предложил собственное видение однополярности: он описал модель «униполя», состоящего из целой когорты демократических развитых стран, обладающих превосходящим весом в мировой политике, безусловным лидером среди которых (и ядром «униполя») являются Соединенные Штаты Америки[298].

Вообще мнения ученых относительно хронологических рамок

---

[295] Ross R. Balance of Power Politics and the Rise of China: Accommodation and Balancing in East Asia. In China's Rise and the Balance of Influence in Asia. Ed. by William W. Keller and Thomas G. Rawski. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007. P. 143-145.

[296] Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs (America and the World 1990 Issue). Vol. 70, No 1. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-02-01/unipolar-moment (date of access: 01.10.2018).

[297] Bell C. American Ascendancy - And the Pretense of Concert // The National Interest (Issue: Fall 1999). URL: http://nationalinterest.org/article/american-ascendancy-and-the-pretense-of-concert-694 (date of access: 01.10.2018).

[298] Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 27.

существования однополярного мира в новейшей мировой истории расходятся. А.Д. Богатуров, например, утверждает, что однополярный мировой порядок существовал порядка десяти лет: с подписания в июне 1992 года в Вашингтоне Хартии российско-американского партнерства и дружбы до начала войны в Ираке в 2003 году[299]. Известный американский социолог и политолог С. Хантингтон называет однополярным короткий период заката СССР, ознаменованного проведением многонациональными силами во главе с США операции «Буря в пустыне» во время войны в Персидском заливе в 1990-1991 гг., а также непродолжительное время сразу после распада Советского Союза, когда США в полной мере ощущали себя гегемоном. Вместе с тем, по замечанию С. Хантингтона, США вскоре снова стали «обычной» великой державой, пусть и самой мощной в числе других по целому ряду критериев[300].

Российский исследователь вопроса Т.А. Шаклеина не согласна с мнением американского коллеги и говорит о том, что однополярности как исторического феномена конца прошлого века не было вовсе. В 1989-1991 гг. США, в сущности, не осознавали своего положения в качестве гегемона и глобального лидера, а их действия отличались во многом реактивным характером. Попытки примерить на себя роль гегемона со стороны США начались же с 1993 года и окончательно концептуализировались в американской внешнеполитической стратегии к 1995-1997 гг., когда предпосылки для оформления и закрепления однополярного мирового порядка уже исчезли[301].

Абсолютное большинство авторов – сторонников концепции однополярного мира, что неудивительно, делают явный акцент на исключительную роль США в осуществлении мирорегулирующей функции. Политологи Р. Каган и У. Кристол заявляют, что «американская гегемония является единственной надежной защитой против краха мира и международного порядка»[302]. По их мнению, мир,

---

[299] Мартынов Б.Ф. Дилемма многополярного мира и Латинская Америка // Латинская Америка. 2009. № 10. С. 4.
[300] Приводится по: Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 33.
[301] Там же.
[302] Kagan R., Kristol W. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. Vol. 75, No. 4 (July/August 1996). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-07-01/toward-neo-reaganite-foreign-policy (date of access: 01.10.2018).

направляемый в своем развитии Соединенными Штатами, более справедлив, нежели любая из воображаемых альтернатив. Многополярный же мир, в котором значимым политическим весом на международной арене обладают, в частности, Китай и Россия (к слову, именно из этих стран в 1990-е годы происходили главные идеологи многополярности), видится авторам несравненно более опасным, анархическим и отдаленным от демократии и реализации гражданских свобод[303].

К ярым приверженцам идее однополярного мира можно отнести, например, М. Мандельбаума с его концепцией «США – мировое правительство»[304], З. Бжезинского, утверждавшего, что принятие другими государствами американского лидерства является важнейшим условием предотвращения скатывания мира к хаосу[305] и что лидерство США останется непререкаемым по крайней мере до 2025 года[306], а также очень многих других экспертов в области международных отношений, многие из которых являлись в прошлом или являются сейчас советниками по внешней и оборонной политике США.

Отметим, что приверженность экспертов идеям американской гегемонии и однополярного мира в целом с течением времени ослабевает по мере возвышения на мировой арене как традиционных, так и новых центров силы, к которым мы причисляем и страны БРИКС. Ось мировой истории, как неоднократно отмечалось в научной литературе исследователями данного вопроса, смещается на глобальный Восток, и сегодня мир все больше тяготеет к многополярности. Эту тенденцию в научном дискурсе хорошо иллюстрирует эволюция взглядов на мировой порядок одного из наиболее известных американских политологов З. Бжезинского. Если в книге «Великая шахматная доска: господство Америки и его стратегические императивы» (1997) политолог выступал за установление

---

[303] Kagan R., Kristol W. Present Dangers: Crisis and Opportunity in America's Foreign and Defense Policy. New York: Encounter Books, 2000. P. 69.
[304] Mandelbaum M. The Case for Goliath: How America Acts as the World’s Government in the 21st Century. New York: PublicAffairs, 2006. Pp. 7-15.
[305] Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007. С. 273-274.
[306] Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. New York: Basic Books, 2012. P. 7.

однополярного мира и раздел территории России на части[307], а в работе под названием «Ещё один шанс: три президента и кризис американской сверхдержавы» (2007) говорил о перспективах США возглавить мировое сообщество в деле решения самых насущных глобальных проблем[308], то в книге «Стратегическое видение: Америка и кризис глобальной власти» (2012) З. Бжезинский констатировал снижение международного влияния стран Запада и свершившийся переход к многополярности[309].

Впрочем, не стоит делать скоропалительные выводы: США явно не отказываются от своих внешнеполитических амбиций, и значительная часть американского истеблишмента по-прежнему верна идеям сохранения глобального лидерства страны с современном мире.

К полицентричному видению если не современного мира, то будущего мирового порядка сегодня склоняются многие российские и зарубежные авторы. На этой позиции стоят, в частности, американский историк и политолог Дж. Гэддис[310], ученые-международники Ч. Кегли и Г. Рэймонд[311], К. Лэйн[312]. Что касается конкретных теоретических конструкций многополярного мирового порядка, то, например, американский профессор политической экономии Л. Туроу прогнозирует становление трехполюсного мира с США, Японией и Европейским союзом в качестве наиболее мощных геополитических игроков[313]. Другие аналитики придерживаются схожих взглядов, говоря о структурировании глобального политического и экономического пространства усилиями Азии, Европы и обеих Америк: региональные экономические блоки во главе с Японией, Германией и США как самыми технологически развитыми державами будут

---

[307] Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1998. 238 p.
[308] Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. New York: Basic Books, 2007. 240 p.
[309] Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. New York: Basic Books, 2012. 224 p.
[310] Gaddis J.L. International Relations. Theory and the End of the Cold War // International Security. Vol. 17. № 3 (Winter 1992). P. 5-58.
[311] Kegley Ch.W., Raymond G.A. A Multipolar Peace? Great-Power Politics in the Twenty-First Century. Basingstoke: Palgrave Macmillan UK, 1994. 320 p.
[312] Layne Ch. The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Rise. International Security. Vol. 17, No. 4 (Spring, 1993). Pp. 5-51.
[313] Thurow L.C. Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. New York: Warner Books, 1993. Pp. 23-25.

определять вектор развития остального мира[314].

Учитывая отмеченный выше тренд к смещению центра глобального исторического развития с Запада на Восток, некоторые футурологи справедливо обращают внимание на все возрастающую роль Азии в мировой экономике и политике и особенно выделяют в этой связи Китай, Индию и Японию. Так, например, еще в 1993 году известный теоретик международных отношений К. Уолтц писал о том, что в конце XX – начале XXI века до статуса великих держав смогут вырасти Германия (или «сформировавшееся Западноевропейское государство»), а также Китай и Япония[315].

С. Хантингтон разграничивал в своей работе под названием «Одинокая сверхдержава» 1999 года три уровня стран: США как сверхдержаву, ведущие региональные державы: Бразилию, Индию, ЮАР, Нигерию, Иран, Китай (к ним также с оговорками примыкали Япония, Россия, Франция и Германия) – и второстепенные региональные державы, такие как Аргентина, Пакистан, Великобритания, Южная Корея и пр.[316].

Американский политолог, социолог и философ И. Валлерстайн еще в 1993 году утверждал, что вплоть до 2025-2050 гг. «постбиполярный беспорядок» будет медленно упорядочиваться, и этот процесс будет сопровождаться пусть и не стремительным, но все же неуклонным упадком международного влияния США, и к середине XXI века фундамент мирового порядка будут составлять три центра силы – США, Западная Европа и Япония[317].

Ч. Купчан также предложил модель трехполюсного мира, в которой каждый из трех полюсов силы представлен более чем одной державой (вместе с тем, у каждого полюса есть ядро – одно или два наиболее влиятельных государства). Такими полюсами стали Северная Америка (ядро – США), Европа, ведомая Германией и Францией, а также Восточная Азия (лидерами являются Китай и

---

[314] Modelski G., Tompson W. The Long and the Short of Global Politics in the Twenty-First Century: An Evolutionary Approach. International Studies Review. Vol. 1, No. 2, Prospects for International Relations: Conjectures about the Next Millennium (Summer, 1999). P. 111.

[315] Waltz K.N. The Emerging Structure of International Politics // International Security. Vol. 18, No. 2 (Fall, 1993). P. 50.

[316] Huntington S.P. The Lonely Superpower // Foreign Affairs (March/April 1999, Vol. 78. No 2). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower (date of access: 01.10.2018).

[317] Wallerstein I. Foes as Friends? // Foreign Policy. Spring 1993. No 90. P. 145–157.

Япония). России же не отводилось отдельное место в этой модели (как, впрочем, и в большинстве других моделей, представленных миру в конце прошлого столетия классиками зарубежной политической мысли). Наша страна, как предполагал Ч. Купчан, осталась без собственной сферы влияния: несмотря на усилия, прилагаемые ей для интеграции постсоветского пространства, государства-члены СНГ, в том числе сама Россия, с течением времени должны войти одну из трех обозначенных выше региональных полюсных структур, исходя из их культурно-исторической, военно-политической и экономической ориентации. Такую модель мирового порядка американский политолог охарактеризовал как «региональную однополярность» или «мягкую однополярность» в противовес существовавшим в дискурсе о международных отношениях концепциям «агрессивной однополярности» (иными словами – американской гегемонии)[318].

В соответствии с идеей «второго мира» американского эксперта-международника индийского происхождения П. Ханны, в мире сегодня сосуществуют три сложившиеся естественным образом империи – США, Европейский союз и Китай. И именно отношения между этими империями (а не, например, межцивилизационные отношения или отношения между другими государствами) будут определять тренды развития мировой политической системы. Судьба же остальных стран, образующих своего рода колониальное поле для трех империй и называемых автором «вторым миром», будет зависеть от действий трех указанных выше держав, которые уже вступили в борьбу за мировое господство[319].

Политологи С. Райх и Р. Лебоу описывают те же три центра силы, которые разделят между собой функции глобального управления и будут заниматься мирорегулирующей деятельностью. Функцию по формированию общемировой повестки дня, ее легитимации всеми или большинством стран мира и практической реализации выполняют страны-члены Европейского союза. Китай

[318] Kupchan Ch.A. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security. Vol. 23, No. 2 (Fall, 1998). Pp. 49–55.
[319] Khanna P. The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. New York: Random House, 2008. Pp. 14-15.

как хранитель основ мировой рыночной экономики объявляется вторым регулятором мировой системы и, соответственно, вторым центром силы. Наконец, третий центр, США, позиционируют себя в качестве «спонсора», обеспечивающего введение и имплементацию международно-правовых норм и соглашений, оказывающего наиболее ощутимое влияние на процесс выработки и принятия решений по проблемам мировой политики и поддерживающего международную безопасность[320].

Российский исследователь К.Н. Брутенц также является сторонником многополярности и утверждает, что после распада СССР человечество постепенно продвигается от «упорно насаждаемого США, но в принципе недостижимого “однополярного” мира через “великую геополитическую революцию” развивающихся стран к “многополярному” миру»[321]. Ученый делает очень важное замечание о том, что мы являемся сегодня свидетелями не смены гегемона в мировом порядке, обусловленной системным кризисом во внешней политике США, а эрозии самой гегемонии как способа организации межгосударственных отношений.

Некоторые ученые, впрочем, убеждены в том, что ни одна из перечисленных выше моделей мирового порядка: однополярная (моноцентричная), биполярная, многополярная (полицентричная) – не способна установиться на настолько продолжительный период времени, исчисляемый многими десятилетиями или даже столетиями, чтобы считать ее условно окончательной. Учитывая изложенное, в академической среде сегодня достаточное развитие получили идеи цикличной смены мировых порядков.

Так, А.И. Уткин считает классическим следующий цикл: в многополярном мире, представляющем собой «свободную игру независимых центров», постепенно оформляются разделительные линии между участниками международных отношений, которые, в конечном счете, приводят к становлению биполярного мира. Биполярность, как правило, ведет человечество к затяжному

---

[320] Reich S., Lebow R.N. Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System. Princeton: Princeton University Press, 2014. P. 181.

[321] Брутенц К.Н. Великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2014. С. 15.

конфликту (таким конфликтом в XX веке стала «холодная война»). Рано или поздно в этой борьбе определяется победитель – новый глобальный лидер, и кристаллизируется однополярность. Гегемонистская политика лидера через некоторый промежуток времени неизбежно вызывает активное сопротивление со стороны других государств, что приводит к постепенно формированию многополярного мира, в котором великие державы, бросившие вызов гегемону, борются за мировое влияние. Цикл, таким образом, завершается и повторяется снова[322].

Эту же мысль доносит до читателя российский политолог В.Г. Калюжный. По его мнению, любая мировая система с большим числом полюсов, или центров силы, в критической ситуации неизбежно трансформируется в биполярную: полицентричный мировой порядок латентно является биполярным[323]. Ему вторит и наш бывший соотечественник, американо-канадский ученый О.А. Арин. Он подчеркивает неумолимую смену фаз цикла развития мировой истории и неизбежность трансформации в XXI веке однополярного мира в многополярный, а затем в биполярный[324].

Наконец, с точки зрения критерия полярности можно говорить о существовании более сложных, гибридных, моделей мирового порядка. Мы упоминали выше, что одним из первых политологов, предложивших модель многоуровневого мирового порядка, стал Дж. Най-младший. В сущности, гибридный характер его теоретической конструкции заключается в том, что в военном отношении современный мир является однополярным (единственной военной сверхдержавой являются США), в экономическом – трехполюсным (полюсами выступают Европейский союз, страны-члены НАФТА и АТЭС), в геополитическом – многополярным[325].

Еще одна интересная гибридная концепция была предложена в 1993 году японским исследователем А. Танака. Современный мир, по его убеждению,

---

[322] Уткин А.И. Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2006. С. 436-439.
[323] Калюжный В.Г. Идеи полицентризма: миф или реальность // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия: Социология, Политология. Вып. 2. С. 98.
[324] Арин О.А. Двадцать первый век: мир без России. М.: Альянс, 2001. С. 217.
[325] Nye J.S., jr. What New World Order? // Foreign Affairs. Vol. 71, No. 2 (Spring, 1992). Pp. 84-85.

является трехслойной сферой, пласты которой взаимно проецируются, определяя общую конфигурацию мирового порядка и место каждого государства в его координатах. Мир в его представлении является одновременно одно-, трех- и многополярным: однополярным потому, что только Соединенные Штаты Америки по своей комплексной государственной мощи обладают абсолютным превосходством над остальными странами мира. Мировой порядок трехполярен, если мы говорим о соотношении экономических потенциалов стран мира (к числу безусловных промышленных и технологически развитых гигантов А. Танака относит США, Японию и Германию). Наконец, мир многополярен (а точнее пятиполярен) в организационно-политическом отношении. Его полюса образуют государства – постоянные члены Совета Безопасности ООН: США, Россия, КНР, Великобритания и Франция – обладающие, как говорит А. Танака, богатым опытом участия в мировой политике и принятия судьбоносных для других стран решений, а также различными каналами и механизмами для осуществления мирорегулирующей деятельности[326].

С. Хантингтон в 1999 году в статье «Одинокая сверхдержава» описывал новый мировой порядок термином “uni-multipolar world” (на русский язык это словосочетание можно перевести как «одновременно однополярный и многополярный мир»). Ключевая особенность нового мироустройства заключается в том, что мир, по сути, управляется одной сверхдержавой (США) и группой великих держав, при этом первая в силу имеющихся у нее военных, политических, экономических, информационных и иных ресурсов способна принимать решения и предпринимать действия по всем наиболее важным вопросам мировой повестки дня, но ее решения и действия должны быть признаны великими державами в качестве легитимных и поддержаны ими. Сама же сверхдержава, в свою очередь, в состоянии блокировать действия иных субъектов международных отношений, в том числе и великих держав[327].

В действительности, модель мирового порядка, предложенная

[326] Tanaka A. Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // Prospects for Global Order. 1993. Vol. 2. P. 25-37.

[327] Huntington S.P. The Lonely Superpower // Foreign Affairs (March/April 1999, Vol. 78. No 2). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower (date of access: 01.10.2018).

С. Хантингтоном в 1999 году, восходит к концепции «плюралистической однополярности» А.Д. Богатурова, представленной им еще в 1996 году[328]. По мнению нашего соотечественника, мировой порядок на рубеже третьего тысячелетия складывался преимущественно в рамках однополярного вектора глобального развития. Но это не была однополярность в чистом виде, поскольку импульсы мирового развития исходили не от США единолично, а от США, действовавших в связке со странами «Большой семерки». Таким образом, сложившаяся однополярность была своего рода смягченной, или плюралистической, однополярностью. Некоторое время спустя А.Д. Богатуров расширил свои взгляды на мировое устройство и, следуя тренду, набиравшему силу в академической среде, говорил о феномене многополярности. Правда, многополярность в мировой политике, согласно мнению ученого, сводилась главным образом к Азиатско-Тихоокеанскому региону, где пересекались стратегические интересы трех мощных держав: России, США и КНР. В то же время, можно было говорить о тенденции к закреплению этнокультурной и идеологической многополярности в мире[329].

Рассмотрим еще некоторые теоретические построения по проблеме мирового порядка, которые, на наш взгляд, заслуживают внимания для более полного понимания того, каков на сегодняшний день научный дискурс по исследуемой нами теме. Однако прежде представляется целесообразным обратиться к классификации моделей сущего и желаемого мировых порядков, предложенной В.Л. Иноземцевым и С.А. Карагановым. Исследовав концепции мирового порядка российских и зарубежных авторов, ученые пришли к выводу, что их можно разделить на три блока[330]. Первый блок включает в себя «классические» концепции, в которых мировой порядок трактуется в разрезе центров силы или полюсов. Ряд концепций именно этой группы мы описали выше.

---

[328] Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25-36.
[329] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. С. 287.
[330] Иноземцев В.Л., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 1. С. 19-21.

Второй блок представляет собой группу концепций, основанием которых является отказ государств от ориентации на баланс сил в пользу создания совместными усилиями определенной парадигмы управляемости мира. К таким концепциям относятся идея «мирового правительства», идея отмежевания «очагов передового развития» (таких как Северная Америка, развитая Европа и пр.) от «аутсайдеров» мировой арены (или, говоря терминами мир-системного анализа И. Валлерстайна, – от стран периферии, а в представления некоторых авторов – и от полупериферии). К этому же блоку относится и подход, согласно которому более сильные, развитые государства могут навязывать элементарный порядок слабым странам с тем, чтобы их внешнеполитическая деятельность не представляла угрозы международной безопасности и не препятствовала реализации интересов передовых государств.

Такое управление «инертным» большинством стран со стороны великих держав может иметь две формы – спорадическую и коллективную. В первом случае неспособность какого-либо суверенного государства, а также непризнанного или частично признанного государства обеспечить на своей территории защиту прав граждан, которые сильные развитые страны считают минимально необходимыми, дает им право (разумеется, по мнению самих этих стран) навязать такому государству внешнее управление. Последнее устанавливается, как правило, путем гуманитарной интервенции, за которой следует сецессия части территории государственного образования или его полная оккупация миротворческими силами. Коллективная же форма глобального управления предполагает создание нового «концерта наций» (по типу «европейского концерта» в Венской системе международных отношений), преследующего цели обеспечения международной безопасности и навязывания хотя бы элементарного порядка всем нациям, но действующего более масштабно – посредством открытого доминирования на международной арене небольшой группы великих держав. В соответствии с этой концепцией великие державы способны диктовать свою политическую волю всему миру как напрямую, от собственного имени, так и через создаваемые ими международные институты.

Наконец, третий блок концепций мирового порядка представлен подходами, которые В.Л. Иноземцев и С.А. Караганов называют маргинальными в силу чрезмерного пессимизма одних из них и, напротив, избыточного оптимизма других. Сторонники пессимистичных подходов заявляют, что мир движется к хаосу, который в скором времени невозможно будет остановить. На другом фланге расположились оптимисты, часть из которых выступает, например, за установление во всех государствах демократических политических режимов с целью достижения вечного мира и всеобщего процветания, потому что демократии якобы не развязывают войны и в целом не проводят агрессивную внешнюю политику (такой закономерности в международных отношениях, конечно, нет).

Сами же В.Л. Иноземцев и С.А. Караганов отдают предпочтение концепциям коллективного управления, основанного на тесной кооперации наиболее могущественных демократических держав[331]. К ним идейно близок Э.Я. Баталов, утверждающий, что оптимальной формой регулирования мирополитических процессов было бы коллективное управление, организованное по сетевому принципу и осуществляемое влиятельными международными организациями (такими как ООН), транснациональными корпорациями и международными конгломератами, в которые входили бы как государственные, так и негосударственные организации регионального и глобального уровня[332].

Группой американских и канадских политологов была сформулирована концепция аккомодации, в основе которой лежит идея необходимости согласования правил игры на мировой арене Соединенными Штатами Америки и ведущими мировыми державами, в числе которых отдельно выделяются Россия, Бразилия, Китай и Индия – родоначальники межгосударственного объединения БРИКС[333]. При этом, как утверждает один из авторов концепции аккомодации Т. Пол, страны должны определить на основе консенсуса долю участия каждой из

---

[331] Там же, с. 25.
[332] Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 36.
[333] Accommodating Rising Powers: Past, Present and Future / Ed. by T.V. Paul. New Delhi: Cambridge University Press, 2016. P. 4-7.

них в глобальном управлении, а также зоны ответственности за международную безопасность и соответствующие сферы влияния.

Аккомодация понимается в данной модели как процесс достижения взаимных уступок – как со стороны США, выступающих в роли лидера современного мира, так и со стороны других ведущих геополитических игроков. Авторы различают полную, частичную, символическую аккомодацию, а также аккомодацию регионального характера. Полная аккомодация подразумевает признание Соединенными Штатами за другими государствами притязаний на часть лидерских позиций в сфере международной безопасности и мировой экономики, а также более весомого права голоса в международных институтах. Частичная аккомодация заключается в увеличении политического веса восходящих держав на международной арене путем перераспределения некоторой части голосов в международных организациях в их пользу или создания режимов наибольшего благоприятствования в международной торговле с участием таких стран, принятие их в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН без права вето, учреждения совместного комитета по какому-либо вопросу регионального или глобального значения и пр.

Символическая аккомодация носит достаточно размытый характер и подразумевает лишь наделение одного или нескольких набирающих силу государств статусом великой державы со стороны США как сверхдержавы или одной из уже признанных держав, перечень которых, впрочем, не озвучивается авторами концепции. В качестве примера символической аккомодации приводится Индия, которая была признана Соединенными Штатами ведущей мировой державой в 2006 г. Под аккомодацией регионального характера понимается символическая аккомодация, то есть указанное выше наделение той или иной страны статусом ведущей державы, в региональном масштабе.

Отметим, что ни один из вариантов аккомодации авторами концепции не предполагается в качестве неизбежного – возможен и такой сценарий, когда аккомодация не происходит вовсе[334].

[334] Ibid., p. 7.

Еще одна интересная модель мирового порядка предложена Л.Е. Грининым. Российский исследователь предполагает, что фундаментом для формирования в ближайшем будущем нового мирового порядка станет довольно динамичный процесс создания разных межгосударственных альянсов и групп стран, объединенных общими интересами или глобальными вызовами и угрозами безопасности. Период активного протекания данного процесса Л.Е. Гринин называет «эпохой новых коалиций», а одним из наиболее ярких примеров подобных коалиций считает группу БРИКС. Политолог убежден в том, что если мировой порядок будущего не будет по своей структуре ни однополярным, ни биполярным, то он, вероятнее всего, будет представлять собой новый мировой «концерт» суверенных государств и их союзов – объединение трех, пяти или большего числа игроков, которые возьмут на себя функции глобального управления и ответственность за обеспечение международной безопасности[335].

Американский политолог Т. Барнетт описывает формирующийся мировой порядок в иных терминах. В его модели мир характеризуется наличием своеобразного «функционального ядра» (“Functioning Core”) в составе США, Канады, стран Европы, Австралии, Новой Зеландии, Японии, Китая, Индии, России, ЮАР, Бразилии, Чили и Аргентины, между которыми устанавливаются все более прочные отношения «взаимно гарантированной зависимости» (обратим внимание на то, что вся «пятерка» БРИКС входит, по мнению Т. Барнетта, в указанное «ядро»)[336]. Остальные же страны в рамках данной модели образуют «разлом» (“Non-Integrating Gap”) и не выступают активными регуляторами мирополитических процессов. При этом автор концепции полагал, что Соединенным Штатам Америки необходимо перестать искать себе внешних врагов и отказаться от демонизации отдельных стран (в частности, России и Китая), иначе новое «функциональное ядро» мирового порядка будет неспособно выполнять возложенные на него мировым сообществом функции.

Экспертами в области международных отношений были также предложены

---

[335] Гринин Л.Е. Размышления о трансформациях мирового порядка. Часть 2. Мировой порядок в будущем // CREDO NEW. 2017. № 2. URL: http://credo-new.ru/archives/1050 (дата обращения: 01.10.2018).

[336] Barnett T.P.M. The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century. New York: Berkley, 2005. P. 212.

типологии мировых порядков, выстроенные по хронологическому принципу. Так, российский политолог-международник Ф.Г. Войтоловский говорит о последовательном существовании в конце XIX – начале XXI века трех отличных друг от друга мировых порядков: миропорядка империй, миропорядка сверхдержав и имперского миропорядка (или миропорядка, контролируемого глобальным гегемоном)[337]. Опираясь на названия указанных порядков, легко понять, какие державы определяли в представлении Ф.Г. Войтоловского тренды мирового развития на протяжении последних ста с лишним лет.

Еще одна, более развернутая, хронологическая типология мировых порядков была изложена в 1998 году французским политологом Ф. Константино. Исследователь, проанализировав политические режимы существовавших и существующих государств, вывел три модели конфигурации соотношения их внешнеполитических потенциалов и, соответственно, три типа мировых порядков – досовременные (однополярные, биполярные и трехполярные), современный (однополярный с элементами многополярности) и будущий мировой порядок («полития»)[338]. «Полития», при которой политический режим подавляющего большинства государств можно описать как «олигархию» или «демократию», а формой управления мировыми процессами является «гегемония военного союза правовых государств», описывается Ф. Константино как желаемая модель мирового порядка – оптимальная с точки зрения обеспечения стабильности и безопасности на международной арене. Она нацелена на консолидацию правовых, или либеральных, политических режимов и, в конечном счете, должна представлять собой «созданную по модели правового государства конфедерацию демократических автономных государств, которая становится целью активного продвижения со стороны большинства гегемонических держав»[339].

Еще одну интересную типологию мировых порядков разработали

---

[337] От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 204 с.

[338] Приводится по: Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука. 2017. Специальный выпуск. С. 239.

[339] Там же, с. 240.

политические аналитики Б. Позен и Э. Росс[340]. Эта типология примечательна тем, что носит ярко выраженный адресный характер и напрямую увязана со «стратегическими альтернативами» в области внешней и оборонной политики США. Авторы рассуждают о четырех возможных моделях желаемого с точки зрения США мирового порядка: первая модель – «дистантный баланс сил», аналитической опорой которого выступает парадигма «минимального оборонного реализма»; вторая модель – «баланс сил», опирающийся на «классический реализм»; третья модель – «гегемонизм», в основе которого лежит, как говорят авторы, «максимальный реализм, или унилатерализм»; четвертая модель – «взаимозависимость» с либерализмом в качестве аналитической опоры.

Наконец, внимания заслуживает, на наш взгляд, типология конфигураций мировых политических систем, предложенная американским исследователем Дж. Айкенберри[341]. Автор концепции выделяет три измерения мирового политического порядка, сочетание которых определяет тот или иной его тип. Первое измерение – общий организационный принцип мирового порядка, обусловливающий характер межгосударственных взаимодействий и основной их регулятор: анархию, иерархию или правление закона. Второе измерение мирового порядка – так называемые «ограничения, накладываемые на концентрированную силу». В случае, если способом организации отношений между государствами является анархия, соответствующим ей ограничителем использования силы в международных отношениях выступают «взаимоуравновешивающие коалиции». В условиях иерархии подобных ограничителей не существует вовсе, а при правлении закона чрезмерное проявление силы по отношению к другим игрокам на мировой арене ограничивается «связывающими институтами». Третье измерение порядка – источник его стабильности, в качестве которого при анархии выступает равновесие сил государств, при иерархии – силовое превосходство одного из них, а в условиях правления закона – «ограничение на обращение к силе».

---

[340] Posen B.R., Ross A.L. Competing Visions for U.S. Grand Strategy // International Security. Winter 1996/97. Vol. 21. No. 3. P. 6.

[341] Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: University Press, 2000. P. 24.

Пересечение трех указанных измерений мирового порядка определяет конкретный его тип. В первом случае мы имеем порядок, основанный на балансе сил, во втором – гегемонистский порядок, а в третьем – конституционный порядок, как их определяет Дж. Айкенберри[342]. Последний характеризуется тремя основными чертами: во-первых, общим согласием участников международных отношений относительно допустимых образцов внешнеполитического поведения («правил игры»), во-вторых – наличием институтов, которые налагают «связывающие и авторитетные ограничения на использование силы», а в-третьих – органичным включением данных институтов в мировую политическую систему и невозможностью их быстрого изменения каким бы то ни было геополитическим игроком.

Каков же современный мировой порядок? И, если он сегодня претерпевает серьезные структурные трансформации, к какому порядку мы движемся? На эти вопросы, как и на все вопросы, поднятые нами выше, нет однозначного ответа.

Н.А. Симония и А.В. Торкунов, например, убеждены в том, что человечеству предстоит долгий, по меньшей мере в несколько десятилетий, путь к новому, многополюсному мировому порядку, в котором не будет места государствам с имперскими амбициями и мессианской идеологией[343]. С ними соглашается П.А. Цыганков, говоря о том, что путь к однополярному мировому порядку уже прервался, но о многополярности еще рано говорить как о свершившемся факте[344]. Н.М. Сирота также полагает, что полицентрический мир не стал устоявшейся реальностью. Более того, сама концепция полицентрического, или бесполюсного, мира не в должной мере проработана в теоретическом плане и не апробирована реальным историческим опытом. При этом, отмечает ученый, если наиболее значимые акторы мировой политики не достигнут согласия в вопросе организации системы глобального управления,

---

[342] Ibid., p. 35-36.

[343] Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 29.

[344] Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 209.

концепция полицентричного мира вообще не реализуема на практике[345].

Есть и другие точки зрения на проблему формирования нового мирового порядка в начале третьего тысячелетия. Т.А. Шаклеина предлагает отказаться от использования термина «постбиполярный мир», выражающего неопределенность в сущностных чертах существующей модели мирового порядка, и отрицает переходный характер последнего. По мнению Т.А. Шаклеиной, переход к новому мировому порядку завершился, и на данном этапе происходит его консолидация, хотя далеко не все управляющие параметры такого порядка уже оформились[346]. Сегодня мировой порядок видится полицентричным, однако говорить о полном прерывании тренда к формированию однополярного американоцентричного порядка все еще преждевременно[347].

Наконец, в научной среде сложилась и совсем «прогрессивная» точка зрения на проблему порядка, согласно которой мировой порядок сформировался еще в 1990-е годы, в 2000-2008 годах происходило его структурное оформление, а начиная с 2008 года предпринимаются попытки ревизии миропорядка, связанные с ослаблением «старых» центров силы (США и Европейского союза) и возвышением «новых» (применительно к России можно говорить о возвращении в мировую политику в качестве ключевого геополитического игрока). Речь, в частности, идет об участии России в вооруженном грузино-югоосетинском конфликте 2008 года и противоборстве нашей страны с США и их сателлитами в сирийском и украинском конфликтах, а также о глобальном финансово-экономическом кризисе 2008-2009 гг., пошатнувшем единство Европы[348].

По нашему мнению, современный мировой порядок тяготеет к полицентричности. Его окончательный облик еще не оформился: несмотря на выраженный тренд к постепенному отходу как ученых-международников, так и

---

[345] Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. С. 69.

[346] Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т.А. Шаклеиной и А.Б. Байкова. Учебник. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 283.

[347] Шаклеина Т.А. Новые явления в формировании мирового порядка: перспективы для России // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ (Москва. 27-28 октября 2015 г.) / под ред. А.В. Мальгина / МГИМО (У) МИД. РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 85.

[348] Фененко А.В. Современная история международных отношений: 1991-2016: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2016. 432 с.

практиков (государственных деятелей) от идей американской гегемонии и однополярного мира, говорить о предопределенности трансформации мирового порядка пока преждевременно.

1.2. Место БРИКС в системе политической организации современного мира

Теоретической основой изучения феномена БРИКС и роли данного межгосударственного объединения в мировой политике в рамках настоящего исследования стало рассмотрение БРИКС в двух отношениях. Во-первых, представляется важным провести анализ места БРИКС в системе акторов мировой политики, что является весьма непростой задачей, учитывая отсутствие консенсуса среди ученых по вопросу акторности и классификации акторов мировой политики. Во-вторых, считаем необходимым отдельно изучить место группы как одного из новых многосторонних институтов в системе политической организации современного мира. Последнюю профессор М.М. Лебедева понимает как трехуровневую пирамиду, фундамент которой составляет Вестфальская система (иначе – политическая система современного мира), а второй и третий уровни, соответственно, система международных отношений и политические системы отдельных государств[349]. При этом многосторонние институты являются элементом Вестфальской системы, которая включает в себя государства, международные режимы и политические институты и обеспечивает их целостность и взаимосвязи[350]. Необходимо дополнительно отметить, что политическая система мира не тождественная системе международных отношений, на что прямо указывает М.М. Лебедева[351].

Для того, чтобы утверждать, что БРИКС является актором мировой

---

[349] Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм». Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 47. С. 126.

[350] Лебедева М.М. Мировая политика. М.: КноРус, 2011. С. 58.

[351] Проблема соотношения понятий «политическая система мира» и «система международных отношений» вообще неоднократно поднималась отечественными исследователями. Если первая означает связи и отношения между различными государственными и негосударственными акторами, а также результаты таких связей и отношений (международные договоры, режимы, организации и пр.), то под второй понимают связи и отношения между государствами (в первую очередь, государствами-лидерами на мировой арене). См., например: Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 90.

политики и занимает в системе акторов вполне определенное место, необходимо установить критерии акторности и очертить круг современных акторов мировой политики. Первой проблемой в этом деле является само употребление термина «актор»: как в зарубежной, так и в российской литературе широко применяются понятия субъекта, агента, игрока и, собственно, актора мировой политики.

Под социальным субъектом в целом в науке понимается некто, обладающий сознанием и способный совершать действия, вступая во взаимодействие с другими субъектами. Французский социолог А. Турен проводит границу между актором, субъектом и агентом, утверждая, что субъект – это тот, кто стремится стать актором, хочет изменять среду, в которой он существует, а не быть пешкой в системе. Под агентом же исследователь понимает выразителя ценностей и норм социальной системы, логика которой диктует агенту образец его поведения в конкретной ситуации[352]. Отметим, что категорию «агент» в международных исследованиях чаще всего используют конструктивисты.

В работах по теории международных отношений нередко можно встретить и термин «игрок», заимствованный из интеракционистской социологии, который употребляется в контексте международной «игры» и «ставок». В целом понятия игрок и актор используются авторами как тождественные друг другу.

Что касается термина «актор», наиболее широко распространенного в трудах исследователей-международников, то под ним зачастую понимается любое действующее лицо, принимающее достаточно активное участие в международных процессах. Понятие «актор» заимствовано из акционалистской социологии, видным представителем которой является упомянутый выше А. Турен. Последний выделяет три критерия социального актора: способность сказать «я», признание со стороны других акторов, а также принадлежность к определенной группе (иначе – самоидентификацию)[353]. Важный критерий актора – обладание им свободы действий – упоминает еще один французский социолог – М. Крозье. Исследователь указывает на существенное отличие акторов от агентов: несмотря

[352] Touraine A. Pour la sociologie. Paris: Seuil, 1974. P. 34.

[353] Приводится по: Цыганков П.А. Акторы и факторы в международных отношениях и мировой политике // Приватизация мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден-Би, 2008. С. 33.

на довольно жесткие принуждения со стороны системы, акторы, существующие в ней, обладают полнотой свободы, которую они используют во взаимодействии с другими элементами системы. Свобода актора выражается при этом не только в нахождении наиболее оптимальной стратегии действия, но и в попытках понять правила игры, чтобы скорректировать их и, в конечном счете, трансформировать саму игру[354].

Наконец, стоит упомянуть, что в российской научной литературе, посвященной проблемам мировой политики и международных отношений, очень часто встречается термин «участник международных отношений». Можно сказать, что это новелла российских исследователей: в работах западных авторов эта категория фактически не встречается.

В российской литературе одно из наиболее исчерпывающих определений международного актора представил профессор П.А. Цыганков: под международным актором понимается «активный участник (коллективный или индивидуальный) международных отношений и мировой политики, обладающий возможностью – благодаря имеющимся в его распоряжении актуальным и потенциальным ресурсам и способности их эффективно использовать – самостоятельно, в соответствии с собственным пониманием своих интересов, принимать решения и реализовывать стратегию, оказывающую существенное и длительное влияние на международную систему, признаваемый в качестве такового другими участниками и принимаемый ими во внимание при принятии собственных решений»[355].

Вместе с тем, на сегодняшний день в научном дискурсе не выработано единое, компромиссное определение актора в мировой политике. Некоторые исследователи придерживаются расширенного толкования актора, говоря о том, что в роли актора может выступать любой авторитет, организация, группа или даже индивид, способные играть определенную роль, оказывать влияние в мировой политике[356]. Представляется, что дискуссия относительно критериев

---

[354] Crozier M., Friedberg E., L’acteur et le système. Paris: Seuil. 1977. P. 59.
[355] Там же.
[356] Braillard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. P., 1988. P. 31.

международной акторности еще далека от завершения.

При рассмотрении акторов мировой политики невозможно обойти стороной позиции основных парадигм теории международных отношений по исследуемой проблематике. Так, реалисты относят к акторам исключительно суверенные государства, которые являются в их понимании рационально действующими однородными политическими организмами, проводящими в отношении других участников международных отношений единую политику. При этом, согласно реализму, международными акторами являются только самые мощные государства, а отношения сотрудничества и противоборства между ними составляют суть международной политики. Реалисты отказывают в акторности международным межправительственным организациям и негосударственным участникам мировой политики, которые, по их мнению, не обладают необходимой самостоятельностью в принятии решений и ресурсами, которыми можно подкрепить свои намерения[357].

Представители либерализма рассматривают конфигурацию акторов мировой политики как полиархическую. Они утверждают, что государства сегодня не имеют монополии на принятие политически значимых решений, как это было в прошлом. Все более активными участниками этого процесса становятся альтернативные акторы, которые являются более легитимными, более способными или же просто более желающими найти ответ на вызовы эпохи постмодерна[358]. В противовес реалистам либералы говорят о том, что сами государства при этом не являются рационально действующими унитарными акторами, а внешняя политика любого государства суть равнодействующая непрерывной борьбы и поиска компромиссов между разными политическими силами внутри такого государства.

В 1960-е годы видный представитель либерализма Дж. Розенау утверждал, что структурные изменения в мировой политике, произошедшие за минувшие десятилетия и ставшие причиной усиления взаимозависимости обществ разных

[357] Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. С. 251.
[358] Там же.

стран, существенно изменили поле международных отношений, ключевым игроком которых становятся не суверенные государства, а отдельные лица, взаимодействующие друг с другом без посредничества государств, а зачастую и вопреки их политической воле[359].

Отметим, что исследователи-международники и до Дж. Розенау обращали внимание на активность негосударственных участников мировой политики. Например, один из представителей политического реализма А. Уолферс еще в 1959 году указывал на факт выхода негосударственных игроков за пределы государственных границ[360]. Вместе с тем, это явление рассматривалось реалистами (как и впоследствии неореалистами) как практически не заслуживающее внимания исследователей с точки зрения влияния на мирополитические процессы. Таким образом, в понимании реалистов и неореалистов негосударственные участники были именно участниками, но не акторами мировой политики.

Наиболее весомый вклад в теоретическое осмысление роли негосударственных акторов в мировой политике внесли адепты неолиберализма. Важнейшей вехой в международных исследованиях по проблеме акторности стала публикация в 1972 году монографии Дж. Ная-младшего и Р. Кеохейна под названием «Транснациональные отношения и мировая политика»[361], в которой авторы высказали идею кардинальной трансформации Вестфальской системы под воздействием негосударственных транснациональных акторов. Данной публикацией было положено начало транснационализму как одному из ключевых направлений неолиберализма. Исследователи расширили представление об акторности на мировой арене: помимо государств акторами мировой политики отныне стали признаваться и негосударственные участники.

Дж. Най-младший и Р. Кеохейн сформулировали теорию «комплексной взаимозависимости», суть которой заключается в том, что увеличение

[359] Rosenau J.N. International Studies and the Social Sciences: Problems, Priorities, and Prospects in the United States. Thousand Oaks, CA: Sage Publishing, 1973. P. 22.
[360] Wolfers A. The Actors in World Politics // Theoretical Aspects of International Relations /W.T.R. Fox(Ed.) - Notre Dame, Indiana: Univ. of NotreDame Press, 1959. P. 78.
[361] Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics: Introduction. International Organization, Vol. 25, No. 3, Transnational Relations and World Politics (Summer, 1971), pp. 329-349.

многообразия международных акторов, рост их числа, а также усложнение их взаимодействий влечет за собой изменение международной политической системы. Непростые взаимосвязи между государственными и негосударственными акторами, по описанию авторов книги, структурно составляют «паутину», колебания в любой точке которой неизменно отражаются на всех остальных ее участках. При этом границы территории национальных государств перестают играть существенную роль и рассматриваются как искусственные. Впоследствии, в 1990-е годы, в развитие этой мысли Дж. Розенау отстаивал тезис о размежевании международной политической системы на так называемые «стато-центричный» (иначе – государство-центричный) и «мультицентричный» миры. Турбулентность в одном из двух миров, как утверждает Дж. Розенау, приводит к серьезным негативным сдвигам в другом мире. Благодаря такому размежеванию международной системы сегодня мы наблюдаем формирование нового мира «постмеждународных» отношений»[362].

Идея «комплексной взаимозависимости», отстаиваемая представителями транснационализма, имеет много общего с положениями неомарксистов, в соответствии с которыми мировая политика разыгрывается сегодня тремя группами акторов: влиятельными общественными силами, обладающими полнотой власти в государствах центра (ядра), а также менее влиятельными, но, тем не менее, существенными властвующими силами в государствах периферии и полупериферии; немногочисленной, но крайне влиятельной группой «частных глобализированных предпринимателей»; наконец, новыми «глобализированными антисистемными движениями», представляющими интересы значительной части населения современного мира[363].

Что касается конструктивистов, то они склонны причислять к значимым акторам не только государства, но и политические и иные элиты, сети неправительственных организаций, различного рода экспертные сообщества, социальные движения, индивидов. При этом государство с точки зрения

[362] Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, N.J., 1990. P. 481.
[363] Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. С. 252:

конструктивизма играет роль не столько актора, сколько агента, что указывает на зависимость государственного внешнеполитического курса от социокультурного контекста (о различиях в трактовках актора и агента мы говорили выше).

Второй аспект исследуемой нами проблемы акторности в мировой политике, который представляется необходимым осветить в рамках настоящей работы, заключается в том, что существуют разные теоретические подходы к соотношению акторов и факторов в мировой политике. Под факторами в данном случае мы будем понимать всю совокупность структур (материальных и нематериальных), а также процессов и институтов, которые обусловливают международную жизнь. Иными словами, факторы – это контекст, в котором акторы существуют и действуют.

Современная теория международных отношений, опираясь на четыре социологических традиции, предлагает исследователю четыре подхода к соотношению роли акторов и факторов в мирополитических процессах. Безусловный приоритет акторов над факторами мы обнаруживаем у сторонников методологического индивидуализма, идеи которого опираются на труды М. Вебера. Что же касается других трех традиций, то в них предпочтение отдается факторам, определяющим поведение международных акторов[364].

Мы подошли к наиболее интересному, на наш взгляд, аспекту рассматриваемой проблемы. Кого же можно причислять к кругу современных акторов мировой политики? На этот счет есть разные мнения. Приведем лишь некоторые классификации акторов, представленные в разное время видными учеными-международниками.

Так, американский политолог М. Каплан различает национальных (суверенные государства), транснациональных (региональные международные организации) и универсальных (всемирные организации, такие как ООН) акторов мировой политики[365]. Французский теоретик международных отношений М.

---

[364] См. подробнее: Цыганков П.А. Акторы и факторы в международных отношениях и мировой политике // Приватизация мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден-Би, 2008. С. 42.

[365] Kaplan M.A. System and Process in International Politics. N.Y.: John Wiley and Sons, Inc., 1962. P. 11-13.

Мерль к типичным акторам относит государства, международные организации[366] и транснациональные силы (ТНК и мировое общественное мнение)[367]. Исследователи Ф. Брайар и М.Р. Джалили соглашаются с М. Мерлем, однако расширяют список акторов так называемыми «потенциальными акторами»: национально-освободительными движениями, локальными и региональными общностями[368]. По мнению Дж. Розенау, ключевыми акторами мировой политики являются государства, подсистемы (такие как местные органы власти, обладающие определенной степенью самостоятельности в международных делах), транснациональные корпорации, когорты (этнические группы, международные религиозные организации и пр.), а также общественные движения[369].

Так или иначе, большинство исследователей сегодня сходятся во мнении, что число и многообразие акторов возросли, что привело к большей хаотичности международных отношений (этот феномен в теории международных отношений получил название «парадокса участия» М. Николсона[370].

Профессор М.М. Лебедева указывает на то, что современные негосударственные акторы «не представляют собой однородного ансамбля, однонаправленно воздействующего на мировую политику»[371]: они различаются по своей структуре (акторы могут быть организованы как иерархически, так и по сетевому принципу), целям и мотивам поведения, которые, в конечном счете, определяют содержание и динамику их деятельности на мировой арене. Как справедливо отмечает М.М. Лебедева, проблема мировой политики сегодня кроется не в абсолютном числе негосударственных акторов, а в характере их

---

[366] Международные организации рассматриваются М. Мерлем и его последователями как «актеры международной игры». Однако они являются вторичными актерами международных отношений, их действия в значительной степени зависят от воли первичных актеров – государств. Общий вывод, к которому приходит М. Мерль, заключается в том, что на вопрос, являются ли международные организации актерами, следует дать, скорее, отрицательный ответ. См.: Кто есть кто в социологии международных отношений: Энциклопедический справочник для вузов / Под ред. Г.В. Осипова / [А.Л. Арефьев, А.М. Баженов]. М.: Институт социально-политических исследований, 2016. С. 172.

[367] Merle M. Sociologie des relations internationales. Paris: Dalloz, 1974. Pp. 17-19.

[368] Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. С. 229-230:

[369] Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, N.J., 1990. P. 37-41.

[370] Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике / Пер. с фр. М., 1996. С. 136.

[371] Лебедева М.М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы [Электронный документ]. URL: http://www.intertrends.ru/five/008.htm (дата обращения: 01.10.2018).

взаимодействия друг с другом, которое сложно поддается анализу ввиду отсутствия у негосударственных акторов «общего знаменателя», подобного национальному суверенитету в Вестфальской системе[372].

На сегодняшний день в научном дискурсе сложилось три точки зрения на проблему соотношения международных государственных и негосударственных акторов, а также роль последних в мировой политике[373]. Согласно первой из них, отношения между государствами и негосударственными участниками международных отношений должны рассматриваться с либерально-революционаристских позиций. Это означает, что транснациональные акторы вытесняют суверенные государства из поля мировой политики, и последние постепенно слабеют, переживают упадок и в отдельных случаях даже вступают в стадию медленного «отмирания».

Второй, консервативно-реалистский, подход постулирует, что роль государств в мировой политической системе носит структурообразующий характер, а вся архитектура этой системы образована самими государствами и результатами их сотрудничества или соперничества друг с другом. Сторонники данного подхода упрекают либералов в переоценке роли негосударственных акторов в мировой политике.

Наконец, приверженцы третьего, объективно-прикладного, подхода утверждают, что влияние транснациональных акторов на мирополитические процессы, действительно, возрастает. Вместе с тем, по их мнению, хотя соотношение сил между государствами и негосударственным игроками изменилось, это не привело и в краткосрочной перспективе не приведет к перевороту в мировой политике. Сторонники объективно-прикладного подхода призывают не противопоставлять мир транснациональных акторов, который зачастую обрисовывается исследователями как мир «альтруистов» (носителей подлинно моральных ценностей в политике), миру наций-государств, которые

---

[372] Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики: взаимодействие с государствами и межправительственными организациями // Мир и Политика. 2013. № 10. С. 257.

[373] Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии: монография / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. С. 295-299; Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики: взаимодействие с государствами и межправительственными организациями // Мир и политика. 2013. № 10 (85). С. 257–265.

видятся многим «эгоистическими» по своей сути[374].

В поддержку объективно-прикладного подхода к проблеме соотношения государственных и негосударственных акторов в мировой политике профессор П.А. Цыганков пишет, что будущее мировой политики – не за нациями-государствами в обновленном виде или «акторами вне суверенитета», инновационными по своей природе, а «за акторами, имеющими гибридную, комбинированную природу и структуру»[375].

Опираясь на исследования зарубежных и российских ученых-международников, рассматривавших проблему акторности в мировой политике, предложим собственную классификацию таких акторов и выделим некоторые их особенности.

Ключевым международным актором на сегодняшний день, по нашему мнению, остаются государства. В этой связи важно отметить следующее: помимо того, что сегодня государства отличаются друг от друга возможностями по защите собственного суверенитета, вытекающими из неравенства потенциалов их совокупной национальной мощи (с этой точки зрения различают сверхдержавы, великие державы, средние державы, малые государства и микрогосударства)[376], государства различаются по своему отношению к политической системе мира. Так, в рамках единой Вестфальской системы сосуществуют в настоящее время:

– государства модерна, или вестфальские государства, ориентированные на вестфальские межгосударственные отношения, признающие и отстаивающие принцип национального суверенитета;

– государства постмодерна, или поствестфальские государства, делегировавшие значительную часть своего суверенитета наднациональным или

---

[374] Заметим, что, во-первых, государства могут выстраивать свой внешнеполитический курс не только в духе real politic, но и с опорой на моральные принципы и ценности (достаточно вспомнить, например, Индию времен Дж. Неру). Во-вторых, далеко не все негосударственные акторы «альтруистичны» по своей природе. Существуют международные неправительственные организации (МНПО), созданные самими государствами для защиты национальных интересов и реализации задач внешней и внутренней политики. Такие организации получили в литературе название “GONGO” (“Governmental Oriented Non-Governmental Organizations”). Другой пример такого рода МНПО – неправительственные организации, являющиеся, на первый взгляд, независимыми, но работающие при этом «под зонтиком» разведывательных структур. Это так называемые «квазиНПО» (“QUANGO”).

[375] Цит. по: Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии: монография / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. С. 299-301.

[376] Braillard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. Paris: Presses Universitaires de France, 2016 (10th ed.). Chapitre II.

внутринациональным институтам в результате усиления интеграционных процессов;

– государства премодерна, или довестфальские государства, опирающиеся при отправлении внешней политики на довестфальские принципы (проистекающие, прежде всего, из родоплеменных отношений). В недалеком прошлом значительная часть этих государств была колониями, не имевшими собственного внешнеполитического курса[377].

Сегодня некоторые государства премодерна и модерна составляют группу проблемных государств, которую можно разделить на три категории. Во-первых, проблемными являются несостоявшиеся государства, политико-административные институты в которых были разрушены либо из-за вмешательства других стран, либо ввиду гражданских войн. Такие государства по определению исследователя международных отношений С. Краснера не обладают внутренним суверенитетом. Вторую категорию проблемных государств образуют государства с авторитарным политическим режимом, ставящие под угрозу международную безопасность своей жесткой внешнеполитической риторикой, подкрепленной, например, наличием у них оружия массового поражения. Наконец, третья категория включает в себя территории, оказавшиеся фактически вне политической системы современного мира. Речь идет о непризнанных и частично признанных государствах, которые, по словам С. Краснера, не обладают внешним суверенитетом[378].

Следующим актором мировой политики являются международные организации. К сожалению, несмотря на существование в мире огромного числа международных организаций, до сих пор не сложилось единого их определения, равно как и перечня критериев, которым должны соответствовать такие организации. В соответствии со статьей 2 Доклада Комиссии международного права ООН, обнародованного в 2008 году, международной считается организация, «учрежденная на основании международного договора или иного документа,

---

[377] Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 90-91.
[378] Там же.

регулируемого международным правом, и обладающая своей собственной международной правосубъектностью»[379]. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года ограничивается отождествлением международных организаций и межправительственных организаций[380].

Французский политолог Ш. Зоргбиб выделяет три признака международной организации: обладание политической волей к сотрудничеству, закрепленной в учредительных документах, наличие постоянно действующего административного аппарата, обеспечивающего преемственность в развитии международной организации, а также самостоятельность в реализации компетенций и принятии решений[381]. Английский исследователь К. Арчер понимает под международной организацией «формальную долговременную структуру, установленную по соглашению между членами (правительственными или неправительственными) с целью реализации их совместных интересов»[382].

По мнению многих ученых-международников, международные организации включают в себя три типа международных структур: международные межправительственные организации (ММПО), международные интеграционные объединения и международные неправительственные организации (МНПО)[383]. Некоторые авторы дополнительно относят к международным организациям международные коммерческие структуры (главным образом ТНК) и неформальные группировки государств (такие как «Группа семи»/«Группа восьми», «Группа двадцати», БРИКС)[384]. Последние также называются параорганизациями или «союзами без институциональных рамок»[385].

Что касается конкретно международных межправительственных

---

[379] Доклад Комиссии международного права. Шестидесятая сессия (5 мая - 6 июня и 7 июля - 8 августа 2008 года). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[380] Венская конвенция о праве международных договоров (принята 23 мая 1969 года). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (ст. 2) (дата обращения: 01.10.2018).

[381] Zorgbibe Ch. Les organisations internationales. Paris: Presses Universitaires de France, 1997. P. 3.

[382] Archer C. International organizations. 4th edition. London: Routledge, 2014. P. 13.

[383] Кутейников А.Е. Международные межправительственные организации как класс международных структур и как юридический феномен // Государство и право. 2013. № 3. С. 74-75.

[384] Pease K-K. S. International Organizations. Perspectives on Governance in the Twenty-First Century. 4th ed. Harlow: Longman Publishing Group, 2009. P. 37.

[385] См.: Feld W.J., Jordan R.S., Hurwitz L. International organizations: a comparative approach. Santa Barbara: Praeger Publishers Inc, 1983. P. 10.

организаций, то исследователи часто ограничиваются лишь выделением их отличительных характеристик, не давая целостного определения. Число критериев ММПО существенно разнится в зависимости от того, насколько широко истолковывает тот или иной автор категорию «международная межправительственная организация». Так, К. Стандс и П. Кляйн выделяют четыре характерных признака ММПО[386], Х. Альварес – девять[387], российский дипломат и ученый В.Н. Федоров – четырнадцать[388]. Х. Альварес и В.Н. Федоров отмечают при этом, что отдельно взятой ММПО могут быть присущи не все выделенные ими признаки.

В целом, под международной межправительственной организацией можно понимать объединение государств, созданное на основе международного договора для выполнения определенных целей, имеющее систему постоянно действующих органов и обладающее международной правосубъектностью»[389].

Большинство российских политологов на сегодняшний день сходятся в вопросе классификации ММПО. Например, А.Е. Кутейников и М.М. Лебедева разделяют такие организации по признаку масштаба деятельности (ММПО могут быть открытыми, или универсальными, то есть допускающими всеобщее членство, а также закрытыми; последние делятся на региональные организации, организации с общим языковым или культурным базисом и закрытые специальные организации), по целям (выделяют ММПО общего характера и специального характера; последние специализируются на военно-политическом, социально-экономическом или культурно-гуманитарном сотрудничестве), а также по характеру делегирования им компетенций (разграничиваются традиционные ММПО, или организации сотрудничества, и наднациональные ММПО)[390].

Еще один важный момент, на который следует обратить внимание,

---

[386] Stands Q.S.P., Klein P. Bowett's Law of International Institutions. 6th edition. London: Sweet & Maxwell, 2009. P. 15-16.

[387] Alvarez J.E. International Organizations as Law-makers. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 4-5.

[388] Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. М., 2007. С. 52-53.

[389] Международные отношения и мировая политика: Учебно-методический комплекс / под ред. П.А. Цыганкова / П.А. Цыганков, Г.А. Дробот, И. А. Василенко и др. Политическая энциклопедия Москва, 2014. С. 237.

[390] Кутейников А.Е. Международные межправительственные организации как класс международных структур и как юридический феномен // Государство и право. 2013. № 3. С. 74-75; Мировая политика: Учебник для вузов (2-е изд., испр. и доп.) / М.М. Лебедева. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 68-69.

заключается в отсутствии консенсуса между учеными по вопросу отнесения международных межправительственных организаций к государственным или негосударственным акторам мировой политики. Такая проблема возникла ввиду того, что ММПО, с одной стороны, создаются государствами, а с другой – достаточно автономны при ведении международной деятельности. Американские политологи Ч. Кегли и Ю. Уитткопф без оговорок анализируют ММПО как государственных акторов[391], другие авторы, например К. Арчер, полагают, что международные межправительственные организации относятся к негосударственным участникам мировой политики[392]. Профессор П.А. Цыганков солидарен с позицией К. Арчера и отмечает, что ММПО, а также международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, другие общественные силы и движения, сумевшие заявить о себе на международной арене, относятся к негосударственным участникам международных отношений[393]. Учеными высказывается и такая точка зрения, согласно которой разделение акторов на государственные и негосударственные в принципе не имеет большой теоретической и практической пользы: достаточно разграничить государства как системообразующих акторов мировой политики и всех остальных акторов[394].

Среди международных организаций как класса транснациональных акторов целесообразно отдельно выделить международные неправительственные организации (МНПО). Консенсус по поводу определения термина «международная неправительственная организация» на сегодняшний день также не достигнут в академическом дискурсе. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1296 (XIV) от 23 мая 1968 года определяет МНПО как «любые международные организации, не учрежденные на основе межправительственного соглашения»[395]. Учредителями таких организаций могут быть частные организации, разного рода учреждения и институты. Решения, которые принимают МНПО, не имеют

[391] Kegley Ch.W., Wittkopf E.R. World Politics: Trend and Transformation. 4th edition. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1992. Pp. 365-369.
[392] Archer C. International organizations. 4th edition. London: Routledge, 2014. P. 31.
[393] Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. С. 238.
[394] Stands Q.S.P., Klein P. Bowett's Law of International Institutions. 6th edition. London: Sweet & Maxwell, 2009. P. 398.
[395] E/RES/1968/1296 (XIV). Arrangements for Consultation with Non-Governmental Organizations. May 23, 1968. Part I, Article 7. URL: http://www.un-documents.net/1296.htm (date of access: 01.10.2018).

юридической силы для государств, а потому основным средством давления МНПО является мобилизация международного общественного мнения.

В отличие от международных межправительственных организаций, МНПО, как правило, являются нетерриториальными образованиями ввиду того, что их членами не являются суверенные государства. МНПО, по мнению исследователей Ф. Брайара и М.Р. Джалили, обладают тремя ключевыми признаками: во-первых, их цели и состав участников должны носить международный характер; во-вторых, их учредителями должны быть негосударственные участники; в-третьих, их деятельность должна носить добровольный характер[396].

В научном дискурсе сложились как узкая, так и широкая трактовки МНПО. В узком смысле к международным неправительственным организациям не относят ТНК, общественно-политические движения, а также любые организации, учрежденные и функционирующие под эгидой государств. При таком толковании МНПО определяются как структуры сотрудничества в отдельных областях международной жизни, объединяющие негосударственные институты и индивидов нескольких стран: религиозные организации, организации ученых, спортивные, профсоюзные, правовые и иные организации, а также объединения, учреждения и ассоциации[397].

Расширительного толкования МНПО придерживается, например, французский геополитик Ш. Зоргбиб. Ученый причисляет к международным неправительственным организациям силы общественного мнения (различные «интернационалы»: политические; религиозные; гуманитарные), частные транснациональные власти (транснациональные предприятия и транснациональный синдикализм) и ассоциации государств-производителей (такие как ОПЕК), которые являются межправительственными по своему составу, но транснациональными по характеру деятельности[398].

Если придерживаться узкого толкования МНПО, то имеем смысл отдельно в качестве акторов мировой политики выделять собственников

---

[396] Braillard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. Paris: Presses Universitaires de France, 2016 (10th ed.). P. 147.
[397] Ibid., P. 47-50.
[398] Zorgbibe Ch. Les organisations internationales. Paris: Presses Universitaires de France, 1997. P. 91-118.

транснационального капитала – транснациональные корпорации (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ). Благодаря обладанию ими значительными финансовыми и управленческими ресурсами они оказывают огромное влияние на мирополитические процессы и особенно на деятельность международных межправительственных организаций. В этой связи М.М. Лебедева говорит о «вторжении» ТНК в сферу мировой политики, о «перетягивании на себя» международных функций ММПО (в частности нормотворческой). Этот процесс автор называет «приватизацией мировой политики» и «феодализацией политической сферы»[399].

В числе прочих транснациональных акторов, которые сегодня наращивают свое влияние на международной арене, стоит назвать международные религиозные и этнические объединения (мы придерживаемся в данном случае узкой трактовки МНПО), социальные движения (антивоенное, феминистское, экологическое, движения анти- и альтерглобалистов), национально-освободительные, сепаратистские и ирредентистские движения[400], средства массовой информации, международные террористические организации и международную организованную преступность, частные военные компании (яркий пример – американская компания “Academi”, известная ранее как “Blackwater”), внутригосударственные регионы и мегаполисы, отдельных личностей (таких как, например, У. бен Ладен, академик А.Д. Сахаров или Э. Сноуден), а также рейтинговые агентства.

Какое же место в системе акторов мировой политики занимает межгосударственное объединение БРИКС? И является ли вообще БРИКС международным актором? На этот вопрос нет однозначного ответа. Вместе с тем, целесообразно, на наш взгляд, отнести БРИКС к производным акторам мировой политики государственного характера. Проблемой в этой связи является то, что

---

[399] Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии: монография / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. С. 309-310; «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты (коллективная монография) / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден-Би, 2008. С. 60.

[400] Национально-освободительные и сепаратистские движения, являются, скорее, международными субъектами, то есть они стремятся стать акторами (в данном случае суверенными государствами). См.: Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. С. 248.

БРИКС, строго говоря, не вполне отвечает всем требованиям, предъявляемым к международным акторам некоторыми учеными. Речь идет, в частности, о критерии самостоятельности при принятии решений (см., например, выше определение международного актора, данное П.А. Цыганковым) и наличии у актора собственных интересов.

Однако, во-первых, профессор П.А. Цыганков говорит о необходимости обладания акторами мировой политики «той или иной степенью автономии при принятии ими своих решений»[401] – такая формулировка оставляет исследователю вопроса пространство для маневра. Во-вторых, если придерживаться расширительного толкования транснационального актора (как мы помним, Ф. Брайар и М.Р. Джалили причисляют к акторам любого индивидуального или коллективного участника мирополитических процессов, способного играть определенную роль, оказывать влияние в мировой политике), то БРИКС однозначно является актором мировой политики.

Что касается наличия у БРИКС собственных интересов, отличных от интересов стран-участниц, отметим, забегая вперед, что таких интересов у объединения пока нет: все решения в рамках БРИКС принимаются консенсусом, а потому решения, противоречащие интересам хотя бы одного члена объединения, не могут быть приняты. С другой стороны, БРИКС постепенно институционализируется (имеем в виду учреждение Нового банка развития и Пула условных валютных резервов, о которых будет подробно рассказано ниже), и, вероятно, будет с течением времени обретать собственные интересы путем синтеза интересов стран, входящих в объединение, и их точек зрения на мировое развитие и глобальное управление. Кроме того, на платформе БРИКС активно развивается сотрудничество в рамках «второго трека», то есть взаимодействие между негосударственными субъектами пяти стран, что делает БРИКС не только площадкой для согласования государственных интересов, но и платформой для развития диалога между гражданскими структурами, академическими кругами и бизнес-сообществом пяти стран. Все это позволяет говорить о наличии у БРИКС

[401] Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. С. 251.

признаков акторности.

Попробуем теперь взглянуть на БРИКС под другим углом: определим место данного межгосударственного объединения в системе многосторонних институтов и – в более широком смысле – в системе политической организации современного мира. Для этого необходимо, прежде всего, понять, какие социальные отношения являются многосторонними и что такое многосторонние институты.

Традиционно многосторонними считались отношения между суверенными государствами, что подтверждается определениями, данными российскими и иностранными учеными-международниками. Так, международными называют отношения, «протекающие на международной арене, в которые вовлечено более двух государств и которые реализуются в форме специфических устойчивых [многосторонних] институтов»[402]. Англоязычным эквивалентом данного термина является понятие “multilateral relations”, или “multilateralism”.

Отметим, что отправной точкой для большинства исследователей многосторонних отношений и многосторонних институтов являются определения американских политологов Р. Кеохейна и Дж. Рагги. Первый ограничивает мультилатерализм отношениями, в которые вовлечены государства[403], а под многосторонними институтами понимает «устойчивые наборы правил, которые ограничивают активность участников международных отношений, формируют их ожидания и предписывают им роли»[404]. Р. Кеохейн утверждает, что многосторонние институты никоим образом не вытесняют государства как важнейших акторов мировой политики. Напротив, они создаются государствами, и последние очерчивают пределы их влияния на мирополитические процессы. Многосторонние институты сокращают расходы на заключение и обеспечение выполнения межгосударственных соглашений, помогают собирать информацию о политике других государств и увеличивают издержки отказа глав государств и

---

[402] Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 383.
[403] Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // International Journal. 1990. Vol. 45 (XLV). P. 732.
[404] Keohane R.O. International Institutions: Two Approaches // International Studies Quarterly. 1988. Vol. 32. P. 384.

национальных правительств от своих международных обязательств[405].

Дж. Рагги утверждает, что мультилатерализм – это «институциональная форма, координирующая отношения между тремя и более государствами на основе генерализованных принципов поведения, которая предписывает надлежащие образцы поведения для определенного класса взаимодействий без учета партикуляристских интересов сторон или их стратегических потребностей, которые могут существовать в любом отдельно взятом случае»[406].

Шведские политологи К. Йёнссон и Т. Йонас говорят о том, что, в отличие от классических многосторонних отношений, участниками которых являются государства, сегодняшний мультилатерализм охватывает как государственных, так и транснациональных акторов. Такой тип многосторонних отношений эксперты стали именовать «новым мультилатерализмом», «полилатерализмом» (“polylateralism”) или «плюрилатерализмом» (“plurilateralism”)[407].

Мультилатерализм как особая институциональная форма взаимодействия акторов мировой политики претерпевает серьезные изменения и становится все более открытой и проницаемой для воздействий извне. Новый мультиратерализм отличают следующие характеристики: диверсификация многосторонних организаций; растущее значение негосударственных субъектов, таких как субнациональные регионы и наднациональные региональные организации; усиление взаимосвязей между областями (доменами) политики; наконец, существенно возросшие возможности для участия граждан в мировой политике[408].

БРИКС как один из многосторонних институтов для целей настоящего исследования удобно рассматривать как элемент классификации многосторонних институтов государственного характера, представленной в рамках профильного курса, преподаваемого в высшей школе в МГИМО (У) МИД. Так, многосторонние институты делятся на следующие группы: международные

---

[405] Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 2005 (20th anniversary edition). P. 227-228.

[406] Ruggie J.G. Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form. N.Y.: Columbia University Press, 1993. P. 11.

[407] Jönsson Ch., Tallberg J. Transnational Actors in Global Governance: Patterns, Explanations, and Implications. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 4-5.

[408] Van Langenhove, L. The Transformation of Multilateralism: Mode 1.0 to Mode 2.0 // Global Policy Volume 1. Issue 3. October 2010. Pp. 263-264.

организации, интеграционные объединения, параорганизации (иначе – клубы, к которым как раз и относится БРИКС), международные режимы, временные (долгосрочные) многосторонние институты[409].

Международные организации представляют собой наиболее распространенный тип многосторонних институтов. Мы говорили о них выше, и здесь стоит лишь отметить, что термины «многосторонний институт» и «международная организация» не тождественны друг другу и соотносятся как общее и частное.

На интеграционных объединениях имеет смысл остановиться подробнее, поскольку некоторые политологи ошибочно причисляют к ним группу БРИКС. По своей юридической природе интеграционные объединения близки к ММПО. Вместе с тем, между ними существует принципиальная разница: политико-административные органы интеграционного объединения обладают делегированным суверенитетом, что подразумевает примат их решений над решениями национальных регулирующих органов в установленной сфере деятельности интеграционного объединения[410].

Вообще современная типология интеграционных процессов восходит к работам классиков социологии. Под экономической интеграцией социологи традиционно понимали сращивание национальных рынков, под социальной – сближение и унификацию обществ разных стран, под политической – создание либо надгосударства (имеется в виду образование федерации или конфедерации государств), либо политического сообщества со сложно организованной формой совместного управления (иными словами – возникновение политического сообщества, не имеющего четкой привязки к территории)[411].

Заслуживают внимания и подходы к интеграции, которые отдельно выделяются учеными в рамках либеральной традиции. Первый подход – функционализм, основоположником которого стал Д. Митрани, – постулирует,

---

[409] Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 383.
[410] Там же, с. 384-385.
[411] Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 538.

что политическая интеграция вторична по отношению к экономической, социальной и научно-технической интеграции и, в сущности, является логическим завершением указанных типов интеграции. Второй подход – федерализм, видными представителями которого стали А. Этциони и А. Спинелли, – отводит политической интеграции главную роль и развивает, в первую очередь, идею «мирового правительства». Наконец, есть и третий подход, именуемый неофункционализмом, который фактически стал синтезом функционализма и федерализма. В фокусе внимания неофункционалистов – проблемы в области здравоохранения, технологические изменения, правовые и некоторые другие вопросы, имеющие значение для всего человечества[412].

Есть еще один момент, который необходимо упомянуть при рассмотрении интеграционных объединений: речь идет о соотношении понятий «интеграция», «регионализация» и «регионализм». Изучению этих процессов, безусловно, можно посвятить отдельную работу, и пристальное внимание к ним не отвечает целям настоящего исследования. Вместе с тем, отметим, что, по мнению М.М. Лебедевой, регионализм представляет собой управляемую (институционализованную) интеграцию, в то время как регионализация определяется как неуправляемая (неинституционализованная) интеграция. При такой трактовке этих процессов регионализация является своего рода ранней фазой регионализма, его объективной предпосылкой. Вообще же подобная ситуация, очевидно, проистекает из «страха словоупотребления», проявившегося в 1970-1980 годах в иностранной литературе, посвященной изучению опыта интеграции в регионе Юго-Восточной Азии: категория «интеграция» была монополизирована учеными-европеистами, а потому процессы сближения стран ЮВА описывались экспертами с использованием других терминов – «регионализма» и «регионализации»[413].

Следующая категория многосторонних институтов – международные режимы, понимаемые основоположником теории режимов С. Краснером как

---

[412] См. подробнее: Мировая политика: Учебник для вузов (2-е изд., испр. и доп.) / М.М. Лебедева. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 163-166.

[413] Лебедева М.М. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 151-152.

«имплицитные или эксплицитные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания участников в той или иной области международных отношений»[414]. Транснационалисты Р. Кеохейн и Дж. Най-младший считают режимы центральным элементом международных отношений, важнейшим изобретением, которое позволяет национальным элитам совместно управлять взаимозависимостью[415].

Еще один тип многосторонних институтов – временные (долгосрочные) многосторонние институты, которые создаются для решения конкретной проблемы и существуют, пока указанная проблема не будет успешно решена государствами или не устранится под влиянием других сил. Большинство таких институтов создается с целью урегулирования международных конфликтов. Одним из наиболее ярких примеров временных многосторонних институтов сегодня является «Ближневосточный квартет» – объединение России, США, Евросоюза и ООН, имеющее целью мирное урегулирование арабо-израильского конфликта[416].

Нередко среди многосторонних институтов отдельно выделяют международные конференции. Это верно в исторической ретроспективе, но сегодня международные конференции могут выступать либо в качестве элемента функционирования иных многосторонних механизмов, например международных режимов, либо в качестве первого этапа образования новых многосторонних институтов[417].

Наконец, пятой группой многосторонних институтов, интересующей нас в наибольшей степени, являются параорганизации, или клубные механизмы. Будучи такими же устойчивыми по времени существования (а зачастую и регулярности функционирования), параорганизации в большинстве случаев лишены всех или нескольких признаков, приписываемых классическим

---

[414] Krasner S.D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. URL: http://www.ir.rochelleterman.com/sites/default/files/krasner%201982.pdf (date of access: 01.10.2018).
[415] Keohane R.O., Nye J.S. Between Centralization and Fragmentation: The Club Model of Multilateral Cooperation and Problems of Democratic Legitimacy. Harvard University. KSG Working Paper No. 01–004. P. 2.
[416] Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 387.
[417] Там же.

международным организациям, в частности устава или иного учредительного документа, зафиксированных в документах четких критериев членства, постоянно действующего административного аппарата[418].

Некоторые исследователи рассматривают клубные механизмы как «гибкие, неинституционализованные межгосударственные платформы взаимодействия» (узкое толкование), другие – как «группы с четкими правилами, ясными и исключительными преимуществами для членов, высоким уровнем защиты от внешнего давления» (расширительное толкование)[419]. Таким образом, существуют как межгосударственные клубы: «Группа восьми», «Группа двадцати», БРИКС[420], Парижский клуб стран-кредиторов – так и негосударственные параорганизации, являющиеся неформальными платформами для регулярных встреч политиков, государственных деятелей, крупных бизнесменов и выдающихся ученых. К последней категории относятся, например, Бильдербергский, Римский и Лондонский клубы, Трехсторонняя комиссия. Иногда отдельно выделяют и международные форумы неправительственного характера, специализирующиеся в основном в области экономики (такие как Всемирный экономический форум в Давосе).

Отечественный исследователь вопроса М.В. Ларионова посвятила ряд работ[421] изучению группы институтов клубного типа с государственным участием – именно к ним и принадлежит межгосударственное объединение БРИКС.

Такие институты М.В. Ларионова называет многосторонними институтами высшего уровня (англ. plurilateral summitry institutions)[422]. В целом им свойственны низкий уровень бюрократии (а в отдельных случаях и отсутствие

---

[418] Там же, с. 386.

[419] Ларионова М.В. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 1. С. 130.

[420] М.В. Ларионова считает, что новые «многосторонние институты высшего уровня: «Группа семи/восьми», «Группа двадцати» и БРИКС – находятся сегодня в центре галактики институтов глобального управления». См.: Ларионова М.В. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 1. С. 128.

[421] Ларионова М.В. «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Хорошие новости для глобального управления // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 7–33; Ларионова М. В. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 1. С. 126-152.

[422] Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами// Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 2. С. 115.

постоянно действующего секретариата или иных органов управления), гибкая система форматов сотрудничества, приверженность принципу консенсуса при принятии сторонами решений, добровольность исполнения решений. Регулярные встречи первых лиц государств и глав национальных правительств, министерств и иных государственных ведомств, а также зачастую представителей деловых кругов, академических сообщества и гражданских структур, проводимые для координации позиций сторон по широкому перечню вопросов международного, регионального и национального характера, являются «вершиной» (англ. summit) многосторонних институтов высшего уровня. Обязательства, принимаемые на себя участниками таких институтов и зафиксированные в совместных документах (заявлениях, декларациях, меморандумах о сотрудничестве), фактически не носят обязывающего характера, а имплементация принятых решений обеспечивается взаимными ожиданиями и, если того требует ситуация, давлением по отношению друг к другу. Примерами многосторонних институтов высшего уровня на сегодняшний день являются БРИКС, «Группа семи», «Группа двадцати», АТЭС и некоторые другие объединения стран.

В исследовании многосторонних институтов высшего уровня М.В. Ларионова опирается на парадигму рационального выбора институционализма, которая постулирует, что государства создают многосторонние институты ввиду того, что осознают выгоду от выполнения такими институтами возложенных на них функций глобального управления[423]. При этом основных функций, которые призваны выполнять институты, всего пять – это обсуждение, определение направления действий, принятие коллективных решений, исполнение решений и развитие глобального управления[424].

Канадский политолог, эксперт в области международных отношений Дж. Киртон отмечает, что эффективность исполнения функций глобального управления многосторонними институтами зависит от умелого сочетания ими трех подходов к взаимодействию с другими многосторонними институтами (в

[423] Rosamond B. Theories of European Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000. P. 116.
[424] Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р. «Группа восьми» и «Группа двадцати». Функции, приоритеты, типы взаимодействия с Россией // Вестник международных организаций. 2009. № 4. С. 136-137.

частности международными организациями): «каталитического воздействия» (то есть стимулирования или поддержания реформирования многосторонних институтов), «ядра, влияющего на систему» (определения новых векторов действия для других институтов) и «параллельного управления» (создания собственных регулятивных механизмов)[425].

Исследователи, в том числе Дж. Киртон, выделяют и другие подходы к взаимодействию многосторонних институтов друг с другом. Так, например, эксперты различают четыре модели взаимодействия многосторонних институтов высшего уровня с международными организациями: управление через многосторонние организации, управление вопреки многосторонним организациям, управление без многосторонних организаций и управление в союзе с многосторонними организациями[426].

Проведя анализ указанных выше моделей взаимодействия многосторонних институтов, профессор М.В. Ларионова приходит к выводу о том, что в 2015 году члены БРИКС в целом сделали выбор в пользу двух подходов к взаимодействию с международными организациями: «каталитического воздействия» и «параллельного управления» (последний проявился в создании Нового банка развития и Пула условных валютных резервов БРИКС). При этом с развитием диалогового формата БРИКС ожидается включение в практику группы еще одной модели взаимодействия с коллективными акторами мировой политики – «управления в союзе с многосторонними организациями[427].

Основные выводы по итогам первой главы диссертации:

1. На сегодняшний день в научном дискурсе сложились различные определения и трактовки мирового порядка, подходы к его анализу и типологии. Последние можно условно разделить на три группы: эксперты выделяют полюсные, топонимические и смешанные типологии мировых порядков, при этом

---

[425] Putnam R., Bayne N. Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits. London: Sage Publications, 1987. P. 167-171.

[426] Kirton J. Multilateral Organizations and G8 Governance: A Framework for Analysis // Making Global Governance Effective: Hard and Soft Law Institutions in a Crowded World / J. Kirton, M. Larionova, P. Savona (eds). London: Routledge, 2010. Chapter II.

[427] Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами// Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 2. С. 114.

первые являются наиболее распространенными как среди российских, так и среди зарубежных ученых-международников. Для целей настоящего исследования мы вывели определение мирового порядка, синтезирующее идеи отечественных авторов П.А. Цыганкова, Э.Я. Баталова и К.С. Гаджиева. Под мировым порядком, или порядком в международных отношениях и мировой политике, нами понимается система коррелятивных связей между акторами мировой политики (государствами, международными правительственными и неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, международными социальными движениями, этническими, религиозными и иными объединениями, отдельными индивидами и их группами, способными благодаря имеющимся у них ресурсам оказывать существенное влияние на мировую политику), основанная на комплексе совместно принятых ими неофициальных и официальных норм и образцов поведения, закрепленных в том числе в международном праве, а также на созданных на их базе институтах и разделяемых такими акторами ценностях.

2. Существуют разные точки зрения на проблему современного мирового порядка и его трансформации. Одни авторы убеждены в том, что человечеству предстоит долгий переход от однополярного мира, фактически сложившегося с окончанием «холодной войны» и распадом Советского союза, к миру многополярному (или правильнее – к полицентричному); другие говорят о завершении такого переходного периода в середине 2010-х годов; третьи утверждают, что современная модель мирового порядка сложилась еще в 1990-х годах, а сегодня мы наблюдаем попытки его ревизии. Мы склонны считать, что мировой порядок еще не оформился окончательно. По своему характеру сегодня он тяготеет к полицентричности, однако говорить о завершенности и тем более предопределенности этого процесса явно преждевременно.

3. Проблема акторности в мировой политике в достаточной степени изучена учеными-международниками, однако до сих пор исследователи не пришли к консенсусу относительно закрытого перечня критериев такой акторности. Соответственно, сегодня остаются дискуссионными вопросы однозначной

идентификации актора в мировой политике и его отличительных черт, равно как и типология акторов. Мы склонны полагать, что к акторам в международных отношениям и мировой политике относятся государства (причем далеко не все из них), международные организации (в том числе международные межправительственные организации и неправительственные организации), транснациональные корпорации, международные религиозные объединения, социальные, национально-освободительные, сепаратистские и ирредентистские движения, средства массовой информации, международная организованная преступность (включающая и международные террористические сети), частные военные компании, внутригосударственные регионы и мегаполисы, а также отдельные выдающиеся личности, меняющие своими действиями ход мировой истории. В системе акторов мировой политики есть место и для БРИКС: мы определяем данное объединение пяти стран как производного актора мировой политики государственного характера.

4. БРИКС занимает важное место и в системе многосторонних институтов современного мира, в числе которых традиционно выделяются международные организации, интеграционные объединения, параорганизации (или клубные механизмы, к которым относится и БРИКС), международные режимы и временные (долгосрочные) многосторонние институты. Признавая содержательность и лаконичность определения, данного профессором М.В. Ларионовой, мы соглашаемся с тем, что БРИКС является «многосторонним институтом высшего уровня» (или институтом саммитового типа), которому свойственны сравнительно низкий уровень бюрократии, гибкая система форматов взаимодействия по широкому перечню вопросов, приверженность принципу консенсуса при совместном принятии решений и добровольность их исполнения.

Во второй главе диссертации изучается поступательный процесс формирования и развития БРИКС как феномена международной политики и диалогового формата пяти восходящих держав современности. Исследуются происхождение акронима БРИК, а также предтечи БРИКС – форматы РИК (Россия, Индия, Китай) и ИБСА (Индия, Бразилия, ЮАР). Проводится анализ

положений ключевых документов, принятых по итогам десяти саммитов БРИК (БРИКС) в 2009-2018 гг., механизмов межправительственного и неправительственного сотрудничества пяти стран за этот период, ресурсных оснований позиционирования членов БРИКС в качестве региональных или глобальных центров силы, а также факторов интеграции и дезинтеграции группы БРИКС.

Глава II. БРИКС – геополитический проект XXI века: от зарождения до современного состояния “клубного формата”

2.1. Предпосылки и история становления группы БРИКС

БРИКС – акроним, в основе которого лежат названия пяти стран с формирующимися рынками: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. Термин БРИК (аббревиатура первоначально не включала Южно-Африканскую Республику) был введен в деловой оборот в 2001 году тогда еще аналитиком одного из крупнейших в мире инвестиционных банков в составе американской финансовой ТНК «Голдман Сакс Групп» (“The Goldman Sachs Group, Inc.”), а до недавнего времени – коммерческим секретарем британского казначейства Джимом О’Нилом. Последний в целях выработки практических рекомендаций для инвесторов использовал акроним БРИК в аналитических докладах[428] в качестве собирательного названия для четырех стран с крупными экономиками и высокими темпами роста, которые к середине XXI столетия могут претендовать на глобальное экономическое лидерство. Именно из указанных аналитических докладов банка «Голдман Сакс» термин БРИК впоследствии перекочевал в политический дискурс и обрел реальные форму и содержание в качестве межгосударственного объединения[429].

Следует отметить, что БРИК не единственный акроним, предложенный экономистами в 2000-е гг. для агрегирования стран с быстрорастущими и перспективными экономиками. Эксперты «Экономист Групп» (“The Economist Group”), «ПрайсуотерхаусКуперс» (“PricewaterhouseCoopers”, “PwC”), «Фиделити

---

[428] См.: Building Better Global Economic BRICs (2001) // “Goldman Sachs Group, Inc”. URL: http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/index.html; Dreaming with BRICs: The Path to 2050 (2003) // “Goldman Sachs Group, Inc”. URL: http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/index.html (date of access: 01.10.2018).

[429] Помимо наиболее известных в академической среде докладов 2001 и 2003 годов, посвященных странам БРИК, “The Goldman Sachs, Inc.” в последующие годы опубликовала и другие аналитические доклады, содержащие прогнозы относительно экономического развития четырех стран. Ознакомиться с ними можно на сайте компании (URL: http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/index.html, date of access: 01.10.2018): “How Solid are the BRICs?” (Global Economics Paper No: 134; December 2005), “BRICs and Beyond” (A collection of research papers on the BRICs phenomenon and its impact on the global economy; November 2007), “BRICs Lead the Global Recovery” (BRICs Monthly; May 2009), “The BRICs as Drivers of Global Consumption” (BRICs Monthly; August 2009), “The Long-Term Outlook for the BRICs and N-11 Post Crisis” (Global Economics Paper No: 192; December 2009), “Is this the ‘BRICs Decade’?” (BRICs Monthly; May 2010), “The BRICs Remain in the Fast Lane” (BRICs Monthly; June 2011), “A Progress Report on the Building of the BRICs” (BRICs Monthly; July 2011).

Инвестментс» (“Fidelity Investments”) и ряда других корпораций ввели в оборот такие аббревиатуры, как BRIMC (страны БРИК + Мексика), BRICET (страны БРИК + Восточная Европа и Турция), BRICKET (страны БРИК + Республика Корея, Восточная Европа и Турция), BRICA (страны БРИК + арабские страны: Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Бахрейн, Оман, ОАЭ), “Next 11” (Мексика, Нигерия, Египет, Турция, Иран, Пакистан, Бангладеш, Индонезия, Вьетнам, Южная Корея, Филиппины), “Emerging Seven” (Китай, Индия, Бразилия, Россия, Мексика, Индонезия и Турция), MINT (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция), CIVETS (Колумбия, Индонезия, Вьетнам, Египет, Турция, ЮАР), VISTA (Вьетнам, Индонезия, ЮАР, Турция, Аргентина).

Предтечей объединения БРИК стала концепция стратегического «треугольника» Россия – Индия – Китай (РИК), предложенная в 1998 году премьер-министром Российской Федерации Е.М. Примаковым во время его визита в Индию. Тогда эта умозрительная конструкция не получила позитивного отклика у наших зарубежных коллег. Лишь в 2001 году формат трехстороннего сотрудничества получил свое развитие: в Москве состоялась встреча политологов и видных отставных дипломатов трех стран. Во многом успешному проведению этой встречи способствовало упрочение двусторонних отношений России с Индией и Китаем, оформленное, соответственно, Декларацией о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией (2000 г.) и Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2001 г.).

В сентябре 2002 года на полях Генеральной Ассамблеи ООН прошла первая официальная встреча министров иностранных дел России, Индии и Китая, и с тех пор встречи глав внешнеполитических ведомств проводились один-два раза в год. В конце 2007 года – начале 2008 года оформился механизм ежегодных встреч по линии министерств сельского хозяйства и торгово-промышленных палат трех стран. К 2018 году трехсторонний диалог был расширен за счет регулярных встреч уполномоченных представителей национальных ведомств по вопросам здравоохранения и чрезвычайных ситуаций, а также консультаций высоких

представителей, курирующих вопросы безопасности, и академических форумов с участием видных политологов[430].

Заместитель директора ИДВ РАН и руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений С.В. Уянаев говорит о том, что, несмотря на интенсивное развитие форума БРИКС и пересечение во многом повестки дня форматов РИК и БРИКС[431], их параллельное существование в 2010-е годы возможно и целесообразно, а «поглощение» трехстороннего диалога РИК форумом БРИКС вряд ли произойдет в краткосрочной перспективе[432].

Еще одной предтечей «клубного формата» БРИКС стал трехсторонний диалог между Индией, Бразилией и ЮАР, получивший название ИБСА (англоязычный акроним IBSA образован соединением первых букв названий трех стран). Данный форум возник в 2003 году как одна из площадок межгосударственного взаимодействия по линии «Юг – Юг». Регулярные встречи и консультации официальных лиц, академиков и представителей деловых кругов и гражданского общества имеют целью углубление экономического, научно-технического и гуманитарного партнерства между тремя странами, а также достижение консенсуса по ряду политических вопросов, имеющих глобальное значение, и объединение усилий по ликвидации нищеты в странах мира. В рамках диалога ИБСА было создано 16 рабочих групп, курирующих вопросы совместного развития сельского хозяйства, систем образования и здравоохранения, науки и технологий, взаимного туризма и транспортной инфраструктуры, отраслей энергетики, ИКТ, культурной сферы и пр.[433]. Есть основания полагать, что данный формат сотрудничества будет функционировать достаточно инертно или же постепенно угаснет ввиду налаживания странами сотрудничества на

---

[430] Уянаев С.В. Объединение БРИКС и структура РИК в середине 2010-х годов: тенденции и перспективы, взаимодействие РФ и КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Т. 21. № 21. 2016. С. 39.

[431] Что видно, например, при сравнении текстов Сямэньской декларации, принятой по итогам IX саммита БРИКС, и Совместного коммюнике по итогам 14-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индия и Китайской Народной Республики.

[432] Уянаев С.В. Объединение БРИКС и структура РИК в середине 2010-х годов: тенденции и перспективы, взаимодействие РФ и КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Т. 21. № 21. 2016. С. 40.

[433] IBSA (India, Brazil, South Africa) Dialogue Forum // Brazilian Ministry of External Relations. URL: http://www.itamaraty.gov.br/en/politica-externa/mecanismos-inter-regionais/7495-india-brazil-south-africa-ibsa-dialogue-forum (date of access: 01.10.2018).

платформе БРИКС (взять хотя бы тот факт, что в 2010-х годах форум ИБСА проводился всего трижды – в 2010, 2011 и 2017 годах, причем в последний раз – на уровне министров иностранных дел, а не глав государств[434]).

Первый шаг на пути к современному формату взаимодействия БРИКС был сделан в 2006 году, когда по инициативе президента Российской Федерации В. Путина во время 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН прошла встреча министров иностранных дел России, Бразилии и Китая и министра обороны Индии. Первое же короткое совещание глав стран БРИК состоялось 9 июля 2008 года на полях 34-го саммита Группы восьми в Тояко-Онсэн (о. Хоккайдо, Япония)[435].

После этого состоялось еще несколько встреч официальных представителей высокого уровня стран БРИК: так, рабочие консультации проводились министрами иностранных дел четырех стран в мае и сентябре 2008 года, соответственно, в Екатеринбурге (Россия) и Нью-Йорке (США). Кроме того, дважды в преддверии рабочих встреч министров финансов и управляющих центральных банков стран G20 встречались неформально главы финансовых ведомств БРИК: в ноябре 2008 года министры финансов Бразилии, России, Индии и Китая провели консультации в г. Сан-Паулу (Бразилия), а в марте 2009 года – в г. Хоршем (Великобритания).

Совещания глав отраслевых органов государственной власти стран БРИК к лету 2009 года подготовили благоприятную почву для запуска полноценного, действующего на систематической основе механизма многостороннего сотрудничества – ежегодных саммитов четырех (впоследствии – пяти) стран, проводимых на уровне глав государств. Центральной темой **I саммита БРИК** (г. Екатеринбург, Россия; 16 июня 2009 г.) стала текущая ситуация в мировой экономике, противодействие глобальному финансово-экономическому кризису и

[434] Sharma A. India-Brazil-South Africa (IBSA) Trilateral Forum: An Appraisal of Summits // Indian Council of World Affairs (December 28, 2017). URL: https://icwa.in/pdfs/PB/2014/IBSATrilateralForumPB28122017.pdf (date of access: 01.10.2018).

[435] 34-й саммит «Большой восьмерки» проходил в расширенном составе: помимо действительных членов G8 в нем приняли участие руководители 7 африканских стран: Алжира, Ганы, Нигерии, Сенегала, Танзании, Эфиопии, ЮАР – а также Австралии, Бразилии, Индии, Индонезии, Китая, Мексики и Республики Корея.

ликвидация его последствий. В ключевом документе саммита[436] стороны выразили намерения добиваться реализации решений, принятых на саммите G20 в Лондоне в 2009 году, и признали центральную роль саммитов «Большой двадцатки» в борьбе с пагубными проявлениями экономического кризиса. Экономическую повестку дня саммита стран «четверки» составили, кроме того, вопросы переустройства существующей международной финансовой архитектуры, в первую очередь ее ключевых институтов: МВФ и Группы Всемирного банка. Продвигаемая БРИК реформа и по сей день имеет целью расширить представительство развивающихся стран (в том числе самих стран БРИК) в институтах глобального управления и увеличить, таким образом, оказываемое влияние на процесс целеполагания, выработки и принятия решений в сфере международных экономических отношений и мирового развития.

Члены БРИК также призвали к ускоренному развитию многостороннего инвестиционно-торгового сотрудничества для целей восстановления мировой экономики, сдерживанию торгового протекционизма, формированию устойчивой к внешним шокам, диверсифицированной валютной системы. Участницы саммита проявили солидарность в вопросах развития энергетического партнерства, в том числе развития возобновляемой энергетики, повышения энергоэффективности и обеспечения безопасного транзита энергоносителей.

В совместном заявлении лидеров стран БРИК также были очерчены приоритеты политического взаимодействия группы. Стороны подчеркнули необходимость выстраивания более справедливого и демократичного мирового порядка, основанного на примате международного права и коллективном принятии решений всеми государствами – участниками международных отношений, а также разрешения споров между государствами исключительно дипломатическими средствами. Кроме того, лидеры стран БРИК призвали к скорейшему принятию Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму и присоединению к ней всех государств-членов ООН.

---

[436] Совместное заявление лидеров стран БРИК (16 июня 2009 г.) // Сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/209 (дата обращения: 01.10.2018).

По мнению лидеров четырех стран, в начале третьего тысячелетия назрела проблема реформирования ООН, обусловленная косностью и неэффективной работой последней. Сохраняя приверженность фундаментальной роли ООН как ключевого института многосторонней дипломатии, страны БРИК заявили о поддержке изменения состава Совета Безопасности ООН за счет включения в число ее постоянных членов Бразилии и Индии.

На повестке дня саммита также стояли проблемы многосторонней кооперации, выходящие за рамки чистой политики и экономики. Речь шла о совместном достижении Целей развития тысячелетия, охране окружающей среды, предоставлении международной гуманитарной помощи и официальной помощи развитию, оказании содействия в предупреждении и ликвидации последствий стихийных бедствий, сотрудничестве в области науки и образования.

Помимо указанного выше документа, на полях первого саммита страны БРИК приняли совместное заявление по глобальной продовольственной безопасности[437]. Тема продовольственного кризиса 2007-2008 гг., охватившего более трех десятков стран Азии, Африки и Латинской Америки, была вытеснена на периферию отечественного политического дискурса глобальным финансово-экономическим кризисом и не нашла широкого освещения в российских СМИ. Тем не менее, группа БРИК не оставила этот вопрос в стороне, предложив свое видение данной проблемы и комплекс мер по ее решению. Страны согласились в том, что вопросы обеспечения продовольственной безопасности должны решаться «в соответствии с принципом общей, но дифференцированной ответственности»[438] совместными усилиями как развивающихся, так и развитых стран при финансово-технологической поддержке последних.

Следует отметить, что вопросы реформирования системы глобального управления, выстраивания многополярного мира, сохранения ведущей роли ООН в качестве механизма многосторонней дипломатии, верховенства международного права, устойчивого развития, налаживания взаимовыгодного многостороннего

[437] Совместное заявление стран БРИК по глобальной продовольственной безопасности (16 июня 2009 г.) // Сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/61 (дата обращения: 01.10.2018).
[438] Там же.

сотрудничества в рамках международных организаций и на полях диалоговых форматов составляли костяк повестки дня стран БРИК (БРИКС) и на следующих саммитах. Вместе с тем, перечень обсуждаемых лидерами стран «четверки» (впоследствии – «пятерки») вопросов от года к году расширялся, охватывая новые направления взаимодействия и побуждая стороны создавать новые механизмы взаимодействия между правительственными институтами (так называемый «первый трек» дипломатии) и представителями экспертных кругов и гражданского общества («второй трек» дипломатии).

Повестка дня **II саммита БРИК** (г. Бразилиа, Бразилия; 15-16 апреля 2010 г.) носила, как и предыдущий саммит, преимущественно экономический характер. В числе приоритетных вопросов сторонами выделялись смягчение последствий мирового финансово-экономического кризиса, восстановление национальных экономик и выработка стратегии совместного развития в посткризисный период[439]. В совместном заявлении нашли отражение вопросы реформирования страдающих от недостатка легитимности Бреттон-Вудских институтов, поддержания стабильности основных резервных валют, энергетического и торгово-инвестиционного сотрудничества в рамках БРИК, борьбы с международным терроризмом, достижения Целей развития тысячелетия.

Экономический блок документа был дополнен положениями, касающимися поддержки группой БРИК вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию, усиления сельскохозяйственной кооперации партнеров по группе, готовности участниц форума наладить регулярные контакты по линии министров финансов и управляющих национальными центральными банками, министров сельского хозяйства, руководителей национальных банков развития и статистических ведомств. Стороны также договорились о проведении Конференции национальных антимонопольных ведомств, первого Делового форума БРИК.

Прочие секторальные инициативы включали сотрудничество между верховными судами стран БРИК, высокими представителями по вопросам

[439] Совместное заявление глав государств и правительств стран-участниц II саммита БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) (15 апреля 2010 г.) // Сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/524 (дата обращения: 01.10.2018).

безопасности, а также партнерство в области культуры, науки и спорта. Страны «четверки» также выразили солидарность народам Гаити, Бразилии и Китая, пострадавшим в 2010 году от стихийных бедствий: землетрясений и оползней – унесших жизни тысяч людей, и выступили в поддержку инициативы «Альянс цивилизаций», продвигаемой ООН и нацеленной на расширение знаний народов друг о друге и углубление взаимопонимания между ними.

Наконец, II саммит БРИК примечателен тем, что на нем впервые была представлена совместная статистическая публикация стран БРИК, положившая начало традиции подготовки и представления подобных аналитических документов в рамках каждого последующего председательства в группе[440].

Во время бразильского председательства в БРИК в 2010-2011 гг. произошло ключевое для форума событие: был инициирован процесс присоединения к нему Южно-Африканской Республики. Следует отметить, что ЮАР проявляла интерес к многостороннему сотрудничеству со странами «четверки» задолго до вступления в группу. Мы упоминали выше, что Южно-Африканская Республика стояла наряду с Индией и Бразилией у истоков диалога по линии «Юг – Юг» в формате ИБСА. В 2005 году Претория выражала намерение привлечь к сотрудничеству в этом формате сначала Китай, а впоследствии – через Китай – и Россию (оформив, таким образом, взаимодействие по линии «Юг – Север»), однако процесс не получил развития[441].

Расширение БРИК за счет ЮАР не стало полной неожиданностью для международного сообщества и потому, что присоединение к блоку вполне соответствовало ориентирам внешней политики ЮАР. Кроме того, вхождению ЮАР в данный «клубный формат» предшествовала серьезная подготовительная работа новоизбранного лидера страны Дж. Зумы и национального внешнеполитического ведомства, возглавляемого М. Нкоана-Машабане. В апреле – августе 2010 года президент Южно-Африканской Республики нанес ряд

[440] См., например: BRICS Joint Statistical Publication 2017 // Official site of South Africa's Chairmanship in BRICS (2018). URL: http://www.brics2018.org.za/sites/default/files/documents/Statistics/BRICS%20Joint_Statistics%20Publication%202017.pdf (date of access: 01.10.2018).

[441] Шубин В.Г. ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности // Вестник международных организаций: Образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 230.

зарубежных визитов в Бразилию, Индию, Россию и Китай (этот зарубежный тур лидера ЮАР в СМИ окрестили «наступлением путем очарования»), в ходе которых получил возможность заявить о намерениях присоединиться к «четверке» стран, а также заручиться их поддержкой[442].

Намерение ЮАР стать членом «клубного формата» БРИК было подтверждено на саммите «Группы двадцати» в южнокорейском Сеуле в ноябре 2010 года. Месяц спустя российский президент Д. Медведев и индийский премьер-министр М. Сингх приняли совместное заявление, в котором одобрили идею вступления ЮАР в группу БРИК[443]. Тогда же, в конце декабря 2010 года, министр иностранных дел Южно-Африканской Республики М. Нкоана-Машабане получила от главы китайского МИД Яна Цзечи официальное, согласованное с партнерами по группе БРИК, приглашение стать полноправным членом форума и принять участие в очередном саммите в апреле 2011 года, запланированном в рамках китайского председательства. Таким образом, весной 2011 года форум БРИК был расширен до «пятерки» БРИКС.

III саммит БРИКС (г. Санья, Китай; 13-14 апреля 2011 г.) прошел под девизом «Широкое видение, общее процветание». Ключевым аспектом, отраженным в итоговой декларации теперь уже пяти стран, стало, безусловно, присоединение к группе ЮАР. Лидеры государств БРИКС заявили о том, что многостороннее сотрудничество между ними в обновленном, расширенном составе строится «на основе прагматичного подхода, в соответствии с принципами открытости, солидарности и взаимопомощи, <…> носит инклюзивный характер и не направлено против какой-либо третьей стороны»[444].

Члены БРИКС обозначили намерения выстраивать диалог с развивающимися странами, а также международными организациями, что позволит им продвинуться на пути к полицентричной системе международных отношений. Уважение

---

[442] Шубин В.Г. Зачем Южной Африке БРИКС и зачем БРИКСу Южная Африка // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 2 (105). С. 61-62.

[443] Joint Statement: Celebrating a Decade of the India-Russian Federation Strategic Partnership and Looking Ahead (December 21, 2010) // Official site of Indian Ministry of External Affairs. URL: http://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5118/Joint+Statement+Celebrating+a+Decade+of+the+India+Russian+Federation+Strategic+Partnership+and+Looking+Ahead (date of access: 01.10.2018).

[444] Декларация, принятая по итогам III саммита БРИКС [Декларация Санья] (14 апреля 2011 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/907 (дата обращения: 01.10.2018).

суверенитета и территориальной целостности всех стран мира, неприемлемость реализации национальных интересов посредством силы или угрозой применения силы оформили ядро общих внешнеполитических ценностей стран «пятерки».

Круг политических вопросов, обсуждаемых на саммите БРИКС в г. Санья, включал в себя, помимо ставших уже традиционными тем предыдущих саммитов БРИК, совместное председательство стран БРИКС в Совете Безопасности ООН в 2011 году, имеющее в глазах «пятерки» большую ценность с точки зрения усиления многостороннего взаимодействия по вопросам мира и безопасности. Кроме того, стороны в очередной раз подтвердили свою приверженность идее реформирования Совбеза ООН, заявив при этом о поддержке выдвижения в число его постоянных членов как Индии и Бразилии, так и ЮАР.

Проблематика международной безопасности была дополнена вопросами укрепления международной информационной безопасности и противодействия киберпреступности. В повестку дня саммита были включены проблемы региональной безопасности и локальных конфликтов в странах Северной и Западной Африки, Ближнего Востока, а также авария на АЭС Фукусима-1 (Япония) 11 марта 2011 года.

Экономическое измерение сотрудничества стран БРИКС хоть и утратило в некоторой мере свою «остроту» к III саммиту «пятерки» (национальные экономики начали восстанавливаться с ослаблением первой волны мирового финансово-экономического кризиса), но определенно не отошло на второй план в повестке дня саммита. Расширение взаимодействия группы БРИКС в сфере экономики было отмечено в части энергетического сотрудничества (отдельным пунктом была выделена атомная энергетика), а также поддержки странами объединения масштабной программы экономического развития Африканского континента – инициативы Африканского союза «НЕПАД» («Новое партнерство для развития Африки», англ. NEPAD, “New Partnership for Africa's Development”).

Кроме того, лидеры БРИКС договорились об усилении многостороннего диалога при решении острых социальных вопросов, касающихся занятости населения, достижения гендерного равенства, молодежной политики и

здравоохранения (включая совместную борьбу с ВИЧ/СПИД). Повестка дня была также расширена за счет таких перспективных областей взаимодействия, как мирное использование космического пространства, «зеленая экономика», инновационное развитие фармацевтической отрасли, ежегодные форумы сотрудничества местных администраций и породненных городов стран БРИКС. Наконец, III саммит БРИКС заложил традицию утверждения планов действий стран «пятерки» на период очередного председательства, выступающих в некоторой степени в качестве механизма отчетности и самоконтроля при отсутствии формальных институтов, координирующих деятельность форума.

Темой **IV саммита БРИКС** (Нью-Дели, Индия; 28-29 марта 2012 г.) было заявлено «Партнерство БРИКС в интересах глобальной стабильности, безопасности и процветания». Делийская декларация БРИКС[445] отразила озабоченность стран «пятерки» кризисными явлениями, все еще имеющими место в мировой экономике и связанными с ситуацией в еврозоне, политике (международные конфликты и внутриполитические проблемы на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Центральной Азии) и в области глобального изменения климата. IV саммит БРИКС продемонстрировал глубокую заинтересованность сторон в скорейшем дипломатическом урегулировании арабо-израильского и сирийского конфликтов, недопущении эскалации ситуации вокруг Ирана в связи с осуществляемой им ядерной программой, мирном развитии Афганистана и облегчении гуманитарного кризиса на Африканском роге.

Члены форума заявили о готовности координировать свои действия на полях саммитов «Большой двадцатки», а также Конференции ООН по устойчивому развитию («Рио + 20»), Конференции Сторон Конвенции о биологическом разнообразии, в рамках ВТО, ООН и ее специализированных учреждений (таких как ЮНКТАД).

Перечень глобальных вызовов международной безопасности, стоящих на повестке дня группы БРИКС (имеем в виду вопросы противодействия

---

[445] Делийская декларация [БРИКС] (29 марта 2012 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/1189 (дата обращения: 01.10.2018).

международному терроризму, в том числе кибертерроризму), был расширен за счет проблемы незаконного международного оборота наркотиков (опиатов из Афганистана), наносящей колоссальный ущерб населению стран БРИКС.

Страны-участницы форума придали особую значимость цивилизационному и трансконтинентальному характеру взаимодействия в рамках «клубного формата» БРИКС, подтвердили приверженность идее создания более представительной системы глобального управления, развитию всестороннего торгово-инвестиционного и валютно-финансового сотрудничества. Практически все вопросы, стоявшие на повестке дня предыдущих саммитов «пятерки», нашли отражение в Делийской декларации БРИКС. В числе новых областей сотрудничества – вопросы народонаселения, молодежные обмены, проблемы ускоряющейся урбанизации. Вместе с тем, ключевые инициативы, предпринятые странами БРИКС на полях IV саммита, лежали в экономической плоскости:

– были подписаны Генеральное соглашение об общем порядке открытия кредитных линий в национальных валютах БРИКС, а также Многостороннее соглашение о подтверждении аккредитивов в рамках механизма межбанковского сотрудничества стран БРИКС;

– были достигнуты принципиальные договоренности о необходимости создания рабочей группы для изучения возможности и целесообразности учреждения Нового банка развития, ставшего впоследствии одним из ключевых, наиболее осязаемых результатов деятельности форума БРИКС.

V саммит БРИКС (г. Дурбан, ЮАР; 26-27 марта 2013 г.) носил ярко выраженный региональный характер и прошел под лозунгом «БРИКС и Африка: партнёрство в целях развития, интеграции и индустриализации». В принятой по его итогам Этеквинской декларации[446] подписанты выразили обеспокоенность продолжающимися политическими и гуманитарными кризисами и возрастанием нестабильности в ряде африканских государств, расположенных в зоне Сахеля и Гвинейского залива, а также в ЦАР и ДРК. Поддержке усилий Африканского

[446] Этеквинская декларация [БРИКС] (27 марта 2013 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/1430 (дата обращения: 01.10.2018).

союза (в том числе его инициативы НЕПАД) и Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) по устойчивому инфраструктурному и индустриальному развитию Африки также был присвоен высокий приоритет в рамках председательства ЮАР в БРИКС. Кроме того, лидеры стран «пятерки» договорились о проведении на полях саммита Форума диалога с африканскими странами по теме «Раскрывая потенциал Африки: сотрудничество БРИКС и Африки в сфере инфраструктуры».

В качестве стратегической цели главы пяти стран обозначили «поступательное развитие БРИКС и его трансформацию в полноформатный механизм текущей и долгосрочной координации по широкому кругу ключевых проблем мировой экономики и политики»[447]. Достижению указанной цели во многом способствовало решение о создании Нового банка развития и финансовой «страховочной сетки» стран БРИКС (Пула условных валютных резервов БРИКС) – механизмов международного экономического сотрудничества, ставших первыми шагами на пути институционального оформления группы.

Повестка дня V саммита БРИКС характеризуется высокой преемственностью по отношению к предыдущим встречам группы на высшем уровне. Вместе с тем, страны-участницы форума дополнили программу очередного саммита такими новыми форматами сотрудничества, как взаимодействие в области защиты прав человека и молодежной политики, совместная борьба с коррупцией, расширение взаимных туристических потоков. Вдобавок были зафиксированы намерения сторон изучить перспективы обмена наилучшими практиками и информацией между малыми и средними предприятиями, а также государственными компаниями стран БРИКС. Немаловажными событиями стали учреждение Совета экспертных центров БРИКС[448], Делового совета БРИКС и достижение

[447] Там же.

[448] Совет экспертных центров (СЭЦ) БРИКС (BRICS Think Tank Council) – платформа для обмена мнениями между ведущими экспертами, представителями научного сообщества и «мозговыми центрами» стран БРИКС. Формально членами СЭЦ БРИКС являются организации-координаторы экспертно-аналитической деятельности стран «пятерки»: Институт прикладных экономических исследований (Instituto de Pesquisa Economica Aplicada, Бразилия), Национальный комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС, Россия), Наблюдательно-исследовательский фонд (Observer Research Foundation, Индия), Китайский центр современных мировых исследований (China Centre for Contemporary World Studies, Китай), Исследовательский совет гуманитарных наук (Human Sciences Research Council, ЮАР).

договоренностей о создании виртуального секретариата БРИКС.

Дискуссии на полях **VI саммита БРИКС** (г. Форталеза, Бразилия; 15-16 июля 2014 г.), открывшего второй цикл встреч «пятерки» на высшем уровне, разворачивались на тему «Инклюзивный рост: устойчивые решения»[449]. Повестка дня бразильского саммита БРИКС традиционно во многом повторяла повестку предыдущего саммита группы, охватывая вопросы политико-экономического и гуманитарного сотрудничества стран «пятерки». Стоит отметить, однако, что в Форталезской декларации особое место было отведено проблемам урегулирования политических конфликтов, разрешения гуманитарных кризисов и поступательного социально-экономического развития в отдельных странах и регионах мира. Арабо-израильский конфликт, ситуация в Сирии, иранская ядерная программа, кризисные явления в Афганистане, Мали, Центральноафриканской Республике, Демократической Республике Конго – эти вопросы обсуждались лидерами группы БРИКС уже не первый год. Вместе с тем, круг политических вопросов, вызывающих озабоченность стран «пятерки», дополнился в Форталезе проблемами проведения демократических выборов в Гвинее-Бисау, на Мадагаскаре, трагическими событиями в Южном Судане и на Украине, ситуацией в Ираке и вопросом создания на Ближнем Востоке безъядерной зоны.

Еще одним важным аспектом VI саммита БРИКС стала смена регионального вектора сотрудничества стран «пятерки»: в центре внимания ожидаемо оказались соседи Бразилии – хозяйки саммита – по южноамериканскому региону. Кроме того, стороны добились подписания ряда документов, заложивших фундамент дальнейшей экономической кооперации и совместного устойчивого развития:

– Соглашение о создании Нового банка развития[450];

– Договор о создании Пула условных валютных резервов БРИКС – финансовой «страховочной сетки» стран «пятерки» на случай кризиса ликвидности в одной из стран-участниц[451];

---

[449] Форталезская декларация [БРИКС] (15 июля 2014 г.). // Официальный сайт Президента России. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[450] Agreement on the New Development Bank // New Development Bank [official site]. URL: ndb.int/wp-content/themes/ndb/pdf/Agreement-on-the-New-Development-Bank.pdf (date of access: 01.10.2018).

[451] Treaty for the Establishment of a BRICS Contingent Reserve Arrangement // Official site of Brazilian Ministry of

– Меморандум о взаимопонимании по вопросу сотрудничества между экспортно-кредитными агентствами стран БРИКС[452];

– Соглашение о сотрудничестве в области инноваций[453].

Перечень иных вопросов, отраженных в Форталезской декларации, включал ставшие традиционными темы мирного освоения космоса заинтересованными сторонами, борьбы с международным терроризмом, преступлениями в сфере информационной безопасности и наркоугрозой, изменения климата, достижения Целей устойчивого развития до 2030 года (заменивших Цели развития тысячелетия). Члены БРИКС также заявили о намерениях координировать государственную политику противодействия транснациональной организованной преступности и пиратству, развивать партнерство в области налогового и таможенного администрирования, изучать возможности сотрудничества сферах образования, занятости, социального обеспечения и электронной торговли.

Тема **VII саммита БРИКС** (г. Уфа, Россия, 8-10 июля 2015 г.), проходившего под председательством Российской Федерации, звучала следующим образом: «Партнерство стран БРИКС – мощный фактор глобального развития»[454]. Уфимский саммит БРИКС ознаменовал начало работы общих финансовых институтов «пятерки» – Нового банка развития и Пула условных валютных резервов БРИКС[455]. И хотя процесс наполнения деятельности указанных международных финансовых механизмов реальным содержанием еще только начался, можно констатировать, что их официальный запуск стал одним из знаковых событий российского председательства в БРИКС.

Экономическое измерение повестки дня очередного саммита было

External Relations. URL: brics.itamaraty.gov.br/images/pdf/BRICSCRA.doc (date of access: 01.10.2018).

[452] Memorandum of Understanding on Cooperation among BRICS Export Credit Insurance Agencies // Official site of Brazilian Ministry of External Relations. URL: brics.itamaraty.gov.br/images/pdf/BRICSMOU.doc (date of access: 01.10.2018).

[453] Cooperation Agreement on Innovation between Banco Nacional de Desenvolvimento Econômico e Social, State Corporation Bank for Development and Foreign Economic Affairs, Export-Import Bank of India, China Development Bank Corporation and Development Bank of Southern Africa Limited // Official site of Brazilian Ministry of External Relations. URL: brics.itamaraty.gov.br/images/pdf/bricsinnovation.doc (date of access: 01.10.2018).

[454] Уфимская декларация [БРИКС] (9 июля 2015 г.). // Официальный сайт Президента России. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/ru/YukPLgicg4mqAQIy7JRB1HgePZrMP2w5.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[455] Российская Федерация ратифицировала Соглашение о Новом банке развития 8 марта 2015 года (Федеральный закон от 08.03.2015 № 29-ФЗ; URL: http://kremlin.ru/acts/bank/39460), Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС – 2 мая 2015 года (Федеральный закон от 02.05.2015 № 107-ФЗ; URL: http://kremlin.ru/acts/bank/39675) (дата обращения: 01.10.2018).

наполнено как традиционными, так и новыми для БРИКС вопросами. Главы государств-членов форума представили разработанную общими усилиями Стратегию экономического партнерства БРИКС[456], призванную стать ориентиром для усиления многостороннего экономического сотрудничества группы БРИКС в таких сферах, как международная торговля, финансы и инвестиции, производство и переработка минерального сырья, энергетика, сельское хозяйство, наука, технологии и инновации, ИКТ, взаимосвязанность стран БРИКС.

На полях саммита в Уфе лидеры стран БРИКС поручили уполномоченным лицам и профильным национальным ведомствам изучить возможности разработки Дорожной карты торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества стран БРИКС на период до 2020 года. Кроме того, стороны отметили целесообразность создания Платформы торгового и инвестиционного сотрудничества и Платформы для развития сотрудничества в области электронной торговли в рамках БРИКС.

Уфимский саммит продолжил традицию проведения консультаций и неформальных встреч с главами государств, не входящих в «клубный формат» БРИКС: в этот раз на официальные мероприятия были приглашены первые лица стран, являющихся членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также наблюдателями в ШОС.

Участники форума сформулировали в итоговой декларации единую позицию по ряду политических вопросов, не нашедших отражение в документах предыдущих саммитов группы. Речь идет о решительном отвержении непрекращающихся попыток искажения итогов Второй мировой войны, односторонних военных интервенций и экономических санкций, налагаемых в нарушение норм международного права. Стороны подчеркнули неделимый характер международной безопасности, заявив, что ни одна страна не должна укреплять национальную безопасность за счет безопасности других стран.

Именно в Уфе члены форума БРИКС впервые говорили о противодействии

[456] Стратегия экономического партнерства БРИКС // Официальный сайт председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2015-2016 гг. URL: http://www.brics2015.ru/load/382484 (дата обращения: 01.10.2018).

усилению экстремистских движений в мире, о необходимости координации национальной политики в области предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий, а также об укреплении многостороннего сотрудничества в сфере прав интеллектуальной собственности и международной миграции. Мощный импульс был придан развитию культурного и образовательного взаимодействия «пятерки», в том числе за счет подписания Соглашения между правительствами стран БРИКС о сотрудничестве в области культуры[457] и принятия решения об учреждении Лиги университетов БРИКС и Сетевого университета БРИКС.

VIII саммит БРИКС (Гоа, Индия; 15-16 октября 2016 г.) состоялся под лозунгом «Формирование востребованных, инклюзивных и коллективных решений». Декларация Гоа[458], принятая по его итогам, свидетельствовала в пользу успешного запуска НБР. Так, во время индийского председательства в форуме НБР одобрил первый пакет займов для реализации инфраструктурных проектов в странах БРИКС и выпустил первые «зеленые» облигации, номинированные в китайской валюте, на сумму 3 млрд. юаней. Кроме того, на саммите был отмечен прогресс в подготовке к запуску регионального центра НБР в Африке.

Индийский саммит БРИКС, как и три предшествующих саммита группы, стал площадкой для консультаций стран «пятерки» с лидерами других государств. В 2016 году группа БРИКС провела встречу в расширенном составе с главами стран-участниц международной организации БИМСТЕК[459].

Помимо вопросов организации деятельности Нового банка развития и традиционных аспектов экономического сотрудничества БРИКС, экономическую повестку дня саммита в индийском штате Гоа составили такие вопросы и инициативы, как включение юаня в число резервных валют в октябре 2016 года, изучение возможностей создания рейтингового агентства БРИКС, реализация

---

[457] Соглашение между правительствами стран БРИКС о сотрудничестве в области культуры // Официальный сайт председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2015-2016 гг. URL: http://www.brics2015.ru/load/383085 (дата обращения: 01.10.2018).

[458] Декларация Гоа [БРИКС] (16 октября 2016 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/5139 (дата обращения: 01.10.2018).

[459] БИМСТЕК (Инициатива многовекторного технического и экономического сотрудничества Бенгальского залива, англ. BIMSTEC, Bay of Bengal Initiative for Multi-Sectoral Technical and Economic Cooperation) – международная организация, членами которой являются Бангладеш, Бутан, Индия, Мьянма, Непал, Таиланд и Шри-Ланка.

Стратегии экономического партнерства БРИКС.

Стороны отметили серьезные позитивные сдвиги в вопросах углубления гуманитарного (образовательного, спортивного, молодежного, культурного), научно-технического, инновационного и сельскохозяйственного сотрудничества. Во время индийского председательства в группе БРИКС была создана Рабочая группа по научно-исследовательским инфраструктурам стран БРИКС, был подписан Меморандум о взаимопонимании по созданию Платформы сельскохозяйственных исследований БРИКС, что придало толчок развитию соответствующих отраслей многостороннего сотрудничества.

IX саммит БРИКС (г. Сямэнь, Китай; 3-5 сентября 2017 г.) прошел под лозунгом «БРИКС: укрепление партнерства во имя безоблачного будущего»[460]. По инициативе принимающей стороны на полях саммита БРИКС 5 сентября 2017 года состоялась встреча глав государств и правительств в расширенном составе (с участием лидеров Египта, Таджикистана, Мексики, Гвинеи и Таиланда), предметом которой стало выполнение Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Таким образом, воплотилась в жизнь предложенная Китаем в марте 2017 года идея формата «БРИКС+», о которой будет подробнее сказано ниже.

Руководители стран БРИКС высоко оценили успехи, достигнутые за последний год работы совместных финансовых институтов «пятерки», а именно: открытие Африканского регионального центра Нового банка развития в ЮАР, учреждение Фонда подготовки проектов НБР, одобрение банком второго пакета проектов для финансирования, начало строительства постоянной штаб-квартиры НБР, а также создание Системы обмена макроэкономической информацией Пула условных валютных резервов БРИКС.

Стороны уделили особое внимание углублению торгово-инвестиционного сотрудничества, повышению взаимодополняемости и диверсификации национальных экономик. С этой целью были подписаны соответствующий план

[460] Сямэньская декларация, принятая по итогам девятого саммита БРИКС // Официальный сайт Президента России. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/ru/0auA2fXB3aZfGjy7ZHtubAhIydQv9AL5.doc (дата обращения: 01.10.2018).

действий, а также дорожная карта по развитию сотрудничества стран БРИКС в сфере торговли услугами, положение о рабочей группе по электронной торговле, положение о Сети модельных электронных портов БРИКС, руководство БРИКС по содействию инвестициям. Кроме того, был сделан шаг вперед в деле расширения валютного партнерства «пятерки»: на саммите достигнута договоренность о создании Фонда облигаций в национальных валютах стран БРИКС, призванного повысить инвестиционную устойчивость на пространстве БРИКС. С целью снижения зависимости от американского доллара группа БРИКС также обозначила намерения увеличить объемы взаимных валютных свопов, внешнеторговых расчетов и прямых инвестиций в национальных валютах.

Значительное место в совместной декларации занимает блок вопросов, связанных с изменением климата, повышением энергетической эффективности и развитием «зеленой экономики». Также в рамках китайского председательства был дан серьезный импульс гуманитарному взаимодействию на полях БРИКС: стороны приняли совместную декларацию в области традиционной медицины и договорились о создании четырех альянсов культурных учреждений, членами которых, как предполагается, станут национальные библиотеки, музеи, художественные галереи, а также детские и юношеские театры пяти стран. Помимо этого, был подписан целый ряд документов об усилении культурного (и отдельно – кинематографического) сотрудничества в период с 2017 по 2021 год.

В числе острых локальных политических кризисов, обозначенных в Сямэньской декларации, следует выделить ядерную проблему Северной Кореи: «пятерка» выразила чрезвычайную обеспокоенность ядерными испытаниями КНДР в августе 2017 года и в очередной раз выразила надежду на мирное дипломатическое урегулирование ситуации на Корейском полуострове. В целом же анализ положений декларации свидетельствует об отсутствии существенных сдвигов в политической повестке дня БРИКС. В числе важных инициатив по активизации политического взаимодействия «пятерки» можно выделить разве что принятие Дорожной карты практического сотрудничества БРИКС в обеспечении безопасности в сфере использования ИКТ.

Вместе с тем, нельзя не отметить усилия сторон по углублению кооперации в области высоких технологий и инноваций. За время китайского председательства в форуме БРИКС были приняты план действий по инновационному сотрудничеству на период с 2017 по 2020 год, план действий в сфере науки, технологий и инноваций на 2017-2018 гг., а также Положение Рабочей группы БРИКС по исследовательским инфраструктурам и проектам класса мегасайенс. Кроме того, в технологическую повестку дня пяти стран был включен вопрос о создании Института БРИКС по изучению «сетей будущего», использующих новейшие информационные технологии.

X саммит БРИКС (г. Йоханнесбург, ЮАР; 25-27 июля 2018 г.) состоялся под девизом «БРИКС в Африке: Сотрудничество для достижения инклюзивного роста и всеобщего процветания в эпоху Четвертой промышленной революции»[461]. Лидеры «пятерки» БРИКС отметили, что их десятая совместная встреча приурочена к знаменательной дате – столетнему юбилею со дня рождения Нельсона Манделы – человека, внесшего неоценимый вклад в продвижение культуры мира и отстаивавшего демократические принципы на международной арене. Центральными вопросами Йоханнесбургского саммита БРИКС стали развитие, инклюзивность и процветание всех народов мира в контексте стремительного промышленного и технологического прогресса.

Стороны в очередной раз подтвердили свою приверженность формированию более справедливого, демократического и честного многополярного мирового порядка для процветания человечества, при котором все участники международных отношений и мировой политики неукоснительно соблюдают запрет на применение или угрозу применения силы при взаимодействии друг с другом и избегают использование односторонних принудительных мер, таких как экономические санкции, идущих вразрез с Уставом ООН.

Политическая повестка дня БРИКС за время председательства ЮАР в

[461] Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС (26 июля 2018 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/5323 (дата обращения: 01.10.2018).

группе не претерпела серьезных изменений. С учетом геополитических сдвигов обозначились некоторые новые проблемы, особенно беспокоящие руководство пяти стран, например, острый политический и гуманитарный кризис в Республике Йемен и дипломатический кризис в регионе Персидского залива, затронувший, в первую очередь, Кувейт. Группа БРИКС также выразила озабоченность по поводу возможного развития гонки вооружений ведущих держав в космосе, чреватой превращением космического пространства в арену для открытого военного противоборства между ними. Кроме того, члены БРИКС признали важность налаживания сотрудничества друг с другом в сфере миротворческой деятельности в рамках ООН и выразили поддержку инициативе ЮАР о создании рабочей группы БРИКС по вопросам миротворчества. Учитывая председательство Южно-Африканской Республики в БРИКС в 2018 году, «пятерка» отдельно заявила о необходимости укрепления африканской архитектуры безопасности, в том числе под эгидой Африканского союза.

Как и на предшествующих саммитах БРИКС, на очередной встрече на высшем уровне в наибольшей степени расширилась экономическая повестка объединения. Стороны совместно заявили о создании Партнерства БРИКС по вопросам новой промышленной революции, задачей которого станет интенсификация межгосударственного взаимодействия в сфере цифровых технологий, инноваций, индустриализации и инвестиций для извлечения больших выгод от четвертой промышленной революции и снижения рисков, сопутствующих процессу поступательного развития. Указанное Партнерство имеет целью стимулировать экономический рост стран БРИКС, в том числе посредством укрепления потенциала индустриального производства, создания разветвленной сети национальных малых и средних предприятий, а также научных парков и высокотехнологичных бизнес-инкубаторов.

Участники форума БРИКС снова публично заявили о необходимости завершения 15-го общего пересмотра квот МВФ к весне 2019 года, в том числе выработки новой формулы расчета квот, которая учитывала бы интересы наименее развитых стран. Очередная реформа МВФ, по замыслу членов БРИКС,

должна усилить представительство в организации в том числе стран Африки южнее Сахары.

Стороны также заявили о необходимости интенсификации сотрудничества в области водных ресурсов, в частности в деле обеспечения доступа как можно большего числа людей во всем мире к чистой воде, защиты населения от наводнений, борьбы с засухой, улучшения санитарных условий в городах и сельских районах, организации мероприятий по сохранению и восстановлению экосистем водоемов, предотвращению их промышленного загрязнения. Помимо этого, лидеры «пятерки» БРИКС согласились, что существует огромный нереализованный потенциал кооперации в сфере «голубой» экономики, связанной с продвижением экономики мирового океана, охватывающей развитие морского транспорта, эксплуатацию морских нефтяных и газовых месторождений, морскую разведку, аквакультуру, научные исследования в области использования морских ресурсов, развитие портов и прибрежных промышленных зон, морской туризм.

К числу прочих совместных экономических инициатив пяти стран, в том числе связанных с обеспечением их устойчивого развития, стоит отметить прогресс в вопросах исследования технологий цифровой экономики, таких как блокчейн и распределенные реестры данных, создание Рабочей группы по электронной торговле на платформе Делового совета БРИКС, учреждение сети Таможенных тренировочных центров БРИКС, Механизма укрепления налогового потенциала БРИКС, Платформы энергетических исследований БРИКС, Платформы сотрудничества стран БРИКС по вопросам экологически чистых технологий, начало реализации зонтичной программ «Чистые реки БРИКС» и «Партнерство городов для экологически устойчивого развития», подписание меморандума о сотрудничестве «пятерки» в сфере гражданской авиации.

Наконец, стороны приветствовали предстоящее учреждение американского регионального отделения Нового банка развития в г. Сан-Паулу (Бразилия) и отметили прогресс, достигнутый в вопросах создания Рабочей группы БРИКС по туризму, Центра БРИКС по исследованию и разработке вакцин, а также Женского форума БРИКС и Женского делового альянса БРИКС.

Следует обратить внимание на отличительную особенность V-X саммитов БРИКС, состоявшихся в 2013-2018 гг. Мы уже отмечали, что V саммит БРИКС стал площадкой для проведения переговоров стран «пятерки» с первыми лицами ряда африканских государств в формате «аутрич» (от англ. outreach – расширение). VI саммит БРИКС, проходивший в Бразилии в 2014 году, состоялся при участии президентов 11 латиноамериканских стран, VII саммит БРИКС в российской Уфе в 2015 году – при участии глав 10 государств, часть из которых также представляла интересы своих стран на саммите ШОС, проходившем в это же время в Уфе. VIII саммит БРИКС, проведенный в рамках индийского председательства в 2016 году, собрал на своей площадке лидеров группы БРИКС, а также стран-участниц международной организации БИМСТЕК. На полях IX саммита БРИКС в Сямэне встретились лидеры стран-участниц БРИКС и пяти стран (Египта, Таджикистана, Мексики, Гвинеи и Таиланда), представляющих различные макрорегионы мира. Фактически Китай выступил с инициативой проведения встреч с третьими странами в несколько ином формате, который получил название «БРИКС+». Южно-Африканская Республика пошла в этом плане еще дальше, собрав на площадке X саммита БРИКС лидеров третьих стран сразу в двух форматах: «аутрич» и «БРИКС+». Встреча в первом из них прошла под лозунгом «БРИКС в Африке: сотрудничество для реализации устремлений африканских стран». На правах хозяйки саммита ЮАР пригласила на встречу первых лиц Руанды, Сенегала, Габона, Уганды, Эфиопии, Того, Замбии, Намибии, Анголы[462] – стран-соседей ЮАР по континенту, а также председателя Комиссии Африканского союза Мусу Факи Махамата[463]. С другой стороны, ЮАР провела и встречу с развивающимися странами и странами с формирующимися рынками из разных регионов планеты в формате «БРИКС+». Темой встречи, на которую были

[462] Указанные страны по замыслу ЮАР являлись на саммите выразителями интересов целых групп стран, выступая в качестве действующих или будущих председателей Африканского союза (АС), Экономического сообщества стран Центральной Африки (ЭКОЦАС), Восточноафриканского сообщества (ВАС), Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), Общего рынка Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Сообщества развития Юга Африки (САДК), а также органов управления программы «Нового партнерства для развития Африки» (НЕПАД).

[463] BRICS Outreach // Official site of South Africa's chairmanship in BRICS (2018). URL: http://www.brics2018.org.za/brics-outreach (date of access: 01.10.2018).

приглашены лидеры Аргентины, Индонезии, Египта, Ямайки, Турции[464] и Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш, стало «Обеспечение устойчивого инклюзивного роста для процветания стран глобального Юга»[465]. Сочетание двух форматов на площадке форума БРИКС видится нам хорошей инициативой, позволяющей пяти странам взаимодействовать с большим числом влиятельных игроков на международной арене.

Развитие форума БРИКС, безусловно, отражается не только в изменении его повестки от саммита к саммиту, но и в расширении перечня механизмов многостороннего взаимодействия. Детальный анализ совместных заявлений и деклараций лидеров стран БРИКС, отечественных и зарубежных СМИ и официальных сайтов председательств ЮАР[466], Бразилии[467], России[468], Индии[469] и Китая[470] в БРИКС в 2013-2018 гг. позволил нам сформировать наиболее полный перечень форматов сотрудничества стран БРИКС по состоянию на октябрь 2018 года (см. Приложение 1).

Открытые сведения о ежегодных встречах представителей стран БРИКС в рамках правительственного и гражданского «треков», предоставляемые аналитическими центрами, занимающимися изучением проблематики БРИКС[471], свидетельствуют о том, что число механизмов многостороннего сотрудничества в

---

[464] Аргентина в 2018 году является председателем МЕРКОСУР (общего рынка стран Южной Америки), Индонезия – сопредседатель Нового Азиатско-Африканского стратегического партнерства (англ. New Asian-African Strategic Partnership, NAASP) и влиятельный член Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Египет – председательствующая страна в «Группе 77», Ямайка – председатель Карибского сообщества (КАРИКОМ), Турция – председатель Организации исламского сотрудничества (ОИС).

[465] BRICS Outreach // Official site of South Africa's chairmanship in BRICS (2018). URL: http://www.brics2018.org.za/brics-outreach (date of access: 01.10.2018).

[466] Official site of South-African Chairmanship in BRICS (2013). URL: http://brics5.co.za/ (date of access: 01.10.2018); Official site of South-African Chairmanship in BRICS (2018). URL: http://www.brics2018.org.za (date of access: 01.10.2018).

[467] Brazilian Chairmanship in BRICS (2014-2015) // Official site of Brazilian Ministry of Foreign Affairs. URL: http://brics.itamaraty.gov.br/ (date of access: 01.10.2018).

[468] Официальный сайт председательства Российской Федерации в БРИКС (2015-2016). URL: http://www.brics2015.ru/ (дата обращения: 01.10.2018).

[469] Official site of Indian Chairmanship in BRICS (2016). URL: http://brics2016.gov.in/ (date of access: 01.10.2018).

[470] Official site of Chinese Chairmanship in BRICS (2017). URL: https://brics2017.org/English/ (date of access: 01.10.2018).

[471] См., например, раздел Центра исследований международных институтов (подраздел «Документы БРИКС») в составе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЦИМИ РАНХиГС) (URL: http://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/dokumenty-briks) или раздел «Официальные документы и встречи группы БРИКС» ("BRICS Official Documents and Meetings") на сайте Информационного центра БРИКС (BRICS Information Centre) при Торонтском университете (University of Toronto), Канада (URL: http://www.brics.utoronto.ca/docs/) (дата обращения: 01.10.2018).

рамках форума за 10 лет (начиная с первого российского председательства в группе БРИК) выросло на порядок. Если во время первого председательства России в БРИК в 2009-2010 гг. было проведено всего 9 многосторонних встреч с участием официальных лиц и представителей экспертного сообщества четырех стран[472], то на сегодняшний день стороны взаимодействуют более чем в ста различных форматах, большинство из которых носит ежегодный характер.

На регулярной основе проводятся встречи руководителей порядка тридцати министерств, национальных служб, агентств и прочих отраслевых ведомств, еще полтора десятка встреч организуются на уровне старших должностных лиц и специальных представителей по отдельным вопросам. Кроме того, систематически проходят заседания почти двух десятков постоянно действующих рабочих групп и комитетов по самым различным вопросам повестки дня. Также на постоянной основе функционируют многосторонние советы, сформированные для решения экономических задач, стоящих перед странами БРИКС (Совет управляющих Нового банка развития, Совет управляющих Пула условных валютных резервов БРИКС), налаживания экспертного диалога между партнерами по группе (Совет экспертных центров стран БРИКС) или борьбы с современными угрозами международной и национальной безопасности (Совет БРИКС по вопросам противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма).

Стремительными темпами сегодня развивается и диалог между гражданскими обществами пяти стран. «Второй трек» сотрудничества группы БРИКС выстраивается на полях Академического, Гражданского, Профсоюзного, Научного, Делового, Финансового и иных форумов. Стороны совместно учредили ежегодные Спортивные игры БРИКС, Кинофестиваль БРИКС, Молодежный и Глобальный университетский саммит БРИКС. Запущены перспективные и амбициозные проекты Сетевого университета БРИКС и Лиги университетов БРИКС, дан старт программам обмена мастерами народного промысла пяти стран и проводимым периодически конкурсам молодых ученых стран БРИКС. В числе

[472] Были проведены I саммит БРИК, две встречи министров финансов, две встречи министров иностранных дел, встреча руководителей антимонопольных ведомств и встреча высоких представителей, курирующих вопросы национальной безопасности, а также 1-й Академический форум БРИК.

последних инициатив – Торговая ярмарка, Туристический конвент, Фестиваль театральных школ и Фестиваль культур стран БРИКС.

Анализ предпосылок и истории становления и развития форума БРИКС, официальных документов, принятых по итогам саммитов «пятерки», а также сложившихся форматов многостороннего взаимодействия свидетельствует о том, что БРИКС за последние полтора десятилетия эволюционировал от умозрительной концепции, предложенной аналитиком «Голдман Сакс» Джимом О'Нилом для целей инвестирования, до реального межгосударственного объединения, заявившего о своих претензиях на мягкое, ненасильственное изменение системы глобального управления. Вместе с тем, совместные заявления лидеров стран БРИКС об исключительной глобальной роли данного многостороннего формата, зафиксированные на бумаге, еще не говорят о становлении БРИКС в качестве коллективного геополитического игрока и наличии у него реальной способности влиять на архитектуру существующего миропорядка.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных инструментов влияния группы БРИКС, необходимо, на наш взгляд, выделить факторы, способствующие и препятствующие интеграции пяти стран, а также конкретные основания их позиционирования в качестве центров силы современного мира.

2.2. Факторы интеграции и ресурсные основания международного влияния стран БРИКС

Основания, или источники, международного влияния стран БРИКС можно условно разделить на естественно-географические, социально-экономические и политические. Принципиальное отличие первой группы оснований влияния состоит в том, что при условии существования «пятерки» БРИКС в фактически установившихся национальных границах такие основания в краткосрочной перспективе подвержены незначительным изменениям и могут быть вызваны разве что разрешением или обострением существующих территориальных споров со странами-соседями. Кроме того, они в значительной степени определяют социально-экономические и политические источники влияния группы БРИКС на

мировой арене, создавая исторические предпосылки для формирования руководством пяти стран внутри- и внешнеполитического курса.

Группа естественно-географических оснований влияния стран БРИКС на мировые процессы включает в себя площадь занимаемой данными странами территории, а также расположенные на ее поверхности и в ее недрах природные ресурсы. Так, страны БРИКС суммарно занимают 29,5% мировой суши (см. Приложение 2). Важным показателем также считаем площадь земель сельскохозяйственного назначения (пахотных земель и пастбищ), приходящихся на пять стран и играющих важную роль в решении проблем продовольственной безопасности как на национальном, так и на международном уровне (за счет экспорта продуктов питания): на группу БРИКС приходится около 26,4% площади мировых сельхозугодий.

Страны «пятерки» обладают внушительными запасами природных ресурсов (в особенности Россия и ЮАР), что создает базу для выстраивания ими мощных национальных экономик. Бразилия богата бокситами, золотом, железными и урановыми рудами, гидроэнергетическими ресурсами, древесиной, марганцем, никелем, платиной, оловом, фосфатами и шельфовой нефтью. На территории России расположены обширные залежи полезных ископаемых (свыше 20% мировых запасов), включая огромные запасы природного газа, нефти, каменного угля, древесины, металлических и неметаллических руд, драгоценных и полудрагоценных камней и строительных материалов. Индия обладает достаточно большими запасами каменного угля, железной, марганцевой и титановой руд, бокситов, хромитов, алмазов, нефти, природного газа и известняка. Китай – мировой лидер по разведанным запасам каменного угля и гидроэнергетических ресурсов. Кроме того, в КНР имеются внушительные запасы сланцевого газа, нефти, железа, марганца, алюминиевой и оловянной руд, ртути, вольфрама, сурьмы и прочих полезных ископаемых, однако по большинству из них Китай существенно уступает России. Наконец, ЮАР чрезвычайно богата золотом, платиной, алмазами, железом, медью, никелем, оловом, ванадием, марганцем, хромом, каменным углем, фосфатами, ураном, природным газом.

Отдельно следует отметить позиции стран БРИКС в мире по запасам редкоземельных металлов (РЗМ), широко применяемых в наукоемких отраслях экономики. Страны «пятерки» входят в десятку мировых лидеров по разведанным запасам РЗМ (Китай – абсолютный лидер), однако в России в настоящее время ввиду климатических условий и особенностей рельефа добыча РЗМ (как и ряда других полезных ископаемых) не осуществляется. Также бесспорна чрезвычайная ценность лесных и водных ресурсов, расположенных на территории стран БРИКС. Так, Россия и Бразилия традиционно по праву считаются «легкими планеты» (см. Приложение 2), а «четверка» БРИК занимает ведущие позиции в мире по запасам пресной воды, что налагает на них большую ответственность в деле достижения устойчивого мирового развития[473].

Одно из ключевых социально-экономических оснований позиционирования стран БРИКС в качестве региональных и глобальных геополитических игроков составляет общая численность их населения: по оценкам Всемирного банка, на пять стран в 2016 году приходилось 41,8% населения планеты (около 3,1 млрд. человек). Такие цифры свидетельствуют как об обладании пятью странами внушительных трудовых ресурсов, так и о важной роли данных стран в решении проблемы бедности в мире для достижения устойчивого развития.

Кроме того, существенны размеры национальных экономик БРИКС: в 2017 году их вклад в мировой ВВП в текущих ценах составил 23,2%, а вклад в мировой ВВП по паритету покупательной способности национальных валют – и того больше (32,0%). При этом на группу БРИКС суммарно пришлось 45,9% мирового производства сельскохозяйственной продукции (из которых вклад Китая и Индии составил, соответственно, 30,2% и 11,1%), 29,6% производства промышленных товаров (из них 22,6% – за счет КНР) и около 16% мировой торговли (по объемам экспорта и импорта как товаров, так и услуг лидирует Китай) (см. Приложение 2).

Обратим внимание на то, что во второй декаде XXI века, в соответствии с официальной статистикой МВФ и Всемирного банка, произошло снижение

[473] См. подробнее: Панова В.В. БРИКС: проблемы взаимодействия и потенциал сотрудничества // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2013. № 1. С. 39–53.

темпов роста национальных экономик Китая, ЮАР, Бразилии и России (в последних двух странах до 2016 года включительно фиксировался и вовсе отрицательный прирост ВВП) (см. Приложение 3). Лишь Индия, отмечают аналитики, сохраняет высокую динамику роста экономики, что, впрочем, вызывает определенные сомнения. Тренд развития индийской экономики резко поменялся в 2015 году с введением новой методики расчета ВВП (по добавленной стоимости, а не расходам, как было до этого) и смены базисного финансового года с 2004/2005 на 2011/2012 (финансовый год в стране начинается в марте)[474]. Таким образом, на сегодняшний день совершенно точно нельзя утверждать, что межгосударственное объединение БРИКС представляет собой альянс локомотивов глобального экономического развития (именно это основание в 2001 году послужило причиной введения в деловой оборот акронима БРИКС).

Что касается относительных экспортных позиций «пятерки» в 2017 году, то можно отметить следующее[475]:

– продукция сельского хозяйства: Бразилия – 3 место в мире[476] (4,9% от мирового экспорта), Китай – 4 место (4,8%), Индия – 10 место (2,1%);

– пищевые продукты: Бразилия – 3 место (5%), Китай – 4 место (4,9%), Индия – 8 место (2,2%);

– топливо и продукция горнорудной промышленности: Россия – 2 место (7,4%), Китай – 9 место (2,4%);

– товары промышленного назначения: Китай – 2 место (17,9%);

– железо и сталь: Китай – 2 место (16,4%), Россия – 5 место (4,2%), Индия и Бразилия разделили 8-е и 9-е места (по 2,4%);

– химикаты: Китай – 3 место (6,8%), Индия – 8 место (2,0%);

– текстильная продукция: Китай – 1 место (37,2%), Индия – 3 место

---

[474] Лексютина Я.В. Лидерство в БРИКС: Прогнозы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 5. С. 27.

[475] Ниже представлены позиции стран БРИКС, входящих в десятку ведущих экспортеров мира по той или иной товарной группе.

[476] Несмотря на то, что Китай и Индия – лидеры в группе БРИКС по производству сельскохозяйственной продукции, в качестве ведущего экспортера как в целом товаров данной группы, так и пищевой продукции в частности выступает Бразилия, что объясняется ориентацией двух ведущих азиатских держав на емкий внутренний рынок, обусловленной большой численностью их населения и возросшими потребностями в продуктах питания.

(5,7%)[477].

Кроме того, страны-участницы форума БРИКС конкурентоспособны в области высоких технологий, что также служит основанием международного влияния «пятерки» и создает предпосылки для углубления сотрудничества друг с другом и третьими государствами, заинтересованными в переходе к пятому и шестому технологическим укладам. В международном разделении труда в части производства наукоемкой продукции за странами БРИКС закрепилась следующая специализация: Китай – производство вычислительной техники, аэрокосмической и фармацевтической продукции, коммуникационного оборудования; Россия – производство высокоточного научного и медицинского оборудования, ядерных реакторов, аэрокосмической продукции и коммуникационного оборудования; Бразилия специализируется на производстве коммуникационного оборудования, аэрокосмической и (в меньшей степени) фармацевтической продукции, Индия – фармацевтического и коммуникационного оборудования; ЮАР же пока находится на начальном этапе технологического развития и не имеет ярко выраженной специализации[478].

Можно обозначить конкурентные преимущества стран БРИКС и в международной торговле услугами. В аналитическом докладе эксперта Института внешней торговли Индии Р. Чанды «Развитие сотрудничества в области услуг между странами БРИКС»[479] приведен расчет сравнительных преимуществ каждой из пяти стран перед партнерами по объединению в части экспорта тех или иных видов услуг. Индийский специалист выделяет следующие группы услуг, по которым страны БРИКС выгодно отличаются друг от друга: Бразилия – деловые (особенно финансовые) и государственные услуги; Россия – транспортные и телекоммуникационные услуги, услуги в сфере культуры и отдыха, строительные услуги; Индия – компьютерные и телекоммуникационные услуги; Китай –

[477] World Trade Statistical Review 2018 (Pp. 120-144) // World Trade Organization [official site]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf (date of access: 01.10.2018).

[478] Антипова Е.А., Родионова И.А. Страны БРИКС на мировом рынке инноваций и высокотехнологичной продукции // Вестник БГУ. Серия 2: Химия. Биология. География. 2016. № 1. С. 78.

[479] Chanda R. Deepening Cooperation in Services among BRICS members. BRICS trade policies, institutions and areas of deepening cooperation // Centre for WTO Studies, Indian Institute of Foreign Trade. 2013. P. 209–309. URL: http://wtocentre.iift.ac.in/FA/Brics.pdf (date of access: 01.10.2018).

строительные, транспортные и туристические услуги, а также услуги, связанные с переработкой, маркировкой, упаковкой товаров, производимых в других странах; ЮАР – туристические услуги, финансовые услуги (в том числе связанные со страхованием), телекоммуникационные услуги. Отметим, что выводы Р. Чанды подтверждаются последним на момент написания диссертации обзором мировой торговли, представленным Всемирной торговой организацией[480].

Наконец, в числе источников международного влияния стран БРИКС часто выделяют их инвестиционный потенциал (имеем в виду исходящие прямые иностранные инвестиции пяти стран). Действительно, инвестиционная политика транснациональных корпораций группы БРИКС может оказывать влияние на экономические и даже политические процессы в третьих странах, выступая проводником национальных интересов (особенно актуален данный вопрос для Китая и России, где государство выступает мажоритарным владельцем акций в системообразующих национальных ТНК). Вместе с тем, не следует преувеличивать роль зарубежных инвестиций стран БРИКС, принимая во внимание исключительно официальные статистические данные, публикуемые, например, ЮНКТАД (см. Приложение 4). Так, на страны БРИКС в 2017 году приходилось 8,6% от мировых накопленных исходящих ПИИ (2,649 трлн. долл. США), осуществленных в трех формах: возведение иностранным инвестором предприятия «с нуля» (англ. “green field”); совместное предприятие (англ. “joint ventures”); международные сделки слияний и поглощений (англ. “cross-border mergers and acquisitions deals cross-border mergers and acquisitions deals”). В международной финансовой статистике при этом отдельно учитываются ПИИ специальных административных районов Китая – Макао и Гонконга, а также провинции Тайвань. Доля Макао в мировых исходящих накопленных ПИИ в 2017 году была несущественна (около 0,01%), а вот на Гонконг и Тайвань приходилось, соответственно, 5,9% и 1,0%. Таким образом, с учетом исходящих ПИИ Гонконга

[480] World Trade Statistical Review 2018 (Pp. 145-162) // World Trade Organization [official site]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf (date of access: 01.10.2018); см. также справочную информацию о классификации услуг по методологии ООН: Compilation of individual service categories. URL: https://unstats.un.org/wiki/display/M2CG/B.++%09Compilation+of+individual+service+categories (date of access: 01.10.2018).

и Тайваня страны БРИКС в 2017 году направили за рубеж около 15,5% от общего объема мировых инвестиций.

Вместе с тем, официальная статистика ПИИ не позволяет обрисовать реальную картину инвестиционного взаимодействия группы БРИКС. Лишь отчасти это обусловлено сложностью учета прямых иностранных инвестиций национальными статистическими ведомствами. Наиболее весомый фактор искажения действительности, искусственно завышающий значимость исходящих ПИИ пяти стран, – активное использование их инвесторами транзита финансового капитала через офшорные юрисдикции, предоставляющие льготные налоговые режимы и иные комфортные для предпринимателей условия ведения бизнеса. Как отмечает отечественный исследователь вопроса Б.А. Хейфец, на офшоры в странах БРИКС приходится не менее половины накопленных исходящих ПИИ[481]. Для Китая главный офшор – специальный административный район КНР Гонконг, а также – в гораздо меньшей степени – Каймановы острова и Британские Виргинские острова; для Индии роль офшорной юрисдикции играют Маврикий и Нидерланды; для России – Кипр, Нидерланды и Британские Виргинские острова. Бразилия активно использует Нидерланды, Австрию, Каймановы и Британские Виргинские острова для вывода и реинвестирования финансового капитала. Меньше всего среди пяти стран использует возможности офшоров ЮАР: порядка 40–50% от объема исходящих ПИИ выводится за рубеж для легализации и вливания в национальную экономику. Объясняется это большей прозрачностью трансграничных финансовых операций, а также тем, что Южно-Африканская Республика сама выполняет функции офшора для некоторых стран.

Политические основания влияния стран БРИКС на международные отношения и мировую политику обусловлены, в первую очередь, наличием у пяти стран реального суверенитета, определяемого как независимость в отправлении внутренней и внешней политики. Так, доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве России Г.В. Мирзаян говорит о том, что «страны [БРИКС] объединены наличием у них полного суверенитета,

[481] Хейфец Б.А. Инвестиционный разворот БРИКС // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 23–24.

стремлением этот суверенитет поддерживать и нежеланием подрывать суверенитет других»[482].

Кроме того, международное влияние стран БРИКС определяется их принадлежностью к числу космических держав, а трех из них: России, Индии и Китая – и к «ядерному клубу»[483]. Вдобавок, Россия и Китай в 2013-2017 годах входили в пятерку мировых лидеров по экспорту традиционных вооружений: первое место занимали США с долей мирового экспорта, равной 34%, второе – Россия с 22%, третье – Франция с 6,7%, а четвертое и пятое места с минимальным разрывом заняли Германия и Китай (на их долю приходилось, соответственно, 5,8% и 5,7% мирового экспорта вооружений)[484]. Трансграничная торговля оружием является крайне политизированным инструментом выстраивания международных отношений и оказания влияния на мировой арене, а в отдельных случаях – и жесткого силового давления на импортеров оружия, их сателлитов или, напротив, геополитических соперников.

Наконец, к числу политических оснований позиционирования стран БРИКС в качестве центров силы современного мира можно отнести участие «пятерки» в международных правительственных организациях и иных политических институтах регионального и глобального значения. Не считая членства Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР в основополагающих многосторонних институтах с большим числом участников (ООН и ее специализированных учреждениях, МВФ, ВТО и пр.), пять стран являются достаточно влиятельными участницами целого ряда международных организаций и интеграционных объединений.

Бразилия входит в Союз южноамериканских наций (УНАСУР), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), Содружество португалоязычных стран, Латиноамериканскую ассоциацию интеграции (ЛАИ), Организацию

---

[482] Мирзаян Г.В. Падение мирового гегемона: как страны БРИКС заменят Соединенные Штаты // РИА Новости (03.09.2017). URL: https://ria.ru/analytics/20170903/1501640909.html (дата обращения: 01.10.2018).

[483] Наиболее актуальные сведения о ядерном потенциале России, Китая и Индии содержатся в аналитическом докладе Стокгольмского института исследования проблем мира: SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security (Chapter 6: World Nuclear Forces) // SIPRI Official site. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRIYB18c06.pdf (date of access: 01.10.2018).

[484] SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security (Summary), p. 8 // SIPRI Official site. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-06/yb_18_summary_en_0.pdf (date of access: 01.10.2018).

американских государств (ОАГ). Страна также участвует в «Группе 77», Группе ядерных поставщиков (ГЯП), Договоре о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолько) и является наблюдателем в Движении неприсоединения.

Китай – постоянный член Совета Безопасности ООН, действительный член форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Саммита стран Восточной Азии, ГЯП, «Группы 77», Комитета Цангера[485], Регионального форума Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности (АРФ), а также партнер по диалогу АСЕАН+3 и наблюдатель в Арктическом совете.

Индия имеет статус полноценного члена в Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК), БИМСТЕК, «Группе 77», Движении неприсоединения, ШОС, СВМДА, Саммите стран Восточной Азии, АРФ. Страна также вовлечена в работу Арктического совета (на правах наблюдателя) и является партнером по диалогу АСЕАН+6.

Россия является постоянным членом Совбеза ООН, участницей Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Содружества независимых государств (СНГ), ШОС, АТЭС, Арктического совета, Саммита стран Восточной Азии, Агентства по ядерной энергии (АЯЭ), ГЯП, АРФ, СВМДА, Комитета Цангера, а также партнером по диалогу с АСЕАН.

ЮАР – действительный член Африканского союза, Сообщества развития Юга Африки (САДК), Южноафриканского таможенного союза, «Группы 77», ГЯП, Движения неприсоединения, Комитета Цангера.

Кроме того, каждая из стран БРИКС представлена в «Группе двадцати» и нескольких многосторонних банках развития: все пять стран являются членами Международного банка реконструкции и развития (МБРР), Нового банка развития

[485] Комитет Цангера – неформальная организация, созданная в 1971 году в целях реализации ст. III.2 ДНЯО, в соответствии с которой каждая страна-участница договора принимала на себя обязательство не предоставлять ядерное оборудование и материалы любому другому государству при отсутствии гарантий со стороны МАГАТЭ.

(созданного на платформе БРИКС), Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), причем Китай, Индия и Россия – крупнейшие по доле голосов участники последнего. Бразилия также имеет членство в Межамериканском банке развития (МАБР), Карибском банке развития (КБР) и Африканском банке развития (АфБР). Китай – участник Азиатского банка развития (АБР), кредитор в Европейском банке реконструкции и развития (ЕБРР), а также нерегиональный член АфБР, КБР и МАБР. Индия является действительным членом АБР и нерегиональным членом АфБР; Россия – член ЕБРР, Евразийского банка развития (ЕАБР) и Черноморского банка торговли и развития; ЮАР – участница АфБР.

Указанные выше естественно-географические, социально-экономические и международно-политические факторы влияния стран БРИКС на мировые процессы позволяют утверждать, что члены данного межгосударственного объединения способны играть роль центров силы меняющегося мира и формировать повестку дня по вопросам глобального развития. Как следует из официальных документов, принятых по итогам саммитов БРИКС на высшем уровне, «пятерка» стран выступает единым фронтом в попытках найти адекватные, своевременные ответы на вызовы современности и повысить представительство развивающихся стран в институтах глобального управления. Вместе с тем, отметим, что в рамках БРИКС одновременно действуют как центростремительные, так и центробежные силы, влияющие на выработку пятью странами общих позиций и артикуляцию интересов на международной арене.

Ключевым фактором интеграции группы БРИКС служит, конечно, общее понимание участниками форума необходимости объединения усилий для противодействия кризисным явлениям, имеющим место в международной политической и экономической жизни, смягчения их последствий и ненасильственного реформирования ключевых многосторонних институтов. БРИКС как геополитический феномен и межгосударственное объединение стал реакцией пяти развивающихся стран на мировой финансовый и продовольственный кризисы 2007-2009 годов, серию военных интервенций, возглавляемых некоторыми государствами «клубного формата» G8 (в первую очередь в Ливии в 2011 году), а

также неудовлетворительную работу ряда многосторонних правительственных институтов, таких как Совет Безопасности ООН, МВФ, Всемирный банк и ВТО.

Дж. Киртон, доктор политических наук из Университета Торонто (Канада), изучающий деятельность форматов «Группы семи» и «Группы двадцати», в качестве интегрирующего фактора БРИКС выделяет, кроме того, контролируемое членство в указанном объединении[486]. БРИКС представляет собой достаточно компактную площадку для межгосударственного взаимодействия, и поскольку все решения «пятерки» принимаются консенсусом, а не большинством голосов (не принимаем во внимание систему голосования в финансовых институтах БРИКС, о которых будет сказано ниже), все пять стран осознают свою полную ответственность за каждое принятое решение.

Третьим мотивом сближения государств-членов БРИКС является наличие у них общих геополитических интересов[487]. Анализ официальных документов БРИКС, а также работ некоторых отечественных исследователей[488] позволяет выделить следующие стратегические геополитические интересы членов БРИКС: общая заинтересованность в изменении институциональных основ мировой политики и экономики с целью вовлечения как развитых, так и развивающихся стран в формирование мировой повестки дня на паритетных началах, сохранение ведущей роли ООН как гаранта международной безопасности и стабильности, разделяемые странами взгляды на глобальные вызовы современности (международный терроризм, наркоторговля, информационная безопасность,

---

[486] Киртон Дж. Анализ причин успешности саммитов БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 18–20.

[487] Геополитические интересы – «составная часть национальных интересов, которые можно определить как желание и намерение страны, побуждающие её добиваться решения существующей внешнеполитической проблемы глобального или регионального уровня и определяющие цели её внешней политики» (см. Леонова О. Г. БРИКС – конфликт или консенсус геополитических интересов? // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3, № 5 (65). С. 8).

Национальные интересы – «осознанные жизненные потребности народа, выступающие в качестве побудительных причин внутри- и внешнеполитической деятельности государства» (Леонова О.Г., там же). Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, (см. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «Собрание законодательства РФ», 04.01.2016, N 1 (часть II), ст. 212), «национальные интересы Российской Федерации – объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития».

[488] Толорая Г.Д. БРИКС – союз реформаторов // БРИКС: сотрудничество в целях развития. Образование. Наука. Бизнес: материалы V междунар. науч. конф., 4 июня 2015 г. М.: РУДН, 2016. С. 5-9; Ардзинба И.Б. Единство и различия в интересах стран – членов группы БРИКС // Государственная служба. 2014. № 2 (88). С. 91–96; Уянаев С.В. Сотрудничество в формате БРИКС в контексте основных тенденций современного мира // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2011. Т. 16 № 16. С. 44–74.

неконтролируемая миграция, морское пиратство и разбой), злободневность ряда региональных проблем для стран БРИКС (в частности, Афганистана, КНДР), приверженность идеям примата международного права и исключительно мирного, дипломатического урегулирования региональных и локальных конфликтов, кооперация в деле социально-экономической модернизации общества, извлечение максимальных выгод от взаимодополняемости национальных экономик стран БРИКС. Также отмечается наличие у «пятерки» общего «сверхинтереса» – твердой решимости проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику[489].

Безусловно, мотивация участия пяти стран в БРИКС не ограничивается указанными выше интересами: их перечень может быть детализирован и дополнен интересами, связанными с обеспечением совместного устойчивого развития, нераспространением оружия массового поражения, активизацией сотрудничества в отдельных макрорегионах мира (так, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова О.Г. Леонова выделяет 12 общих геополитических интересов БРИКС[490]). Так или иначе, обрамляет все стратегические интересы пяти стран их стремление содействовать становлению более демократичного и справедливого полицентричного мира, в котором каждая страна имела бы право и реальную возможность волеизъявления по вопросам глобального развития и совместного общежития, а также возможность ведения независимого политического курса.

Из общих геополитических интересов «пятерки» проистекает еще один фактор интеграции форума БРИКС – стремление каждой страны задействовать потенциал объединения для решения задач национального развития, укрепления двусторонних отношений с партнерами по группе, а также увеличения собственного веса в международных делах: в рамках отдельного макрорегиона, что характерно для Индии, ЮАР и Бразилии, либо в глобальных масштабах, если речь идет о России и Китае. Отечественный исследователь вопроса Г.А. Дробот отмечает, что «практически у всех стран БРИКС есть проблема несоответствия

[489] БРИКС: Глобальные проблемы от Форталезы к Уфе (материалы круглого стола) // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 2 (113). С. 102–103.

[490] Леонова О. Г. БРИКС – конфликт или консенсус геополитических интересов? // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3, № 5 (65). С. 8-9.

реального статуса и своей значимости в глазах других стран»[491].

Кроме того, страны-участницы БРИКС, особенно КНР, заинтересованы в использовании данного формата для собственной экономической экспансии в регионах Африки, Латинской Америки, Центральной и Юго-Восточной Азии, богатых природными ресурсами и нуждающихся в инвестициях. Реализация подобной стратегии стала возможной благодаря оформлению механизмов «аутрич» и «БРИКС+» на полях саммитов БРИКС. Немаловажным является то, что каждая из стран адекватно оценивает ресурсы партнеров по БРИКС, их действительное и перспективное влияние в качестве центров притяжения для других стран в своих макрорегионах, признает и по крайней мере формально поддерживает их притязания на большее представительство в архитектуре глобального управления.

Многие отечественные авторы, исследовавшие вопросы торгово-инвестиционного сотрудничества БРИКС в последние годы, склонны выделять в качестве еще одного мотива сближения пяти стран взаимодополняемость их экономик. Большинство зарубежных исследователей, не являющихся резидентами стран БРИКС или стран, претендующих на членство в объединении, а также некоторые отечественные авторы[492] настроены менее оптимистично в данном отношении и заявляют о том, что степень взаимодополняемости торговых потоков в рамках группы можно считать средней или ниже средней. Мы вынуждены согласиться с подобными оценками: даже поверхностный количественный анализ данных о двусторонней и многосторонней торговле в рамках БРИКС, опубликованных статистическим подразделением ООН в 2018 году[493], проведенный с учетом объективных ограничений[494], накладываемых на исследователя, позволяет сделать вывод о невысокой степени

---

[491] Дробот Г.А. БРИКС как международно-политическое пространство // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2015. № 3–4. С. 37.

[492] Там же, С. 33.

[493] International trade in goods and services based on UN Comtrade data. URL: https://comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis/?type=C&year=2016&flow=2 (date of access: 01.10.2018).

[494] Наиболее полный перечень таких ограничений, искажающих реальное состояние международной торговли, приведен на официальном сайте статического подразделения ООН (United Nations Statistical Division). См.: About the [trade] data (URL: https://comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis/pages/about.html); Bilateral asymmetries in trade data (URL: https://unstats.un.org/unsd/tradekb/Knowledgebase/50657/Bilateral-asymmetries) (date of access: 01.10.2018).

взаимодополняемости национальных экономик стран БРИКС: индекс взаимодополняемости торговли (ИВТ)[495] составляет порядка 0,4-0,5 при максимальном значении, равном 1,0. При этом на протяжении последних полутора десятилетий у Бразилии наблюдался рост индекса комплементарности торговли с Китаем при одновременном снижении индекса с другими членами «пятерки». ИВТ Китая с Индией, ЮАР, Россией и Бразилией рос в наибольшей степени за счет двух последних стран. Индия планомерно увеличивала ИВТ в торговых потоках со всеми странами группы, кроме КНР; Россия демонстрировала позитивную динамику в торговле с Китаем и Индией, в то время как ИВТ с ЮАР и Бразилией медленно снижался. Южно-Африканская Республика же характеризуется сравнительно более высокой комплементарностью товарных потоков с Индией и Китаем, нежели с Бразилией и Россией.

Еще один статистический показатель, отражающий действительные и перспективные выгоды от международной торговли, – взаимозаменяемость, или конкурентный потенциал, товарных потоков двух или более стран. Аналитики Центра исследований ВТО Индийского института внешней торговли выделили всего десять товарных позиций (преимущественно представляющих продукцию химической или горнорудной промышленности с низким или средним уровнем технологичности), по которым «пятерка» БРИКС могла бы извлечь выгоды в результате усиления конкуренции при торговле на рынках третьих стран[496].

Отметим, однако, что в отдельных отраслях экономики наблюдается и комплементарность экспортных потоков БРИКС, основанная на специализации пяти стран на поставках за рубеж различных товаров, входящих в одну товарную группу. К таким товарным группам относятся продукция пищевой промышленности (в частности, производство растительных масел), химической промышленности,

[495] Индекс взаимодополняемости торговли (ИВТ, англ. Trade Complementarity Index) между странами k и j вычисляется по формуле: TCij = 100(1 – ∑(|mik – xij| / 2)), где: xij – доля товара i в общем экспорте страны j, mik – доля товара i в общем импорте страны k. ИВТ равен 0, если внешняя торговля между странами не осуществляется. ИВТ равен 1,0, если структура экспорта одной страны в точности соответствует структуре импорта другой страны. Источник: World Integrated Trade Solution (база данных Группы Всемирного банка). URL: http://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/Utilities/e1.trade_indicators.htm (дата обращения: 01.10.2018).

[496] BRICS trade policies, institutions and areas of deepening cooperation // Centre for WTO Studies. URL: http://wtocentre.iift.ac.in/FA/Brics.pdf (date of access: 01.10.2018).

металлургии, а также производство различных пластмасс[497]. Члены БРИКС имеют возможность интенсифицировать технологическую кооперацию при производстве товаров указанных групп и получить дополнительные выгоды от международной торговли без нанесения экономического ущерба друг другу.

Очевидно, средний уровень комплементарности внешнеторговых потоков сужает коридор возможностей для стран БРИКС в части наращивания объемов и расширения номенклатуры взаимного товарооборота. Вместе с тем, существующие проблемы торгового сотрудничества пяти стран, связанные, главным образом, с дисбалансом и асимметричностью товарных потоков с основным контрагентом внутри объединения – КНР, накладывают негативный отпечаток на развитие торговли внутри объединения и способствуют закреплению традиционной специализации пяти стран в международном разделении труда, а не диверсификации их экономик. Дисбаланс торговых потоков БРИКС заключается в наличии серьезных дефицитов торгового баланса, которые обнаруживаются при рассмотрении двусторонней торговли некоторых стран-участниц объединения (особенно в паре Индия – Китай, см. Приложение 5). Асимметрия же товарных потоков БРИКС кроется в том, что Китай продолжает выступать для партнеров по группе в качестве ключевого поставщика готовой продукции среднего уровня технологичности, одновременно закупая у них в огромных объемах товары низкой степени переработки, в том числе энергоносители и сельскохозяйственную продукцию, и способствуя сохранению ими роли источников сырья для растущего экономического гиганта.

В числе прочих факторов, препятствующих развитию взаимовыгодной международной торговли и переходу от простого товарообмена к многопрофильному инвестиционно-промышленному взаимодействию на пространстве БРИКС, по мнению отечественных исследователей[498], выделяются

[497] Приводится по: Шарова Е.А. Взаимная торговля стран БРИКС на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2 (35). С. 160.

[498] Гусарова С.А. Механизмы торгово-инвестиционного сотрудничества стран БРИКС // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-1 (65-1). С. 54; Арапова Е.Я., Чкония А.-М.Е. Торговый потенциал БРИКС: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 7 (340). С. 157-158; Арапова Е.Я. Перспективы экономической интеграции в формате БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. Т. 2016. № 2. С. 45.

следующие:

– отсутствие между пятью странами полноценных соглашений об экономической интеграции в форме, например, зон свободной торговли при одновременном ускоренном развитии интеграционных процессов в рамках региональных объединений (Бразилия, как отмечалось выше, является членом МЕРКОСУР, Россия – ЕАЭС, Индия – СААРК, Китай – ШОС и АСЕАН+3, ЮАР – ЮАТС и САДК[499]);

– высокие административные барьеры при осуществлении торговых операций;

– активное применение тарифных и нетарифных протекционистских мер в отношении стран-участниц объединения. Так, за период с 1 января 2009 года по 1 октября 2018 года Китай применил в отношении партнеров по группе БРИКС 1070 протекционистских мер, Индия – 488 мер, Бразилия – 470 мер, ЮАР – 442 меры, Россия – 358 мер[500];

– высокая протяженность торговых путей, необходимость транзита товаров через территории третьих стран;

– расхождение позиций стран по вопросам обеспечения продовольственной безопасности: Индия, в отличие от партнеров по БРИКС, выступает за разрешение государственных закупок сельхозпродукции у граждан по фиксированным ценам;

– особая позиция КНР по вопросу торговли несельскохозяйственными товарами: Китай выступает за снижение тарифов на импорт такой продукции, в то время как другие страны проводят линию на сохранение текущей ситуации;

– несовпадение позиций «пятерки» БРИКС в отношении цен на сырьевые товары, в частности энергоносители: Россия, Бразилия и ЮАР, выступая

---

[499] В настоящее время некоторыми странами БРИКС заключены соглашения о преференциальной торговле с интеграционными экономическими объединениями, в которых участвуют партнеры по форуму, либо заключены соглашения между двумя такими интеграционными союзами. См. подробнее: Participation in Regional Trade Agreements // World Trade Organization [Official site].
URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/rta_participation_map_e.htm (date of access: 01.10.2018).

[500] Global Trade Alert (Independent Monitoring of Policies that Affect World Commerce). URL: https://www.globaltradealert.org/country/28,42,95,173,195/affected-jurisdictions_28,42,95,173,195/period-from_20090101/period-to_20181001 (date of access: 01.10.2018).

поставщиками природных ресурсов на глобальном рынке, заинтересованы в высоких ценах на них; Китай и Индия, будучи крупными импортерами энергоресурсов и прочего сырья, стремятся приобретать их по более низким ценам.

– проблемы, связанные с защитой прав интеллектуальной собственности и возникающие в ряде случаев при экспорте российского высокотехнологичного вооружения в Китай: последний в нарушение лицензий налаживает собственное производство военной продукции, совсем незначительно видоизменяя начинку конечного продукта.

Тем не менее, асимметричность и дисбалансы в международной торговле на пространстве БРИКС со временем сглаживаются ввиду нахождения сторонами новых точек соприкосновения (в частности, в сфере высоких технологий), постепенного устранения торговых барьеров, применяемых для защиты внутренних рынков от более конкурентоспособной иностранной продукции и поддержки национальных производителей, а также планомерного наращивания объемов двусторонней торговли, не включающей Китай в качестве одной из сторон. Таким образом, текущую степень взаимодополняемости торговых потоков стран БРИКС нельзя однозначно рассматривать в качестве одной из центростремительных сил в рамках объединения, однако она способна стать таковой в краткосрочной либо среднесрочной перспективе при усилении технологической кооперации между пятью государствами.

Среди факторов дезинтеграции БРИКС на современном этапе развития объединения можно, прежде всего, выделить расхождение позиций членов по некоторым существенным вопросам глобального значения. Отечественные исследователи И.В. Ильин, О.Г. Леонова, О.А. Алексеенко говорят о несовпадении мнений стран БРИКС по трем вопросам: реформа Совета Безопасности ООН, изменение климата и обладание ядерным оружием[501].

Первый аспект данной проблемы заключается в формальной поддержке действительными постоянными членами Совбеза ООН – Россией и Китаем –

[501] Ильин И.В., Леонова О.Г., Алексеенко О.А. БРИКС как общий знаменатель стратегических приоритетов // Международная жизнь. 2016. № 8. С. 124.

притязаний Индии, ЮАР и Бразилии на аналогичный статус в данном органе ООН, сочетающейся с отсутствием реальных усилий по реформированию Совбеза ООН и, очевидно, нежеланием прилагать такие усилия в обозримом будущем. Меньше всех среди пяти стран в данной реформе заинтересован Китай: обретение Бразилией или Индией постоянного членства в Совете Безопасности ООН может стать прецедентом для увеличения числа постоянных членов за счет Японии, с которой у Китая сложились недружественные отношения, которые к тому же обострились в 2012 году в связи территориальными притязаниями обеих сторон на архипелаг Дяоюйдао (яп. Сенкаку) в Восточно-Китайском море. Кроме того, в августе 2017 года в очередную фазу острого конфликта вступили китайско-индийские отношения, вследствие чего принятие Индии в состав постоянных членов Совбеза ООН может существенно затруднить согласование позиций стран в данном органе и своевременную выработку им решений.

Второй проблемный аспект – несовпадение позиций членов БРИКС по проблеме изменения климата. Российская Федерация склонна разделять подход развитых стран к глобальному потеплению, заявляющих о дифференцированной ответственности за процесс изменения климата передовых наукоемких экономик мира, с одной стороны, и развивающихся стран мира, а также стран с формирующимися рынками – с другой. Россия – единственная страна БРИКС, не ратифицировавшая на данный момент Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата, принятое в декабре 2015 года взамен Киотского протокола. Остальные страны – участницы БРИКС заявляют о равной ответственности всех государств за глобальное потепление и даже создали в 2009 году многосторонний диалоговый формат BASIC (по первым буквам названия четырех стран) для формулирования и продвижения на мировой арене общего видения по проблеме изменения климата.

Третий камень преткновения «пятерки» БРИКС – вопрос обладания странами ядерным оружием. К «ядерному клубу» в настоящее время принадлежат три из пяти стран БРИКС: Россия, Китай и Индия – а Бразилия и ЮАР добровольно свернули ядерные программы в 1990-е годы. При этом из пяти стран только

Индия не участвует в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Китай и Индия отрицательно относятся к предложениям партнеров по БРИКС относительно ядерного разоружения, а Россия на сегодняшний день не готова в одностороннем порядке отказаться от обладания ядерным оружием, поскольку рассматривает его как инструмент сдерживания агрессии стран Запада (в первую очередь, конечно, США) в условиях геополитической конфронтации с ними.

К числу иных факторов, обусловливающих центробежные тенденции в рамках БРИКС, зачастую относят цивилизационно-культурную (в том числе религиозную) разнородность пяти стран, колоссальные различия в их политико-экономических моделях и правовых системах, существующий географический разрыв между участниками объединения. Мы, однако, полагаем, что приведенные выше различия не оказывают однозначно деструктивное влияние на формат БРИКС. Действительно, большие расстояния и существующие водоразделы между Бразилией, ЮАР и треугольником РИК, затрудняют налаживание между ними торговых связей. Однако этот же фактор определяет отсутствие территориальных споров между державами, расположенными на разных континентах (чего нельзя сказать об отношениях Индии и Китая, а также отношениях России и Китая до 2005 года, когда была проведена демаркация их общей границы). Прочие различия между членами БРИКС объективно способны выступать в качестве сил, дестабилизирующих многостороннее сотрудничество «пятерки», однако, благодаря ориентации группы на выстраивание полицентричного мира и совместное устойчивое развитие в духе уважения к цивилизационным и политико-экономическим особенностям друг друга, сторонам пока удается нивелировать негативный потенциал таких различий.

Ускоренному развитию форума БРИКС мешает, на наш взгляд, тот факт, что данный геополитический проект не является приоритетным ни для одной из пяти стран (достаточно вспомнить их участие в региональных интеграционных объединениях), хотя политико-экономическое значение данного формата для России в условиях обострения отношений с Западом определенно выше, нежели для других членов форума.

Процесс углубления многостороннего сотрудничества на полях БРИКС также в определенной степени тормозится ввиду экономического соперничества стран в отдельных макрорегионах мира. Так, за влияние в Южной Азии борются Китай и Индия: широко известной китайской инициативе «Одного пояса – одного пути», выдвинутой в 2013 году и предполагающей в том числе создание Морского Шелкового пути XXI века, Индия совместно с Японией противопоставляет проект под названием Азиатско-Африканский коридор роста (предложен в ноябре 2016 года)[502]. В Центральной Азии пересекаются экономические интересы Китая и России, в Латинской Америке – «четверки» БРИК, в Африке – всех пяти стран. Особенно сильное беспокойство у участников объединения вызывает стремительная экспансия КНР в регионах, где остальные четыре страны традиционно выступают в качестве центров притяжения для государств-соседей: Россия стремится не допустить чрезмерного усиления позиций Китая в Центральной Азии, Бразилия – в Латинской Америке, ЮАР – в Африке к югу от Сахары, Индия – в Южной Азии.

Наконец, сильное дестабилизирующее воздействие на развитие формата БРИКС, препятствующее расширению политической повестки дня объединения, оказывают существующие проблемы в двусторонних отношениях пяти стран. Наиболее серьезные противоречия на сегодняшний день имеются в китайско-индийских отношениях: помимо существенного перекоса торговых связей двух стран в пользу КНР (по данным таможенных органов Индии, торговый дефицит последней составил в 2017 году 59,4 млрд. долл. США, а по данным китайской таможни – около 51,7 млрд. долл. США, см. Приложение 5), стоит отметить неурегулированный пограничный спор, предметом которого являются фактически контролируемый Китаем регион Аксай Чина, контролируемый Индией штат Аруначал Прадеш, а также чуть было не ставшее в августе 2017 года причиной очередного вооруженного конфликта плато Доклам на границе Индии, Бутана и Китая, находящееся под фактическим управлением Бутана. Кроме того, большую напряженность китайско-индийским отношениям придают сохраняющаяся

[502] Мануков С. У китайского «Шелкового пути» появился конкурент // «Expert Online» 2017. URL: http://expert.ru/2017/08/2/u-kitajskogo-shelkovogo-puti-poyavitsya-konkurent/ (дата обращения: 01.10.2018).

тибетская проблема (пребывание Далай-ламы и тысяч тибетских беженцев на индийской территории), а также обеспокоенность со стороны обеих стран, вызванная упрочением отношений исторического геополитического соперника с третьими странами в регионе Южной Азии и мировыми центрами силы. Китай обеспокоен военно-техническим сотрудничеством Индии с США и Японией (стороны на систематической основе проводят военно-морские учения «Малабар»[503] и – с меньшей регулярностью – американо-индийские сухопутные маневры в непосредственной близости от китайско-индийской границы), а также влиянием, оказываемым страной на Бутан. Индия же крайне обеспокоена военно-техническим и экономическим сотрудничеством Поднебесной с Пакистаном (особенно в связи со строительством «Китайско-Пакистанского экономического коридора», который должен соединить Сянцзян-Уйгурский автономный район Китая с пакистанским портом Гвадар на берегу Индийского океана[504]), Мьянмой, Непалом и Бангладеш.

Менее серьезные противоречия существуют в отношениях России и Индии: наша страна озабочена военно-техническим сотрудничеством Индии с США, о чем говорилось выше, а Индия выражает открытый протест против совместных российско-пакистанских военных учений, проводимых с 2016 года, по заявлениям российской стороны, для противодействия международному терроризму в регионе[505]. Что касается проблем в отношениях других пар стран в рамках БРИКС, все они носят менее критичный характер и касаются в основном существующих дисбалансов в двусторонней торговле с Китаем.

Таким образом, консенсус пяти государств относительно общих принципов сосуществования и реформирования международной финансовой архитектуры сочетается в БРИКС с несогласованностью позиций стран по ряду вопросов, имеющих глобальное значение (реформа Совета Безопасности ООН, изменение

---

[503] Начались совместные военные учения США, Индии и Японии // ИА REGNUM (11.07.2017). URL: https://regnum.ru/news/2299477.html (дата обращения: 01.10.2018).

[504] Антипов К. Инвестиции КНР в Пакистан: результаты и перспективы // Российский совет по международным делам (17.07.2017). URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/investitsii-knr-v-pakistan-rezultaty-i-perspektivy/ (дата обращения: 01.10.2018).

[505] Россия и Пакистан проведут совместные военные учения // Русская служба “BBC” (23.09.2016) (URL: http://www.bbc.com/russian/news-37457709); Пакистан предложил России провести в 2017 году ряд совместных военных учений // Интерфакс (27.10.2016) (URL: http://www.interfax.ru/russia/534316) (дата обращения: 01.10.2018).

климата и ядерное разоружение), и противоречиями, существующими в двусторонних отношениях между отдельными государствами. И.Б. Ардзинба ёмко изложил формулу взаимодействия некоторых пар стран внутри БРИКС (особенно Китая и Индии): «сотрудничество по глобальным стратегическим вопросам – соперничество по региональным вопросам»[506].

Сформулируем основные выводы по итогам второй главы диссертации:

1. Появлением аббревиатуры БРИК в 2001 году мы обязаны аналитику инвестиционного банка “Goldman Sachs” Дж. О’Нилу, использовавшему данный акроним для обозначения четырех развивающихся стран с крупными экономиками и высокими темпами роста, в компании которых рекомендуется инвестировать финансовый капитал для извлечения максимальных выгод. Предтечами БРИК как диалогового формата четырех, а впоследствии пяти стран (после расширения форума до БРИКС) стали такие диалоговые площадки, как «тройка» Россия – Индия – Китай, а также форум ИБСА, объединивший Индию, Бразилию и ЮАР в стремлении налаживать многовекторное взаимодействие по линии «Юг – Юг». К 2006 году БРИК оформился как межгосударственное объединение с первыми механизмами сотрудничества на уровне профильных министерств «четверки».

2. За период с 2001 по 2018 год форум БРИК (позднее – БРИКС) претерпел серьезные изменения: в 2011 году «клубный формат» был расширен до пяти членов с принятием в состав Южно-Африканской Республики. По состоянию на октябрь 2018 года состоялось десять саммитов БРИК/БРИКС на уровне глав государств и правительств стран-участниц, причем на последних шести из них были проведены встречи на высшем уровне в расширенном составе (сложились форматы сотрудничества «аутрич» и «БРИКС+»). Сегодня БРИКС представляет собой платформу многосторонней кооперации по нескольким десяткам направлений, осуществляемой в рамках почти ста форматов правительственного и гражданского взаимодействия. Стороны смогли согласовать позиции по широкому кругу вопросов глобального, регионального и национального значения,

[506] Ардзинба И.Б. Единство и различия в интересах стран – членов группы БРИКС // Государственная служба. 2014. № 2 (88). С. 96.

составляющих политическую, социально-экономическую, гуманитарную повестку дня объединения. Активный поиск новых точек соприкосновения пяти стран продолжается и в настоящее время.

3. Ресурсные основания международного влияния стран БРИКС и их позиционирования в качестве центров силы меняющегося мира можно условно разделить на три группы. Естественно-географические основания включают размер территории, занимаемой каждой из пяти стран, а также природные ресурсы (в том числе полезные ископаемые, лесные и водные ресурсы, редкоземельные металлы), которыми обладают члены БРИКС. Группу социально-экономических оснований влияния пяти стран на мировые процессы составляют численность населения государств БРИКС, размеры их экономик, конкурентные преимущества, связанные с лидерством в экспорте тех или иных товаров и услуг, а также (с некоторой долей условности) – потенциал членов БРИКС как источников прямых иностранных инвестиций. Политические основания международного влияния пяти стран включают обладание ими статуса по-настоящему суверенных государств, космических держав, тремя из них (Россией, Индией и Китаем) – статуса членов «ядерного клуба», а двумя (Россией и Китаем) – также статуса крупнейших поставщиков на мировом рынке вооружений. Кроме того, влияние стран БРИКС на мировую политику обеспечивается их участием в ряде межправительственных организаций и иных многосторонних политических институтов.

4. Факторами интеграции «пятерки» являются общее понимание странами необходимости объединения усилий для адекватного ответа на глобальные вызовы современности, преодоления кризисных явлений в мировой экономике и политике, а также мягкого реформирования ключевых институтов глобального управления (МВФ, Всемирного банка, ВТО, Совета Безопасности ООН); контролируемое членство в БРИКС; наличие у членов форума целого круга общих геополитических интересов; стремление использовать форум БРИКС для решения проблем национального развития, увеличения собственного веса в региональных и мировых делах, выстраивания взаимовыгодных двусторонних отношений с

партнерами по объединению, а также экономической экспансии в регионах Африки, Латинской Америки, Центральной и Южной Азии.

5. Факторами дезинтеграции БРИКС выступают существующие проблемы в двусторонней торговле между странами-участницами объединения (в том числе сравнительно невысокая степень взаимодополняемости их товарных потоков, дисбалансы и асимметрия двусторонней торговли членов БРИКС с Китаем); политические проблемы двусторонних отношений (особенно в паре Индия – Китай); несовпадающие взгляды на отдельные вопросы глобального значения (реформа Совета Безопасности ООН, изменение климата, ядерное разоружение); экономическое соперничество в макрорегионах мира; географический разрыв между странами, их цивилизационно-культурная и политико-экономическая разнородность (с большой долей условности).

Во второй главе диссертации был изучен процесс становления и развития межгосударственного объединения БРИКС с его создания в 2006 году до настоящего времени. Автором выделены источники международного влияния каждой из пяти стран, а также факторы, определяющие центростремительные и центробежные силы внутри БРИКС. Преобладание центростремительных сил позволяет рассматривать БРИКС как долгоиграющий геополитический проект, еще не в полной мере заявивший о себе на мировой арене. В третьей главе диссертации будут рассмотрены инструменты совместного политического, экономического и социально-гуманитарного влияния группы БРИКС на мировую политику, составляющие, по нашему мнению, стратегический потенциал «пятерки», способный оказывать мощное каталитическое воздействие на трансформацию существующего мирового порядка.

Глава III. БРИКС – коллективный игрок на международной арене: инструменты влияния группы на мировую политику

3.1. Политический вектор сотрудничества БРИКС как ответ на глобальные вызовы современности

В основе анализа инструментов международного влияния группы БРИКС по нашему определению лежит типология ресурсных оснований внешнеполитического влияния субъектов международных отношений и мировой политики, которой придерживаются многие современные исследователи. Так, М.М. Лебедева говорит о сосуществовании трех значительных ресурсных областей: военно-политической, политико-экономической, а также социально-политической и гуманитарной – из которых геополитические игроки могут черпать ресурсы и трансформировать их в свое влияние на международной арене[507].

Сегодня мы наблюдаем процесс постепенно дробления некогда единого ресурсного комплекса, представлявшего собой сплав военно-политического, экономического и идеологического потенциалов наиболее мощных государств мира, определявших вектор мирового развития, на отдельные ресурсные составляющие. Если раньше ресурсы влияния были сосредоточены в руках великих держав (при этом держава обладала полным набором таких ресурсов при явном доминировании среди них военно-политического ресурса), то сегодня ресурсы распределяются между государственными и негосударственными акторами мировой политики, и последние только усиливают свое международное влияние. Кроме того, в свете теоретического развития и практической реализации концепции устойчивого развития, которая находит свое место в политическом курсе все большего числа стран мира, принципиально важное значение сегодня получают экономико-политический и социально-политический ресурсы. Из них с течением времени вычленяются и обретают собственную ценность образовательный, информационный, рекреационный и прочие ресурсы, благодаря чему многие государства, а также негосударственные институты и даже частные

[507] Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 100.

лица получили возможность заявить о себе на мировой арене.

Но, как справедливо отмечает профессор М.М. Лебедева, ресурсом мало обладать – нужно уметь им правильно воспользоваться[508]. Нереализованный ресурс есть лишь потенциал влияния актора мировой политики. Для того, чтобы ресурс трансформировался в международное влияние, необходимо эффективное использование его обладателем релевантных инструментов. Такие инструменты политического, экономического, социально-гуманитарного влияния мы и рассмотрим в настоящей главе. Начнем анализ с инструментов политического влияния, которые, конечно, обладают своей спецификой с учетом того, что мы рассматриваем БРИКС как коллективного игрока, не являющегося военным союзом, не имеющего общих вооруженных сил, территориальных границ и органов оперативного политико-административного управления.

Ученые-международники, изучавшие проблематику БРИКС, на сегодняшний день не пришли к единому мнению относительно того, с какого времени повестка дня форума пяти стран (или четырех, если мы говорим данном «клубном формате» до присоединения к нему Южно-Африканской Республики) приобрела выраженный политический окрас. Профессор Г.А. Дробот утверждает, что группа БРИК еще на раннем этапе своего становления приобрела черты категории мировой политики, отойдя на второй план в качестве категории исключительно экономико-статистического анализа. По мнению эксперта, группа БРИК «была сразу <…> принята в лоно мировой политики и обрела отчетливо выраженный политический, а отнюдь не экономический характер»[509].

Большинство авторов полагают, что включение международно-политических проблем в повестку дня объединения – процесс постепенный и пока еще не завершенный. Как правило, исследователи справедливо отмечают обсуждение лидерами стран БРИК/БРИКС уже на первых саммитах таких политических вопросов, как верховенство международного права и ведущая роль Совета Безопасности ООН как гаранта международной безопасности, борьба с

[508] Там же, с. 103.
[509] Дробот Г.А. БРИКС как международно-политическое пространство // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2015. № 3–4. С. 34.

терроризмом и прочими глобальными вызовами современности, урегулирование отдельных локальных конфликтов в различных регионах мира. Вместе с тем, высказываются мнения о стремительной политизации БРИКС в связи с политическим кризисом на Украине 2013-2014 гг., вступлением Российской Федерации в период затяжной конфронтации с Западом, введением против нашей страны политико-экономических санкций, а также проведением в российской Уфе очередного саммита БРИКС в 2015 году, сопряженного с саммитом Шанхайской организации сотрудничества. По оценкам руководителя Южноафриканского института международных отношений Э. Сидиропулос, политическая риторика в рамках БРИКС активизировалась как раз на Уфимском саммите БРИКС[510], а китайский эксперт Я. Цзинь утверждает, что фокус внимания пяти стран в этот момент сместился из экономической плоскости в геополитическую[511].

Принципиально важно отметить, что форум БРИКС играет различную роль для пяти стран с точки зрения реализации ими внешнеполитической стратегии. Так, например, Г.В. Торопчин указывает на существующий разрыв в данном отношении между Россией и остальными членами «пятерки»: российское руководство явно гораздо активнее стремится использовать потенциал БРИКС для обсуждения региональных политических проблем и урегулирования локальных конфликтов[512]. Китай, ЮАР и Бразилия уделяют политическим вопросам меньше внимания, а Индия является, наверное, наиболее политически отстраненной среди пяти стран. С нашей точки зрения, этому есть логичное объяснение: хотя Бразилия, ЮАР и Индия и претендуют на увеличение собственного веса в международных делах, они нацелены, в первую очередь на участие в делах своего макрорегиона, а потому меньше выступают с политическими инициативами, имеющими глобальное значение. Что касается КНР, то китайская администрация предпочитает добиваться реализации собственных национальных интересов с опорой на экономические

---

[510] Sidiropoulos E. BRICS Outcomes 2015: Strengthening political dimensions // SAIIA. URL: http://www.saiia.org.za/opinion-analysis/brics-outcomes-2015-strengthening-political-dimensions (date of access: 01.10.2018).

[511] Jin Y. Ufa summits sign of shift in Eurasian geopolitics // Global Times (August 7, 2015). URL: http://www.globaltimes.cn/content/930917.shtml (date of access: 01.10.2018).

[512] Торопчин Г.В. От Гоа до Сямэня. О некоторых аспектах политического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 180.

инструменты влияния (у Поднебесной для этого есть колоссальный потенциал), официально заявляя об отсутствии претензий на глобальное лидерство, чтобы не вызвать опасения, противодействие и, не исключаем, превентивную агрессию со стороны других геополитических игроков. Россия же в условиях противостояния с США и их партнерами использует все возможности для наращивания своей политической мощи и международного влияния.

Анализ текущей деятельности БРИКС, официальных документов, принятых в ходе председательств пяти стран в объединении в 2009-2018 гг., а также функционирующих в настоящее время межправительственных рабочих групп и прочих механизмов кооперации позволили нам выделить следующие основные направления политического взаимодействия, порождающие соответствующие инструменты влияния группы на мировые процессы:

– выработка совпадающих или, по меньшей мере, непротиворечивых позиций по широкому перечню политических проблем и артикуляция таких позиций через Совет Безопасности ООН и Генеральную Ассамблею ООН;

– проведение совместных военных учений, а также участие экспертов и вооруженных сил пяти стран в миротворческих миссиях ООН;

– тесное сотрудничество пяти стран в борьбе с глобальными вызовами и угрозами современного мира, такими как международный терроризм, морское пиратство и разбой, наркоторговля, угрозы информационной безопасности, неконтролируемые международные миграционные потоки и пр.

Несмотря на то, что на сегодняшний день страны-участницы БРИКС так и не продвинулись в деле реформирования Совета Безопасности ООН как основного гаранта международной безопасности (единственное, чего удалось достичь, – формальное признание сторонами необходимости осуществления такой реформы и принятия Индии, ЮАР и Бразилии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН), их взаимодействие в рамках ООН (голосование по резолюциям в Совете Безопасности ООН и на Генеральной Ассамблее ООН) свидетельствует о наличии у «пятерки» инструментов выражения общей политической воли и совместного, однонаправленного влияния на международные процессы. Наиболее важные

решения по вопросам глобальной повестки дня, имеющие обязывающий характер для всех стран-членов ООН, принимаются Советом Безопасности ООН[513]. Анализ резолюций, на которые Российской Федерацией было наложено вето в 2007-2018 гг., демонстрирует в преобладающем большинстве случаев поддержку позиции нашей страны партнерами по БРИКС (см. Приложение 6). Так, Россия использовала право вето 18 раз за последние 12 лет, и во всех случаях позиция Китая – одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН – либо совпадала с российской, либо не противоречила ей: Китай 8 раз голосовал против принятия резолюции и 10 раз воздержался при голосовании. Поддержка со стороны Индии, ЮАР и Бразилии при голосовании не столь однозначна: по отдельным вопросам позиции трех стран и России не противоречили друг другу, по другим же наблюдалось расхождение.

Отдельно следует упомянуть результаты голосования стран БРИКС по резолюциям, связанным с ситуацией в Ливии в 2011 году. По резолюции S/RES/1973 (2011)[514], санкционировавшей военное вмешательство иностранных государств в гражданскую войну на территории Ливии с целью предотвращения гуманитарной катастрофы и защиты мирного населения, воздержалась «четверка» БРИК (а также Германия), Южно-Африканская Республика же проголосовала «за»[515]. Дальнейшее развитие событий выявило неспособность Совбеза ООН противостоять агрессивному вмешательству военной коалиции НАТО в дела Ливии под предлогом защиты мирного населения, что в очередной подтвердило необходимость реформирования Совета Безопасности ООН. В октябре 2011 года все 15 стран-членов СБ ООН (в том «числе пятерка» БРИКС в полном составе) проголосовали за принятие резолюции S/RES/2016 (2011)[516], отменявшей действие

---

[513] Напротив, резолюции, принятые на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, в соответствии с Уставом ООН носят рекомендательный характер и не подлежат обязательному исполнению. См. главы IV и V Устава ООН (URL: http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-iv/index.html) (дата обращения: 01.10.2018).

[514] Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности ООН на 6498-м заседании 17 марта 2011 года. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement (дата обращения: 01.10.2018).

[515] Отчет о голосовании Совета Безопасности ООН по проекту резолюции S/RES/1973 (2011). URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N11/267/20/PDF/N1126720.pdf?OpenElement (дата обращения: 01.10.2018).

[516] Резолюция 2016 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6640-м заседании 27 октября 2011 года. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/567/12/PDF/N1156712.pdf?OpenElement; Отчет о голосовании Совета Безопасности ООН по проекту резолюции S/RES/2016 (2011). URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N11/566/14/PDF/N1156614.pdf?OpenElement (дата обращения: 01.10.2018).

резолюции S/RES/1973 (2011) и, соответственно, провозглашавшей окончание военной операции НАТО в Ливии.

Отметим также, что ни один из членов БРИКС не присоединился к санкциям, наложенным Западом на Российскую Федерацию в связи референдумом в Крыму в марте 2014 года, и не осудил официально действия по возвращению в состав территории нашей страны Крымского полуострова. Подтверждением этому являются результаты голосования партнеров России по группе БРИКС по проекту резолюции A/RES/68/262 под названием «Территориальная целостность Украины», предложенному на Генеральной Ассамблее ООН в марте 2014 года: Бразилия, Индия, Китай и ЮАР выразили тогда, как представляется, безмолвную поддержку России, воздержавшись при голосовании[517]. Впоследствии, в декабре 2016 года, на очередном заседании Генеральной Ассамблеи ООН рассматривался проект еще одной резолюции, связанной в представлении западных стран с нарушением прав человека в Республике Крым и городе Севастополе, признаваемыми ими в качестве украинской территории[518]. Партнеры России по БРИКС в этот раз отстаивали более жесткие позиции: Китай, Индия и ЮАР проголосовали «против» резолюции, Бразилия воздержалась[519].

Профессор международных отношений в Фонде Жетулио Варгаса в Сан-Паулу (Бразилия) О. Стункель, рассуждая о причинах поддержки странами БРИКС России в ситуации вокруг Украины и неприятия ими экономических и политических санкций в отношении нашей страны, приходит к выводу, что такая реакция четырех стран обусловлена не столько легитимным волеизъявлением крымского населения и согласием с российскими притязаниями на Крымский полуостров, сколько отрицанием эффективности санкций как инструмента

---

[517] Резолюция A/RES/68/262, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2014 года. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/19/PDF/N1345519.pdf?OpenElement; General Assembly Adopts Resolution Calling upon States Not to Recognize Changes in Status of Crimea Region // Официальный сайт ООН (сообщение для СМИ). URL: http://www.un.org/press/en/2014/ga11493.doc.htm (дата обращения: 01.10.2018).

[518] Резолюция A/RES/68/262, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2016 года. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/71/205 (дата обращения: 01.10.2018).

[519] Стенограмма 65-го пленарного заседания 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшегося 19 декабря 2016 года. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/71/PV.65 (дата обращения: 01.10.2018).

внешней политики в принципе[520]. Эксперт обращает внимание читателей на то, что все страны БРИКС традиционно во все времена выступали против наложения новых или ужесточения уже существующих санкций, будь то экономическое эмбарго против Кубы, Ирана или самих членов БРИКС (каждая из пяти стран подвергалась таким мерам со стороны Запада за последние полвека). Санкции, действительно, в отдельных случаях могут возыметь желаемый эффект и скорректировать политику страны, подверженной им, в целях стабилизации международных отношений, однако, как правило, такое силовое давление крайне редко оказывается конструктивным и часто лишь обостряет существующие противоречия между государствами.

Бразильский исследователь также обращает внимание на то, что лидеры западных стран неоднократно критиковали руководство развивающихся стран, в том числе и стран БРИКС, за их снисходительное отношение к диктаторским режимам, существующим в ряде наименее развитых государств Африки (наиболее серьезной критике подвергается Китай), и неоднократные грубые нарушения прав человека и гражданина (разумеется, нарушения в представлении коллективного Запада)[521]. Достаточно, однако, вспомнить поддержку и признание западными лидерами состоявшихся военных переворотов в Гондурасе (2009 г.), Египте (2013 г.), а также неудачных антиправительственных выступлений в Венесуэле (2002 г.), чтобы понять мотивы стран-участниц БРИКС: критика России означала бы поддержку членами объединения государственного переворота на Украине в феврале 2014 года и вероятного участия в нем США.

Выгоды от политического взаимодействия в БРИКС наша страна ощутила и в виде противодействия со стороны партнеров по группе попытке исключения России из форума «Большой двадцатки» в 2014 году, предпринятой министром иностранных дел Австралии. Встреча министров иностранных дел России, Китая, ЮАР, Индии, а также Чрезвычайного и полномочного посла Бразилии в Российской Федерации на полях Саммита по ядерной безопасности в Гааге в

[520] Стункель О. «Большая семерка» и БРИКС в мире после Крыма // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 2. С. 139.
[521] Там же.

марте 2014 года продемонстрировала миру твердое намерение наших партнеров по диалоговому формату БРИКС не допустить международной изоляции России и оказания на нее силового давления третьими странами[522]. Наиболее пророссийскую позицию в этом вопросе заняла Индия: тогда же, в марте 2014 года, советник премьер-министра Индии по национальной безопасности Ш. Менон сделал официальное заявление, в котором признавал наличие у Российской Федерации «легитимных интересов на Украине» (фактически – в Крыму)[523].

Таким образом, анализ голосования стран БРИКС в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН показал, что по острым вопросам, затрагивающим геополитические интересы двух или более участников объединения, наблюдается корреляция позиций между ними. Ввиду наличия у пяти стран возможностей детально обсуждать проблемы международной безопасности на полях ежегодных встреч первых лиц государств, министров иностранных дел и высоких представителей по отдельным вопросам политической повестки дня (так, в настоящее время функционирует механизм встреч специальных представителей государств БРИКС по Ближнему Востоку[524]), происходит постепенное сближение позиций «пятерки» при голосовании в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН. При этом основное бремя репутационных издержек, связанных с противодействием западным державам в СБ ООН при принятии резолюций, не отвечающих интересам БРИКС, а также иных развивающихся стран мира, несет Россия. Китай же как постоянный член Совбеза ООН, хотя и имеет право вето, не спешит его использовать, если Россия голосует «против» резолюции: в таком случае проект резолюции при любой позиции КНР принят не будет, а последняя может воздержаться при голосовании и избежать конфронтации со странами,

---

[522] Media Statement on the Meeting of the BRICS Foreign/International Relations Ministers (Hague, Netherlands, March 24, 2014) // BRICS Information Centre (University of Toronto). URL: http://www.brics.utoronto.ca/docs/140324-foreign.html (date of access: 01.10.2018).

[523] Индия не поддержит санкции Запада против России // РИА Новости (19.03.2014). URL: https://ria.ru/world/20140319/1000258671.html (дата обращения: 01.10.2018).

[524] Совместное коммюнике по итогам встречи специальных представителей государств БРИКС по Ближнему Востоку (Вишакхапатнам, Индия, 12 апреля 2017 г.) // Официальный сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2725737 (дата обращения: 01.10.2018).

выступившими с инициативой.

Вторым инструментом проецирования политического влияния группы БРИКС вовне является проведение ее членами совместных военных учений. На сегодняшний день среди стран БРИКС наиболее масштабные и регулярные учения военно-морских сил и сухопутных войск проводят Россия и Китай. Военное сотрудничество между двумя сопредельными державами осуществляется с 2003 года как на двусторонней, так и на многосторонней основах. Речь идет о совместных маневрах под названием «Союз – 2003», «Щит мира – 2009», «Мирная миссия» (как в двустороннем порядке, так и с участием партнеров по ШОС в 2005-2018 гг. с интервалами в два-три года), а также «Морское взаимодействие» (2012-2018 гг.).

Отметим, что совместные двусторонние военные учения Индии и Китая, совсем недавно балансировавших на грани вооруженного конфликта, также не раз проводились за последние годы. Так, в ноябре 2014 года уже в четвертый раз были проведены контртеррористические учения двух государств под названием «Рука об руку», а в 2016 году страны дважды выполнили совместные краткосрочные военные маневры «Китайско-индийское сотрудничество 2016» на территории индийского штата Джамму и Кашмир.

Индия также участвует в совместных с Россией военно-морских и антитеррористических учениях сухопутных войск под названием «Индра» (маневры проводятся с 2003 года). Среди других форматов военного взаимодействия членов БРИКС можно выделить трехсторонние военно-морские учения Бразилии, ЮАР и Индии под названием “IBSAMAR” (проводятся с 2008 года, в 2018 году состоялись 6-е такие учения), а также четырехсторонние морские маневры южноафриканской, бразильской, уругвайской и аргентинской флотилий под названием “ATLASUR” (последние на сегодняшний день, одиннадцатые, учения были проведены в 2018 году). Военное сотрудничество ЮАР с Россией и Китаем, а также Бразилии с Россией и Китаем в форме совместных военных учений в настоящее время не осуществляется.

Еще одним инструментом влияния «пятерки» на мировую политику,

имеющим, в первую очередь, важное символическое значение, является текущая миротворческая деятельность БРИКС. В стремлении подчеркнуть статус великих ответственных держав члены группы направляют своих граждан в качестве военных экспертов, сил местной полиции и вооруженных формирований для участия в санкционированных ООН миротворческих миссиях по всему миру (см. Приложение 7). Граждане России и Бразилии по состоянию на начало октября 2018 года участвуют в 9 миссиях, Индия – в 10 миссиях, Китай – в 8 миссиях, ЮАР – в 3 миссиях. При этом лидером по числу направленных миротворцев среди стран БРИКС является Индия: на нее приходится 65% от численности миротворцев «пятерки» (а также 7,4% от общего числа миротворцев ООН). Россия же негативно выделяется на фоне партнеров по группе: всего 75 российских военнослужащих участвуют в миротворческой деятельности на сегодняшний день. Вместе с тем, не стоит забывать о колоссальном вкладе нашей страны в борьбу с международной террористической организацией Исламское государство: значительный контингент российских военных был мобилизован для подавления и искоренения данной угрозы, исходящей с Ближнего Востока, и традиционные геополитические партнеры России этот вклад признают и ценят. К тому же, численность российских миротворцев может многократно возрасти в ближайшее время в случае учреждения миротворческой миссии ООН на юго-востоке Украины, что сегодня находится под большим вопросом, учитывая крайне высокую степень политизированности вопроса (проект соответствующей резолюции был передан Председателю Совета Безопасности ООН и Генеральному секретарю ООН 5 сентября 2017 года, однако положительное решение до сих пор не принято[525]).

Третьим масштабным направлением сотрудничества стран БРИКС в сфере политики является совместное противодействие глобальным вызовам и угрозам современности, к числу которых можно отнести международный терроризм, незаконный оборот наркотических веществ, угрозы информационной безопасности,

[525] Россия предложила проект резолюции об учреждении Миссии ООН на юго-востоке Украины // Центр новостей ООН (5 сентября 2017 г.). URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=28510#.Wb2aIrJJbIV (дата обращения: 01.10.2018).

морское пиратство и разбой, а также нелегальная международная миграция. Данные проблемы достаточно подробно изучены в работах отечественных авторов[526], поэтому считаем необходимым выделить лишь некоторые наиболее важные аспекты многостороннего взаимодействия «пятерки», осуществляемого в целях ответа на глобальные вызовы последних десятилетий.

Международный терроризм является актуальной темой для трех из пяти стран БРИКС: России, Китая и Индии; Бразилии же и ЮАР он практически не касается. В нашей стране в роли основного источника проблем, связанных с терроризмом, выступает Северо-Кавказский регион, в Китае – Синьцзян-Уйгурский автономный район, а в Индии – небольшой по размерам штат Манипур (при этом география деятельности террористических группировок в Индии шире, чем в двух других государствах). Цели террористов в странах БРИКС достаточно разнородны и могут быть связаны с претензиями отдельных этнических групп на политические права, достижение большей социально-экономической справедливости, обретение культурной (в том числе религиозной) автономии. В России одним из мотивов деятельности террористических группировок часто также выступает «борьба с неверными», в ходе которой мусульманские радикалы прилагают усилия для физического уничтожения представителей других конфессий по соображениям религиозной нетерпимости. К сожалению, ввиду разной степени актуальности проблемы международного терроризма для стран БРИКС полноценное сотрудничество между ними по данному вопросу в краткосрочной перспективе может быть затруднено. С другой стороны, процесс обсуждения и решения данной проблемы может быть полностью перенесен в плоскость ШОС или «треугольника» РИК без ущерба для России, Индии и Китая: на данных площадках взаимодействие по вопросу борьбы с международным терроризмом осуществляется уже не первый год.

Общим вызовом для «пятерки» является незаконный оборот наркотиков: страны БРИКС выступают в роли производителей, конечных потребителей и

[526] См., например: Старчак М.В. БРИКС: общие и частные угрозы международной безопасности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 4. С. 160–176.

транзитных государств в основных трансграничных потоках наркотических препаратов. Кроме того, ситуацию усугубляет соседство пяти стран с ведущими производителями тех или иных наркотиков: Россия страдает от большого объема опиатов и героина, ввозимых из Афганистана; Индия и Китай – от опийных наркотиков из соседних Афганистана и Мьянмы; Бразилия имеет опасное соседство с ключевыми поставщиками кокаина – Колумбией и Перу, а ЮАР – с Лесото (крупным поставщиком марихуаны), а также Намибией и Мозамбиком (производителями сильнодействующих психотропных веществ).

Также совместными угрозами национальной и международной безопасности, негативное воздействие которых ощущают на себе члены БРИКС, являются информационный терроризм (в том числе компьютерный шпионаж, не имеющий целью нарушение работы информационных систем страны, подверженной кибератаке), морское пиратство и разбой, нелегальная миграция (включая неконтролируемую миграцию между странами БРИКС) и проистекающие из нее проблемы, такие как рост преступности и националистических настроений среди местного населения.

Сотрудничество стран-участниц БРИКС в целях противодействия глобальным вызовам современности осуществляется в настоящее время на полях ежегодных встреч руководителей антинаркотических ведомств и миграционных ведомств, высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, официальных представителей по вопросам борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Кроме того, деятельность по снижению разрушительного потенциала перечисленных выше угроз ведется в рамках Антинаркотической рабочей группы БРИКС, Рабочей группы по вопросам сотрудничества в сфере ИКТ, Рабочей группы по противодействию международному терроризму, Совета БРИКС по вопросам противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. В числе последних политических инициатив «пятерки» – учреждение Форума разведывательных сообществ БРИКС (соответствующее решение было принято по итогам встречи высоких представителей стран БРИКС, курирующих вопросы безопасности, в

южноафриканском Дурбане в июне 2018 года[527]) и предложение ЮАР о создании рабочей группы БРИКС по вопросам миротворчества[528].

Несмотря на поступательно протекающий процесс налаживания сотрудничества пяти стран в политической сфере, на сегодняшний день есть ряд факторов, тормозящих этот процесс и очерчивающих пределы межгосударственной кооперации. Так, бразильский исследователь А. Абденур говорит о том, что межгосударственное объединение БРИКС не является военным альянсом и ему, в сущности, «не хватает зубов» для аккумулирования «жесткой силы» и углубления политического диалога[529]. Отметим, что члены БРИКС никогда и не задавались целью создать военно-политический блок, дающий гарантии взаимной защиты в случае проявления агрессии со стороны третьих стран, а потому этот фактор политического взаимодействия представляется неустранимым.

Кроме того, отпечаток на сотрудничество стран-участниц БРИКС накладывает, с одной стороны, их географическая удаленность друг от друга (если мы говорим об удаленности Бразилии и ЮАР от остальных членов объединения), что делает некоторые региональные проблемы безопасности общими не для всех пяти стран, а с другой – крайне непростой характер соседства Индии и Китая, периодически балансирующих на грани вооруженного противостояния (вспомним хотя бы конфликт в августе 2017 года из-за спорного плато Доклам).

Налицо и явные различия между членами БРИКС в уровнях военной мощи. Помимо того, что в целом страны разнятся по контингенту вооруженных сил и технологическому оснащению собственных армий, три из них (Россия, Китай и Индия) обладают ядерным оружием, в то время как Бразилия и ЮАР отказались от него в конце прошлого века.

---

[527] В г. Дурбан (ЮАР) завершилась восьмая встреча высоких представителей стран БРИКС, курирующих вопросы безопасности // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации (29.06.2018). URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2438/ (дата обращения: 01.10.2018).

[528] Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС (26 июля 2018 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/5323 (дата обращения: 01.10.2018).

[529] Абденур А. Могут ли страны БРИКС сотрудничать в вопросах международной безопасности? // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 3. С. 87–89.

Еще один важный момент заключается в том, что отношения в рамках «пятерки» выстраиваются не в вакууме – они переплетаются со связями, существующими между каждым из членов объединения и третьими странами. Очевидно, что стремительное усиление сотрудничества в политической сфере приведет к возникновению или усилению существующих разногласий с другими игроками на мировой арене, обладающими значительным военным потенциалом. Так, например, военно-политическое сближение любой из стран БРИКС с Россией, находящейся в ситуации затяжного конфликта с США и их партнерами (в том числе посредством создания общих координационных механизмов в военно-политической сфере, наращивания двусторонней торговли вооружениями и военными технологиями, проведения совместных военных учений), явно повлечет за собой рост напряженности в отношениях с последними. В том числе поэтому члены БРИКС действуют осторожно, когда речь заходит об усилении кооперации в плоскости политики.

Наконец, у участников объединения разные амбиции на международной арене, и, хотя все они стремятся упрочить свое внешнеполитическое влияние и играть гораздо большую роль в делах своего макрорегиона или всей планеты, они отличаются друг от друга объемом политических рисков, которые готовы принять на себя для реализации национальных интересов.

С учетом изложенного, ключевая задача коалиции пяти стран заключается сегодня в достижении взаимопонимания и формировании доверия между ними. Сотрудничество в военно-политической сфере сегодня носит главным образом зондирующий характер, и от нейтрализации влияния указанных выше факторов будет зависеть степень политизации форума БРИКС.

3.2. Экономическое взаимодействие БРИКС – фактор изменения международной финансовой архитектуры

Не менее важным способом повышения международного влияния группы БРИКС является использование ею экономических инструментов, к числу

которых мы относим следующие:

– последовательное продвижение пятью странами на площадках многосторонних институтов идеи реформирования существующей международной финансово-экономической архитектуры (МВФ, Всемирного банка, ВТО);

– собственные финансовые механизмы БРИКС (Новый банк развития и Пул условных валютных резервов БРИКС), созданные как реакция объединения на пробуксовку реформы системообразующих многосторонних институтов управления мировыми экономическими процессами;

– прочие инициативы стран БРИКС, носящие экономический характер и призванные упрочить их торгово-инвестиционное сотрудничество, а также позиции национальных валют в мировой экономике.

Необходимость пересмотра системы распределения голосов и порядка формирования управленческих структур в таких международных финансовых институтах, как Всемирный банк и ВТО, а также проведения комплексной реформы МВФ стала очевидной для всего мира на рубеже XXI века. Осознанию этой потребности, по убеждению группы экспертов Российского института стратегических исследований (РИСИ)[530], способствовало три фактора. Первые два связаны с переоценкой роли развивающихся стран и стран с формирующимися рынками на мировой арене и включают изменение баланса сил в международной экономике. За последние три десятилетия относительный вклад некоторых таких государств, в том числе членов БРИКС, в рост мирового ВВП существенно вырос, в то время как доля развитых стран Запада неуклонно снижалась от года к году, что привело к серьезным дисбалансам в системе управления многосторонними финансовыми институтами. Вторым фактором стало изменение состава стран-получателей финансовой помощи, выделяемой МВФ и Международным банком реконструкции и развития. Все чаще реципиентами международной помощи становились развитые страны Европы, а отдельные стремительно развивающиеся

[530] См. подробнее: Прокофьев И.В., Коротаев Е.В. [и др.]. БРИКС и международная финансовая архитектура: от МВФ к справедливому многополярному миропорядку // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3 (30). С. 9–39.

незападные государства, напротив, выступали нетто-кредиторами, вследствие чего налицо была потребность активного привлечения развивающихся стран к финансированию мероприятий по восстановлению европейских экономик, пострадавших в 2007-2008 гг. в значительной степени от мирового финансового кризиса, и повышения степени вовлеченности растущих экономик мира в процесс формирования мировой экономической повестки дня и принятия важнейшими международными экономическими институтами ключевых решений. Третьим аспектом, подорвавшим доверие развивающихся стран мира, в том числе «пятерки» БРИКС, к сложившейся финансовой системе, стало их недовольство чрезмерной политизацией деятельности МВФ и использованием западными странами ресурсов организации в качестве инструмента «мягкой силы»: денежные средства фонда все чаще использовались западными странами для селективной поддержки политических режимов, проявлявших большую лояльность США, в то время как прочим странам, претендующим на получение финансовой помощи, предъявлялись все более жесткие требования, а объемы финансирования планомерно сокращались.

В условиях недостатка легитимности у МВФ и Всемирного банка межгосударственное объединение БРИКС представлялось его участникам важной консолидирующей силой, способной придать импульс мягкой трансформации существующей международной финансовой архитектуры и перейти от одностороннего доминирования в ней западных держав к более демократичной и инклюзивной системе управления мировой экономикой[531].

На волне глобального финансового кризиса 2007-2008 гг. и последовавшего за ним мирового экономического кризиса страны тогда еще «четверки» БРИК объединили усилия и на полях саммита «Большой двадцатки» в Питтсбурге в сентябре 2009 года выступили с общими требованиями о перераспределении прав голоса и национальных квот в МВФ и Всемирном банке в пользу стран с формирующими экономиками и развивающихся стран, а также открытия доступа

[531] Лексютина Я.В. Усилия БРИКС по изменению мировой валютно-финансовой системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 11 (344). С. 144.

их делегатам к управленческим постам в институтах Бреттон-Вудских институтах и Всемирной торговой организации. Приложенные странами БРИК усилия принесли свои плоды: Всемирный банк во исполнение договоренностей о пересмотре квот и прав голоса своих членов, достигнутых на саммите «Группы двадцати» в Питтсбурге, в апреле 2010 года принял решение об увеличении за счет развитых государств доли голосов развивающихся стран на 3,13% (с 44,06% до 47,19%) – беспрецедентное по масштабам изменений[532].

Кроме того, в декабре 2010 года Международный Валютный Фонд утвердил пакет реформ, получивший название 14-й пересмотра квот МВФ и предполагавший двукратное увеличение квот всех стран (с 329,83 млрд. долл. США до 659,67 млрд. долл. США) и перераспределение значительной доли квот (а также голосов, рассчитываемых на их основе), в результате которого страны с формирующимися рынками и развивающиеся страны должны были дополнительно получить 6% квот[533]. Реформа квот 2010 года предполагала их увеличение для «четверки» БРИК, при этом самый существенный прирост квоты должен был произойти у Китая (с 3,994% до 6,39%); квота России должна была увеличиться с 2,493% до 2,705%, Индии – с 2,441% до 2,749%, Бразилии – с 1,782% до 2,315% (см. Приложение 8). Таким образом, после 14-го пересмотра квот четыре страны должны были войти в десятку крупнейших акционеров МВФ. Квота же Южно-Африканской Республики должна была сократиться с 0,783% до 0,64% и, несмотря на это, все равно несколько превышать относительный вклад этой страны в мировой ВВП. Что касается соотношения квот и долей в мировом ВВП других стран диалогового формата БРИКС, то наиболее существенный разрыв между двумя показателями должен был наблюдаться у Китая, а минимальный разрыв в группе БРИКС – у России и Индии.

---

[532] Распределение голосов во Всемирном банке (в МБРР) до принятия указанного решения и в соответствии с ним: IBRD 2010 Voting Power Realignment (URL:http://siteresources.worldbank.org/NEWS/Resources/IBRD2010VotingPowerRealignmentFINAL.pdf); International Bank for Reconstruction and Development Subscriptions and Voting Power of Member Countries (URL:http://siteresources.worldbank.org/BODINT/Resources/278027-1215524804501/IBRDCountryVotingTable.pdf) (date of access: 01.10.2018).

[533] Подробнее о реформе МВФ см.: И.В. Прокофьев [и др.]. О взглядах экспертов БРИКС на реформирование Международного валютного фонда: доклад Российского института стратегических исследований (май 2016, № 2). URL: https://riss.ru/bookstore/monographs/report-2/ (дата обращения 20.08.2017).

В случае успешного проведения указанной реформы совокупная квота стран-участниц БРИКС в МВФ должна была возрасти с 11,493% до 14,799%, что приблизило бы их к обладанию блокирующим пакетом квот (15%), который на сегодняшний день имеют лишь США и – коллективно – Европейский союз (см. Приложение 8). Для группы БРИКС добиться права вето при голосовании в МВФ с целью блокирования не выгодных им решений, тем не менее, стало бы намного легче: достаточно было бы заручиться поддержкой одного или нескольких государств, разделяющих их позиции.

Третьим исключительно важным аспектом реформы МВФ 2010 года должны были стать изменения, касающиеся управленческой структуры организации. Реформа предусматривала упразднение категории назначаемых исполнительных директоров в Исполнительном совете МВФ: до сих пор пять стран с наибольшими квотами в МВФ имели право самостоятельно назначать представлявших их интересы исполнительных директоров, в то время как остальные 19 директоров избирались государствами-членами МВФ. Кроме того, развивающиеся страны должны были получить два дополнительных места в Исполнительном совете за счет мест развитых европейских государств.

Несмотря на то, что 14-й пересмотр квот был одобрен Советом управляющих МВФ в 2010 году, вступление в силу пакета реформ затянулось до января 2016 года ввиду нежелания Конгресса США ратифицировать его. При этом в соответствии Уставом МВФ принятие решения о перераспределении квот само по себе (за рамками пакета реформ) требовало бы согласия стран-акционеров организации, обладающих не менее 70% от общего числа квот. Изменение же системы формирования Исполнительного совета МВФ было невозможно без консенсуса как минимум трех пятых от общего числа членов МВФ, обладающих не менее 85% от всего числа голосов. Эксперты Российского института стратегических исследований обращают внимание на то, что именно комплексный, пакетный характер реформы, на котором настояли Соединенные Штаты, заложил «подводный камень» в процесс ее проведения: пересмотр национальных квот мог бы быть осуществлен гораздо раньше, однако США на протяжении пяти лет

блокировали изменение порядка формирования Исполнительного совета МВФ и реформу организации в целом[534].

Хотя США и пошли на уступки и в январе 2016 года пакет реформ, наконец, вступил в силу, проблемы, связанные с деятельностью МВФ, не исчерпали себя. На сегодняшний день перед развивающимися странами и странами с формирующимися рынками, в частности «пятеркой» БРИКС, стоит не менее сложная задача – выработка новой формулы расчета страновых квот в МВФ, в равной степени учитывающей интересы развитых и развивающихся экономик мира[535]. В нынешнем виде формула расчета квот ввиду большого веса в ней показателей открытости и изменчивости экономики оказывается более выгодной для европейских стран, ведущих активную взаимную торговлю и осуществляющих значительные финансовые вливания в экономики друг друга. Развивающиеся же страны с достаточно сильными экономиками, ориентированные во многом на внутреннее потребление (это относится, в первую очередь, к Индии и во все большей степени – к Китаю) оказываются в данном случае в явном проигрыше.

На сегодняшний день страны БРИКС не выработали скоординированную позицию по вопросу новой формулы расчета квот – между ними есть лишь общее понимание необходимости внесения в нее корректировок. Среди всех возможных вариантов новой расчетной формулы[536], вероятно, интересам «пятерки» будет отвечать формула, в которой больший вес придается ВВП по паритету покупательной способности национальных валют или величине международных резервов. В фокусе внимания пяти стран, кроме того, может находиться дальнейшее (в рамках 15-го общего пересмотра квот) перераспределение квот и

---

[534] Прокофьев И.В., Коротаев Е.В. [и др.]. БРИКС и международная финансовая архитектура: от МВФ к справедливому многополярному миропорядку // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3 (30). С. 17.

[535] Действующая формула квот в МВФ рассчитывается как средневзвешенное значение ВВП страны (с весом 50%), показателя открытости экономики (30%), экономической изменчивости (15%) и международных резервов (5%). ВВП в данной формуле определяется как составной показатель, рассчитываемый на основе рыночных обменных курсов (с весом 60%) и обменных курсов по ППС (40%). Информация приведена по состоянию на 21 апреля 2017 года // Официальный сайт МВФ. URL: http://www.imf.org/en/About/Factsheets/Sheets/2016/07/14/12/21/IMF-Quotas (дата обращения: 01.10.2018).

[536] См. варианты новой формулы расчета квот в МВФ, предложенные экспертами РИСИ: Каратаев С.В. [и др.]. Формула расчета квот МВФ: возможности для БРИКС и развивающегося мира: доклад Российского института стратегических исследований (август 2016, № 3). URL: https://riss.ru/bookstore/monographs/report-3/ (дата обращения 20.08.2017);

голосов между развитыми и развивающимися странами в МВФ в пользу последних, ограничение избыточного влияния США на выработку и принятие решений в организации, изменение принципов предоставления финансовой помощи странам, оказавшимся в кризисной экономической ситуации, а также выдвижение на высшие руководящие посты в МВФ, Всемирном банке и ВТО представителей развивающихся стран (не обязательно граждан БРИКС).

Считаем необходимым пояснить последний из указанных выше аспектов сотрудничества группы БРИКС по вопросам реформирования системы глобального управления мировой экономикой. В настоящее время резкой критике со стороны развивающихся стран подвергается сложившаяся еще в середине XXI века негласная практика назначения директором-распорядителем МВФ гражданина одного из европейских государств, а президентом Всемирного банка – представителя США, вполне ожидаемо лоббирующих в данных организациях интересы развитых стран, причем зачастую в ущерб интересам остальным государствам[537]. Вместе с тем, очевидное недовольство стран «пятерки» текущим положением дел до недавних пор не обретало практической формы. В 2012 году партнеры по группе не смогли согласовать и выдвинуть единую кандидатуру на пост президента Группы Всемирного банка (реальные шансы на занятие данной позиции тогда имели два представителя от развивающихся стран – министры финансов Нигерии и Колумбии) – руководящая должность была замещена кандидатом от США Джимом Ён Кимом. Впервые стороны смогли выступить единым фронтом в 2013 году, когда успешно продвинули на пост генерального директора ВТО представителя Бразилии Роберту Азеведу.

Вторым ключевым направлением экономического сотрудничества стран-участниц БРИКС, инициированным в 2014 году и ознаменовавшим, по сути, новый этап в развитии объединения, стало создание двух собственных финансовых институтов – Нового банка развития (НБР) и Пула условных валютных резервов

[537] Впрочем, стоит отдать должное действительному директору-распорядителю МВФ Кристин Лагард, которая прикладывает усилия для учета интересов развивающихся стран в МВФ. Так, она настойчиво призывала США ратифицировать 14-й общий пересмотр квот МВФ, а также в значительной степени содействовала включению китайского юаня в корзину мировых резервных валют.

БРИКС. Учреждению НБР способствовал серьезный (и к тому же возрастающий в настоящее время) дефицит инфраструктурных инвестиций в развивающихся странах мира, особенно в Азиатском регионе[538]. По оценкам президента НБР К.В. Каматха, общая потребность развивающихся стран мира исключительно в инфраструктурных инвестициях составляет в настоящее время порядка одного триллиона долл. США при суммарном годовом объеме осуществляемых многосторонними банками развития инфраструктурных инвестиций, составляющем не более 100 млрд. долл. США[539]. Кроме того, естественными предпосылками создания НБР стали пробуксовка реформы Бреттон-Вудских институтов, а также стремление членов БРИКС перевести многостороннее сотрудничество в практическую плоскость и продемонстрировать мировому сообществу общую ориентацию на долгосрочное, по-настоящему результативное, а не декларативное сотрудничество.

Примечательно, что идея создания многостороннего банка развития, имеющего схожую с НБР природу, обсуждалась еще в 2009 году в экспертной комиссии в рамках ООН по реформированию международной денежно-финансовой системы, руководство которой было поручено американскому экономисту Дж. Стиглицу. В докладе Комиссии от 21 сентября 2009 года была отмечена целесообразность учреждения «нового кредитного института с более представительным составом участников»[540]. Позднее, в 2011 году, Комиссия вновь подняла эту тему, предложив учредить многосторонний банк развития для финансирования проектов в странах «коллективного Юга», распределив при этом

---

[538] Заместитель руководителя Центра экономических исследований РИСИ С.В. Каратаев пишет о том, что в 1980-е годы акценты в деятельности многосторонних банков развития (в частности МБРР) сместились в пользу финансирования программ социального развития в странах-заемщиках, а также программ, имеющих целью изменение экономической политики таких стран (налицо дублирование функций МВФ), что повлекло за собой масштабное сокращение доли инфраструктурных проектов в общем объёме предоставленных кредитов с 70% (в 1960-х гг.) до 20% (в 1990-х гг.). И хотя в 2000-е годы наблюдался рост данного показателя до 30-40%, потребности развивающихся стран в инфраструктурных инвестициях остаются в значительной степени неудовлетворенными. См. подробнее: Каратаев С.В. Новый банк развития в международной системе координат // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 2 (41). С. 106–134.

[539] Приводится по: Лукашик А.П. БРИКС: итоги российского председательства и векторы дальнейшего развития // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 54.

[540] Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System. URL: http://www.un.org/ga/econcrisissummit/docs/FinalReport_CoE.pdf (date of access: 01.10.2018).

капитал вновь созданного банка преимущественно между развивающимися странами[541].

Вместе с тем, учредителями многостороннего банка развития, в основе которого лежал обозначенный выше Комиссией принцип, стали именно страны БРИКС. Соглашение о создании НБР[542] было подписано пятью странами на полях VI саммита БРИКС в Форталезе в 2014 году. Год спустя в Уфе на VII саммите БРИКС стороны дали официальный старт работе Нового банка развития. Тогда же было проведено первое заседание Совета директоров НБР, на котором состоялся ряд кадровых назначений: первым руководителем Банка был избран экс-глава частного индийского банка "ICICI Bank" ("Industrial Credit and Investment Corporation of India") К.В. Каматх; председателем совета управляющих Банка был назначен российский министр финансов А.Г. Силуанов. Кроме того, стороны пришли к соглашению о том, что штаб-квартира НБР будет расположена в Шанхае (КНР).

Разрешенный капитал НБР был установлен на уровне 100 млрд. долл. США, размер распределенного между государствами БРИКС подписного капитала, подлежащего внесению в течение 6,5 лет с даты вступления в силу Соглашения о НБР, – 50 млрд. долл. США. Из этой суммы стороны обязаны сразу внести лишь 10 млрд. долл. США (по 2 млрд. долл. США в равных долях) – остальная часть подписного капитала должна быть оплачена по требованию Совета директоров НБР. Учредительный договор Банка устанавливает паритетное распределение акций между пятью странами, а число голосов у каждого участника НБР соотносится с числом принадлежащих ему акций.

Кроме того, в Соглашении о создании Нового банка развития определено привилегированное положение государств-учредителей в системе управления финансовым институтом. Несмотря на то, что в состав членов Банка могут войти третьи страны (расширение круга участников Банка приветствуется «пятеркой»), в

---

[541] Terms of Reference Commission of Experts of the President of the UN General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System (Background). URL: http://www.un.org/ga/president/63/commission/background.shtml (date of access: 01.10.2018).

[542] Agreement on the New Development Bank // New Development Bank [official site]. URL: http://www.ndb.int/wp-content/themes/ndb/pdf/Agreement-on-the-New-Development-Bank.pdf (date of access: 01.10.2018).

случае увеличения числа участников НБР совокупная доля голосов государств БРИКС не должна быть не менее 55%, а доля голосов любого из остальных членов НБР не должна превышать долю любой из стран БРИКС[543].

Что касается процедуры принятия решений по вопросам осуществления Новым банком развития своей деятельности, то решения по текущим вопросам работы Банка принимаются либо простым большинством голосов, либо двумя третями в зависимости от важности выносимого на голосование вопроса. Решения же по ключевым вопросам деятельности НБР принимаются квалифицированным большинством голосов, подразумевающим поддержку таких решений не менее чем четырьмя странами из числа участниц БРИКС, а также двумя третями от суммарного количества голосов всех членов Банка.

Как следует из Генеральной стратегии развития НБР на период 2017-2021 гг., опубликованной 30 июня 2017 года, Банк призван играть роль механизма финансирования инфраструктурных проектов в «пятерке» БРИКС, а также развивающихся странах, присоединившихся к организации в качестве полноправных членов. Перечень ключевых областей для кредитования включает «зеленую» энергетику, развитие транспортной инфраструктуры в целях усиления мобильности людей, товарных потоков и услуг, ирригационные системы, системы муниципального водоснабжения и водоотведения, устойчивое городское развитие, а также многосторонние проекты, реализуемые на территории двух и более государств-участников Банка (например, прокладка сетей передачи электроэнергии, трансграничных дорог и пр.)[544].

По состоянию на октябрь 2018 года Совет управляющих НБР одобрил финансирование 26 инфраструктурных проектов в пяти странах БРИКС на общую сумма порядка 6,98 млрд. долл. США (см. Приложение 9). Указанные проекты предполагают развитие в странах объединения возобновляемой энергетики (гидроэнергетики, ветровой и солнечной энергетики), туристической и транспортной инфраструктуры (в том числе городского метро в Китае, морского

[543] Ibid.
[544] NDB's General Strategy: 2017 – 2021 // NDB Official site. URL: ndb.int/wp-content/uploads/2017/08/NDB-Strategy.pdf (date of access: 01.10.2018).

порта в ЮАР и дорог регионального значения в Индии и Бразилии), а также информатизацию российской судебной системы с целью повышения ее прозрачности и эффективности и повышение экологической устойчивости строящегося российского нефтехимического комбината «Запсибнефтехим». Кроме того, 18 июля 2016 года НБР вышел на китайский межбанковский рынок, выпустив первый пакет «зеленых» облигаций, номинированных в юанях (на сумму 3 млрд. юаней, или 450 млн. долл. США)[545]. Также в июне 2017 года президент НБР К.В. Каматх отметил в кулуарах Петербургского международного экономического форума, что Банк планирует выпуск облигаций, номинированных в рублях (на сумму 250 млн. долл.) и рупиях[546].

В числе важнейших событий, связанных с деятельностью НБР в первые годы его работы, следует выделить запуск 17 августа 2017 года в Йоханнесбурге (ЮАР) первого регионального центра НБР[547], решение об учреждении американского регионального отделения НБР в Сан-Паулу (Бразилия), принятое на саммите в Йоханнесбурге в 2018 году[548], а также присвоение Банку кредитных рейтингов самой высокой категории китайскими рейтинговыми агентствами “China Lianhe Credit Rating” и “Chengxin International Credit Rating”[549], и кредитных рейтингов “AA+” от влиятельнейших рейтинговых агентств “Fitch Ratings Inc.” и “Standard & Poor's Financial Services LLC”[550]. Что касается перспектив учреждения регионального отделения Банка в России, то, по словам директора департамента международных финансовых отношений Министерства финансов Российской

[545] NDB successfully issued first RMB-denominated green financial bond // NDB Official site (July 19, 2016). URL: http://www.ndb.int/press_release/ndb-successfully-issued-first-rmb-denominated-green-financial-bond/ (date of access: 01.10.2018).
[546] Банк БРИКС выпустит рублёвые облигации на 250 млн. долларов // Парламентская Газета (03.06.2017). URL: https://www.pnp.ru/economics/bank-briks-vypustit-rublyovye-obligacii-na-250-mln-dollarov.html (дата обращения: 01.10.2018).
[547] NDB Launches Africa Regional Center in Johannesburg, South Africa // NDB Official site (17.08.2017). URL: http://www.ndb.int/press_release/ndb-launches-africa-regional-center-johannesburg-south-africa/ (date of access: 01.10.2018).
[548] NDB President and Brazil’s Minister of Finance and Minister of Foreign Affairs Sign Agreement on the Hosting of the Bank’s Americas Regional Office in São Paulo // NDB Official site (July 26, 2018). URL: https://www.ndb.int/press_release/ndb-president-minister-foreign-affairs-brazil-sign-agreement-hosting-banks-americas-regional-office-sao-paulo/ (date of access: 01.10.2018).
[549] NBD attained first credit ratings. URL: http://www.ndb.int/investor-relations/credit-ratings/ (date of access: 01.10.2018).
[550] NDB Receives AA+ Rating from S&P, Cementing its Access to Global Financial Markets // NDB Official site (August 29, 2018). URL: https://www.ndb.int/press_release/ndb_receives_aaplus_rating_from_sp/ (date of access: 01.10.2018).

Федерации А.А. Бокарева, это может случиться не ранее 2019-2020 гг.[551].

На сегодняшний день Новый банк развития выгодно выделяется на фоне прочих международных финансовых организаций по ряду причин. Во-первых, НБР является банком развития глобального значения, не ограниченным в своей деятельности географией того или иного региона, что делает его вторым подобным банком развития после МБРР. Во-вторых, одобренные НБР проекты рассчитаны на срок до 20 лет, что нехарактерно для прочих многосторонних банков развития и свидетельствует в пользу действительной заинтересованности Банка в достижении целей совместного устойчивого развития и повышения национального благосостояния стран-участниц, а не только об ориентации на извлечение большей прибыли от финансирования краткосрочных проектов. В-третьих, НБР за столь короткое время своего существования продекларировал и успешно внедрил ряд новаторских практик в работе многосторонних банков развития, связанных с существенных сокращением срока рассмотрения поданных в Банк заявок с 8–24 месяцев (средний показатель для подавляющего числа многосторонних банков развития, а в отдельных случаях сроки могут достигать и 7 лет) до полугода, диверсификацией источников денежных средств Банка (привлечение части ресурсов за счет выпуска «зеленых» бондов), а также использованием национальных валют государств-членов Банка при кредитовании проектов[552].

Каковы же роль и место Нового банка развития в системе существующих международных финансовых организаций? Считаем, что успешная деятельность Банка по кредитованию инфраструктурных проектов в среднесрочной перспективе позволит, с одной стороны, снизить зависимость развивающихся стран от Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития, выдвигающих зачастую довольно жесткие и невыгодные условия финансирования. С другой стороны, очевиден будущий вклад НБР в повышение роли группы БРИКС в управлении мировыми экономическими процессами и

---

[551] Минфин: региональный центр банка БРИКС в РФ появится не ранее 2019 года // ИА России «ТАСС» (17.08.2017). URL: http://tass.ru/ekonomika/4487517 (дата обращения: 01.10.2018).

[552] Каратаев С.В. Новый банк развития в международной системе координат // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 2 (41). С. 126-128.

диверсификации международной экономической архитектуры. Кроме того, учреждение Нового банка развития имеет большое значение для институционализации экономической помощи, оказываемой конкурентоспособными и динамично развивающимися государствами менее развитым странам.

Мы согласны с мнениями российского дипломата А.П. Лукашика и бывшего министра финансов Китайской Народной Республики Лоу Цзивэя относительно глобальной роли, отводимой НБР в ближайшие годы: данный банк развития (как и Пул условных валютных резервов БРИКС, о котором будет сказано ниже) не является альтернативой существующим Бреттон-Вудским институтам и претендует на соперничество с ними[553]. Острый дефицит инфраструктурных инвестиций, наблюдаемый в развивающихся странах, и неспособность МБРР и ряда других многосторонних банков развития (в частности, Азиатского банка развития или созданного практически одновременно с НБР Азиатского банка инфраструктурных инвестиций) удовлетворить существующие потребности в таких инвестициях даже на четверть, позволяют говорить о том, что еще долго между Новым банком развития и прочими международными финансовыми организации не будет соперничества, по крайней мере серьезного.

Конечно, в научном и политическом дискурсе имеются и иные оценки места НБР в международной финансовой архитектуре: так, заместитель министра иностранных дел Индии по экономическим вопросам С. Мехта убеждена в том, что Банк является «не совсем противовесом, но альтернативой Бреттон-Вудской системе организаций»[554], а российский исследователь О.А. Алексеенко отмечает, что НБР имеет все шансы такой альтернативой стать[555]. Мы склоняемся к тому, что взаимодействие между существующими многосторонними банками развития и НБР будет происходить в дружественном ключе. Прочная основа для

[553] Лукашик А.П. БРИКС: итоги российского председательства и векторы дальнейшего развития // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 59; В Шанхае открылся Новый банк развития БРИКС // ИА России ТАСС (21 июля 2015). URL: http://tass.ru/ekonomika/2132483 (дата обращения: 01.10.2018).

[554] МИД Индии: банк БРИКС станет альтернативой Бреттон-Вудской системе // РИА Новости (03.07.2015). URL: https://ria.ru/economy/20150703/1112113705.html (дата обращения: 01.10.2018).

[555] Алексеенко О.А. Новый банк развития БРИКС и Пул условных валютных резервов как катализаторы процесса реформирования Бреттон-Вудских институтов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3, № 5. С. 58.

сотрудничества уже заложена: НБР по состоянию на октябрь 2018 года подписал меморандумы о взаимопонимании с 10 многосторонними банками развития, 13 национальными банками развития и иными банковскими учреждениями, а помимо этого – также меморандумы о взаимопонимании с Деловым советом БРИКС, Агентством по страхованию экспортных кредитов стран БРИКС, Международным солнечным альянсом, ПАО «Российские железные дороги» и Шанхайским университетом финансов и экономики (см. Приложение 10).

Кроме того, Новый банк развития стал одним из подписантов «Декларации международных банков развития по совместным действиям для поддержки инфраструктурных инвестиций», принятой «Группой двадцати» в китайском Ханчжоу в сентябре 2016 года. В документе обозначена готовность одиннадцати многосторонних банков развития бороться, объединив усилия, с недостатком инфраструктурного финансирования в развивающихся странах мира, а также оказывать техническую поддержку потенциальным заемщикам указанных банков в подготовке и представлении проектной документации[556]. Принятие декларации свидетельствует о позитивных сдвигах в повестке дня G20, связанных с большим учетом интересов развивающихся стран. Отметим, что под влиянием «пятерки» БРИКС и, несомненно, ввиду учреждения НБР и АБИИ, произошло некоторое смещение приоритетов Всемирного банка. В сентябре 2016 года президент банка Джим Ён Ким заявил, что одним из ключевых направлений деятельности Всемирного банка отныне станет «содействие глобальному экономическому подъему посредством привлечения частных инвестиций для финансирования инфраструктурных проектов в странах мира»[557].

Вторым по значимости собственным финансовым институтом группы БРИКС, созданным в ответ на существенно усилившуюся в последние годы волатильность мировой экономики, стал Пул условных валютных резервов БРИКС.

---

[556] MDBs Joint Declaration of Aspiration on Actions to Support Infrastructure Investment // Official site of G20 Forum (September 5, 2016). URL: g20.org/English/Documents/Current/201608/P020160815360318908738.pdf (date of access: 01.10.2018).

[557] Jim Yong Kim. Unanimously Reappointed to Second Term as World Bank Group President // World Bank. 27 September, 2016 // World Bank Group. URL: worldbank.org/en/news/press-release/2016/09/27/jim-yong-kim-unanimously-reappointed-to-second-term-as-world-bank-group-president (date of access: 01.10.2018).

Как отмечает исследователь вопроса Н.Г. Хмелевская, большая степень открытости экономик стран мира на сегодняшний день обусловливает серьезные риски возникновения на их внутренних рынках валютной ликвидности. В случаях России и Бразилии такие риски связаны с высокими инфляционными ожиданиями населения, в Китае дефицит ликвидности может быть вызван инвестиционным «перегревом» в фазе бурного экономического роста, в Индии – чрезмерный долговой нагрузкой государства. Указанные дисбалансы неизбежно подкрепляются спекулятивной деятельностью на рынках национальных валют, что также усиливает волатильность их обменных курсов[558].

Решение об учреждении Пула условных валютных резервов БРИКС – особой финансовой страховочной сетки на случай чрезвычайных бюджетных ситуаций – было принято в июле 2014 года на саммите «пятерки» в г. Форталеза (Бразилия). Ратификация договора о создании Пула всеми членами объединения была завершена к лету 2015 года, а по итогам Уфимского саммита БРИКС документ вступил в силу.

Следует отметить, что группа БРИКС не стала новатором в создании многосторонних финансовых страховочных механизмов. Тремя десятилетиями ранее, в 1976 году, государства Латинской Америки совместно учредили Андский резервный фонд (именуемый сегодня Латиноамериканским резервным фондом). В том же 1976 году был создан Арабский валютный фонд при участии 22 государств. Наконец, в 2010 году партнеры по диалогу АСЕАН + 3 договорились о создании так называемой Чиангмайской многосторонней инициативы, представляющей собой систему валютных свопов[559] между странами-учредителями.

Как следует из Договора о создании Пула условных валютных резервов БРИКС[560], последний призван выполнять функции, схожие с теми, что осуществляет Международный Валютный Фонд, в частности оказание при

---

[558] Хмелевская Н.Г. Пул условных валютных резервов БРИКС в аспекте достаточности международных (золотовалютных) резервов // Деньги и кредит. 2016. № 2. С. 44.

[559] Валютный своп между центральными банками – инструмент, открывающий возможность каждой из сторон получить доступ к ликвидности в валюте другой страны, минуя необходимость ее приобретения на валютных рынках.

[560] Treaty for the Establishment of a BRICS Contingent Reserve Arrangement // Official site of Brazilian Ministry of External Relations. URL: brics.itamaraty.gov.br/images/pdf/BRICSCRA.doc (date of access: 01.10.2018).

необходимости финансовой поддержки членам БРИКС, столкнувшимся с дефицитом платежного баланса. Вместе с тем, отмечает заместитель министра финансов Российской Федерации С.А. Сторчак, сравнение МВФ и Пула условных валютных резервов БРИКС недопустимо: последний является не международной организацией, а своеобразным «кошельком», средства которого могут быть израсходованы лишь определённых условиях (отсюда происходит и название Пула)[561]. Кроме того, участники Пула не вносят свои доли в его подписной капитал заранее: национальные банки пяти стран обязуются предоставить денежные средства по требованию. Вклад государств-членов БРИКС в Пул сопоставим с размерами их экономик: доля Китая составляет 41%, Бразилии, России и Индии – по 18%, ЮАР – 5%, общий же размер денежного фонда – 100 млрд. долл. США. При возникновении проблемы с ликвидностью на внутреннем рынке Китай вправе претендовать на половину от своего вклада; Бразилия, Россия и Индия могут запросить финансовую помощь в размере внесенной ими доли, а ЮАР – денежную сумму, в два раза превышающую ее долю в Пуле.

Важно отметить, что предоставление финансовой помощи из фонда любому из нуждающихся в ней государств в размере более 30% от вклада данной страны должно быть привязано к соответствующей программе Международного Валютного Фонда, что сближает Пул условных валютных резервов БРИКС с Чиангмайской многосторонний инициативой по механизму функционирования. Вместе с тем, принципиальное отличие Пула от МВФ заключается в том, что его деятельность не призвана содействовать выстраиванию макроэкономических показателей стран-получателей помощи, а кредитование последних осуществляется на непродолжительные сроки.

Страны БРИКС на сегодняшний день не обращались к средствам Пула. Будет ли он востребован в будущем – покажет время. Практика функционирования Чиангмайской многосторонней инициативы, по пути которой Пул условных валютных резервов БРИКС развивается в настоящее время, показывает, что страны

[561] Сторчак С.А. «Пора договориться о прекращении расширения тематики, с которой работает БРИКС» (интервью) // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 2 (113). С. 16.

предпочитают обращаться напрямую друг другу для получения краткосрочных кредитов для погашения дефицита ликвидности (за 8 лет своего существования в качестве своего рода азиатского валютного резервного фонда Чиангмайская инициатива ни разу не вводилась в действие). Причина этому – необходимость согласования государством-заемщиком с МВФ программы мероприятий по преодолению кризиса ликвидности, что далеко не всегда отвечает интересам получателей помощи.

Достаточно оптимистично в отношении перспектив Пула условных валютных резервов БРИКС настроен главный экономист Евразийского банка развития Я.Д. Лисоволик. Эксперт видит возможности для развития Пула в финансовом сотрудничестве с региональными финансовыми организациями, в которых участвуют страны БРИКС и их партнеры по интеграционным экономическим объединениям, например, Евразийским фондом стабилизации и развития или упомянутой выше Чиангмайской многосторонней инициативой[562]. Взаимодействие между данными финансовыми институтами может выстраиваться по ряду направлений. Усилия стран-участниц фондов целесообразно объединить для согласования позиций в многосторонних финансовых организациях (МВФ и Всемирном банке) или взаимного содействия интернационализации национальных валют таких стран.

Третьим инструментом международно-экономического влияния стран БРИКС, дополняющим их совместные усилия по реформированию существующей архитектуры управления мировой экономикой и деятельность ключевых финансовых институтов «пятерки» – Нового банка развития и Пула условных валютных резервов – являются прочие инициативы, большая часть которых направлена на расширение валютной кооперации стран-участниц объединения, снижение зависимости от американского доллара и стимулирование многостороннего торгово-инвестиционного сотрудничества.

Не подлежащим сомнению фактом является то, что КНР добилась

[562] Лисоволик Я.Д. Монетизация БРИКС+: Инициатива R5 // Международный дискуссионный клуб «Валдай» (01.09.2017). URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/monetizatsiya-briks-r5/ (дата обращения: 01.10.2018).

наибольших среди стран БРИКС успехов в деле интернационализации собственной валюты. Осенью 2015 года Исполнительный совет МВФ принял решение о включении с 1 октября 2016 года китайского юаня в число мировых резервных валют наряду с долларом США, евро, фунтом стерлингов и японской иеной, что стало настоящей победой для Китая.

В последние годы страны БРИКС предпринимают попытки перевести взаимную торговлю на национальные валюты. Прямые внешнеторговые расчеты в рублях, юанях, рупиях, реалах и рандах позволили бы компаниям-экспортерам существенно снизить торговые расходы, связанные с необходимостью страхования валютных рисков. И чем более прочные торговые связи налажены между странами, тем большую выгоду принесет им переход на расчеты в собственных валютах, а не в американских долларах или евро.

На сегодняшний день на этом направлении взаимодействия пяти стран были достигнуты определенные успехи. Одними из первых валютное сотрудничество наладили Россия и Китай: в октябре-декабре 2010 года на Шанхайской фондовой бирже и на Московской межбанковской валютной бирже начали торговаться валютные пары рубль/юань. Позднее, в 2011 году, на III саммите БРИКС в Санье «пятерка» подписала рамочное соглашение о многостороннем межбанковском сотрудничестве, которое было призвано расширить практику осуществления взаимных торговых расчетов и предоставления кредитов в национальных валютах.

В 2012 году на саммите БРИКС в Нью-Дели произошло еще одно знаменательное событие: были приняты два важных документа – Генеральное соглашение по многосторонним кредитным линиям в национальных валютах и Соглашение по обслуживанию многосторонних подтвержденных аккредитивов – которые также должны были содействовать постепенно дедолларизации торгово-инвестиционных отношений государств-членов БРИКС. Кроме того, в 2011 и 2013 годах были учреждены, соответственно, Биржевой альянс БРИКС в составе ведущих фондовых бирж пяти стран и Деловой совет БРИКС, миссией которого стало выявление и снижение негативного потенциала факторов, тормозящих развитие экономических отношений между членами объединения.

Дальнейшее углубление валютного партнерства пяти стран осуществлялось посредством заключения двусторонних своповых соглашений друг с другом. Лидером по числу таких соглашений стал Китай: в марте 2013 года он заключил соглашение о ежегодных валютных свопах с Бразилией на сумму 190 млрд. юаней (около 30 млрд. долл. США по действовавшему тогда обменному курсу), в октябре 2014 года – с Россией на сумму 150 млрд. юаней (около 25 млрд. долл. США), в апреле 2015 года – с Южно-Африканской Республикой на сумму 30 млрд. юаней.

Кроме того, в октябре 2017 года КНР запустила систему PVP («платеж против платежа», англ. “payment vs payment”) для проведения операций с китайским юанем и российским рублем с целью снижения валютных рисков при осуществлении международных сделок. В это же время в Москве Промышленно-торговым банком Китая был создан клиринговый центр для обработки транзакций, номинированных в юане. Символично, что именно Россия стала первой страной, с которой Китай наладил подобную систему валютных операций[563].

Что касается Индии, то она до недавних пор фактически не допускала проведения международных операций с рупией (не считая торговли с Бутаном и Непалом) ввиду того, что чрезмерная интернационализация индийской национальной валюты могла крайне деструктивно отразиться на ее обменном курсе и, в конечном счете, снизить экспортные возможности страны. Вместе с тем, именно в рамках БРИКС Индия постепенно начала практиковать использование рупии во внешнеэкономических связях. В 2011 году Банк Индии (один из крупнейших коммерческих банков страны, управляемый Правительством Индии) первым из индийских финансовых учреждений начал осуществлять расчеты в национальных валютах с Китаем. В 2014 году начались переговоры между Резервным банком Индии и Центральным банком России о переходе на взаиморасчеты в рублях и рупиях. Отметим, что такого рода переговоры также ведутся с сентября 2015 года на уровне центральных банков России и Бразилии[564].

---

[563] Китай запустил систему платежей в рублях и юанях // «Вести. Экономика» (13.10.2017). URL: http://www.vestifinance.ru/articles/92340 (дата обращения: 01.10.2018).

[564] МЭР: Россия и Бразилия ведут переговоры о переходе на взаиморасчеты в национальных валютах // Banki.ru (15.09.2015). URL: http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8299907 (дата обращения: 01.10.2018).

Таким образом, валютное сотрудничество на пространстве БРИКС в последние годы планомерно усиливается. Стороны уже добились определенных результатов в направлении избавления от долларовой зависимости, позволяющей США оказывать чрезвычайно большое влияние на международную торговлю. Следуя современным тенденциям, «пятерка» БРИКС выдвигает и совсем необычные инициативы в валютной сфере: так, во время китайского председательства в группе в 2017 году была предложена идея создать собственную криптовалюту, которая имела бы хождение между пятью странами[565].

Более реалистичные, но не менее амбициозные финансовые проекты БРИКС, имеющие целью облегчить ведение членами объединения взаимной торговли и стимулировать их инвестиционную активность, включают на сегодняшний день создание собственной платежной системы – аналога существующей системы SWIFT, монополизированной Западом; Банка международных расчетов БРИКС; кредитного рейтингового агентства БРИКС, которое составило бы конкуренцию трем крупнейшим в мире кредитным агентствам: “Standard & Poors”, “Moody’s Investors Service” и “Fitch Ratings”. Последняя инициатива подробно обсуждалась на IX саммите «пятерки» в Сямэне[566] и, вероятно, будет реализована в краткосрочной перспективе. На том же саммите была достигнута договоренность о создании Фонда суверенных облигаций в национальных валютах стран БРИКС, призванного внести существенный вклад в обеспечение инвестиционной стабильности пяти стран, стимулировать развитие национальных и региональных рынков облигаций, участниками которых являются страны БРИКС, в том числе за счет привлечения частного иностранного капитала на долговые рынки стран БРИКС и укрепления финансовой устойчивости «пятерки»[567].

---

[565] Финансовый комитет стран БРИКС обсудил возможность создания криптовалюты организации // ИА России «ТАСС» (04.09.2017). URL: http://tass.ru/ekonomika/4529651 (дата обращения: 01.10.2018).

[566] Идею России по созданию рейтингового агентства поддержали страны БРИКС // Pravda.RU (03.09.2017). URL: https://www.pravda.ru/news/world/03-09-2017/1347454-briks-0/ (дата обращения: 01.10.2018).

[567] Сямэньская декларация, принятая по итогам девятого саммита БРИКС // Официальный сайт Президента России. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/ru/0auA2fXB3aZfGjy7ZHtubAhIydQv9AL5.doc (дата обращения: 01.10.2018).

3.3. Многостороннее сотрудничество БРИКС в научно-технической и гуманитарной сферах

Третьим вектором взаимодействия стран БРИКС в настоящее время является многостороннее сотрудничество в научно-технической и гуманитарной областях. В данном параграфе будут рассмотрены современное состояние и перспективы кооперации пяти стран в сфере высоких технологий, существующие возможности для обмена опытом в области возобновляемой энергетики, а также различные аспекты многостороннего гуманитарного сотрудничества. Отметим сразу, что результаты взаимодействия государств по данным направлениям могут показаться читателю неосязаемыми и малозначимыми с точки зрения усиления международного влияния группы БРИКС. Действительно, фундамент национальной мощи пяти стран, проецируемой вовне, составляют влияние на международные политические процессы и сильная национальная экономика. Вместе с тем, данные инструменты влияния подкрепляются и способностью стран выступать в качестве передовых высокотехнологичных и экологически ответственных держав. Кроме того, совместные гуманитарные инициативы пяти стран подпитывают межцивилизационный статус БРИКС, а в перспективе могут привлечь к сотрудничеству с членами объединения и другие государства, заинтересованные во взаимном обогащении культур и обеспечении совместного устойчивого развития.

По данным Группы Всемирного банка, в 2016 году на страны БРИКС суммарно приходилось 27,36% от общемировой стоимости высокотехнологичного экспорта[568]. При этом львиная доля (порядка 25,77%) высокотехнологичных товаров, поставленных на мировой рынок, была произведена в Китае, а потому сотрудничество с ним является приоритетным для каждой из стран «пятерки».

В Кейптаунской декларации министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС, принятой в феврале 2014 года в ЮАР, были очерчены области многостороннего сотрудничества, ставшие приоритетными на ближайшие годы, а

[568] World Development Indicators: Science and Technology // World Bank Group [official site]. URL: http://wdi.worldbank.org/table/5.13# (date of access: 01.10.2018).

также определены страны, официально курирующие данные области. Так, в рамках БРИКС была установлена следующая специализация: вопросы глобального потепления, предотвращения и ликвидации последствий стихийных бедствий были закреплены за Бразилией; Россия стала куратором сотрудничества в области использования водных ресурсов и противодействия их загрязнению; Индия возложила на себя ответственность за совместную разработку пятью странами геопространственных технологий и соответствующих мобильных и компьютерных программных продуктов; Китай отныне курирует деятельность группы БРИКС по повышению энергоэффективности и более широкому использованию возобновляемой энергетики; ЮАР координирует сотрудничество «пятерки» в области астрономии[569].

На пятой встрече министров науки, технологий и инноваций БРИКС, проведенной 18 июля 2017 года в китайском городе Ханчжоу, стороны определили пять национальных исследовательских институтов[570], в обязанности которых будет входить налаживание тесной кооперации группы в пяти обозначенных выше областях[571]. Данные институты интегрированы в Сетевую платформу БРИКС по исследованиям и инновациям (англ. BRICS Research and Innovation Networking Platform) и призваны содействовать эффективной коммуникации между всеми заинтересованными сторонами, в том числе бизнес-структурами и академическим сообществом.

Кроме того, по итогам встречи в Ханчжоу министрами пяти стран был принят ряд важных решений, в том числе:

---

[569] First BRICS Science, Technology &Innovation Ministerial Meeting: Cape Town Declaration (10 February 2014). URL: http://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency1/BRICS%20STI%20CAPE%20TOWN%20COMMUNIQUE%20OF%2010%20FEBRUARY%202014.pdf (date of access: 01.10.2018).

[570] От Бразилии – Национальный центр мониторинга и раннего предупреждения природных катастроф (порт. Centro Nacional de Monitoramento e Alertas de Desastres Naturais, Cemaden), от России – Технологическая платформа по устойчивому экологическому развитию (англ. Technology Platform for Sustainable Ecological Development), от Индии – Национальная инфраструктура пространственных данных (англ. National Spatial Data Infrastructure), от Китая – Министерство науки и технологий (англ. Ministry of Science and Technology), от ЮАР – Национальный исследовательский фонд (англ. National Research Foundation).

[571] 5th BRICS Science, Technology & Innovation (STI) Ministerial Meeting: Hangzhou Declaration (18 июля 2017 г.): URL: https://www.brics2017.org/English/Headlines/201708/t20170804_1765.html; BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2017-2018): https://www.brics2017.org/English/Headlines/201708/t20170804_1764.html; BRICS Science, Technology and Innovation Work Plan 2015-2018 (adopted 28 October 2015, revised 18 July 2017):http://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20STI%20Work%20Plan%202015-2018%20%20revised%20Action%20Plan%202017-2018.pdf (date of access: 01.10.2018).

– об учреждении Форума молодых ученых БРИКС (координирующей стороной выступает Индия);

– о начале сотрудничества в области биотехнологий и биомедицины, включая такие узкие направления взаимодействия, как неврология (координаторами являются Россия и Бразилия);

– о сотрудничестве в области ИКТ и высокопроизводительных компьютерных вычислений (ответственные стороны – Китай и ЮАР);

– об инициировании совместных проектов в сфере океанических и полярных исследований (направление отнесено к ведению Бразилии и России);

– о кооперации в области материаловедения, включая нанотехнологии (координаторы – Индия и Россия);

– о сотрудничестве в фотонике (ответственными сторонами стали также Индия и Россия);

– о создании Рабочей группы по финансированию исследований в области науки, технологий и инноваций, а также Рабочей группы по исследовательской инфраструктуре БРИКС, в сферу интересов которой входят проекты мегасайенс;

– о создании Исследовательской инфраструктуры БРИКС (BRICS Global Research Advanced Infrastructure Network)[572].

Если говорить о конкретных приоритетных направлениях промышленно-инновационного сотрудничества России со странами БРИКС, то на сегодняшний день интересам развития отечественной экономики отвечают углубление связей с каждой из стран «пятерки» в следующих отраслях:

– с Китаем – в сфере ИКТ, медицины и фармацевтики, биотехнологий, совместном производстве оборудования для химической промышленности и микроэлектроники (Россия же может предложить КНР высококачественную продукцию военной и космической отраслей, новейшие разработки в медицине и атомной энергетики);

– с Индией – в топливно-энергетическом и транспортном комплексах,

[572] Там же.

металлургии, АПК, машиностроении, нефтехимии, ИКТ, медицине, фармацевтике и аэрокосмической отрасли;

– с Бразилией – в нефтегазовом секторе, традиционной и альтернативной энергетике, генной инженерии и биотехнологиях, медицине, военно-промышленном и аэрокосмическом комплексах, а также в области ИКТ;

– с ЮАР – в сфере ядерных исследований, фундаментальных наук, нано- и биотехнологий, технологий высокоскоростной обработки данных, астрономии[573].

Отечественные эксперты А.В. Соколов, С.А. Шашнов, М.Н. Коцемир и А.Ю. Гребенюк в целом выделяют следующие 14 направлений, по которым наблюдается пересечение или совпадение интересов группы БРИКС и которые пяти странам стоит совместно развивать:

– информационно-коммуникационные технологии;

– нанотехнологии и материалы нового поколения;

– передовые производственные технологии и робототехника;

– космические системы и астрономические наблюдения;

– транспортные системы;

– энергоэффективность и энергосбережение;

– ядерная энергетика;

– возобновляемые источники энергии;

– поиск, разведка, разработка и добыча полезных ископаемых;

– изменение климата, защита окружающей среды и борьба со стихийными бедствиями;

– водные ресурсы и их использование;

– продовольственная безопасность и устойчивое сельское хозяйство;

– здравоохранение и медицина;

– биотехнологии[574].

---

[573] См. подробнее: Шавина Е.В. Усиление инновационного сотрудничества России со странами БРИКС как основа дальнейшего экономического развития в условиях обострения геополитической обстановки // Экономика образования. 2015. № 1 (86). С. 7-9.

[574] Соколов А.В., Шашнов С.А., Коцемир М.Н., Гребенюк А.Ю. Определение приоритетов научно-технологического сотрудничества стран БРИКС // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4.

Отметим, что по многим из этих направлений сотрудничество уже налажено и поступательно развивается, в том числе усилиями руководителей профильных национальных ведомств и соответствующих рабочих групп, созданных на платформе БРИКС.

Еще одним перспективным направлением сотрудничества стран БРИКС в области высоких технологий является альтернативная энергетика. По данным Международного агентства по возобновляемым источникам энергии, на территории государств «пятерки» в 2017 году были сконцентрированы производственные мощности, вырабатывающие 910,2 ГВт энергии, или 41,8% от мировой энергии, генерируемой из возобновляемых источников. При этом на группу БРИКС приходилось суммарно 43,0% гидроэнергетических мощностей, 41,1% мощностей ветровой энергетики, 39,2% мощностей солнечной энергетики и 33,8% биоэнергетических мощностей (см. Таблицу 1).

По мнению исследователей данного вопроса, наиболее эффективными и рентабельными источниками альтернативной энергии в ближайшие годы будут солнечная энергия и энергия, получаемая из биомассы. В производстве последней среди стран БРИКС безоговорочно лидирует Бразилия (страна наряду с США и Канадой составляет тройку крупнейших в мире производителей биотоплива). Вместе с тем, Китай и Индия признаются экспертами в качестве наиболее перспективных игроков на рынке биоэнергетики[575]. Что касается солнечной энергетики, здесь первое место в «пятерке» отводится Китаю. В России же объемы производства энергии из возобновляемых источников пока находятся на низком уровне относительно Китая, Бразилии и Индии, что объясняется традиционной ориентацией нашей страны на получение ресурсной ренты от торговли энергоносителями и проистекающей отсюда низкой инновационной активностью в области альтернативной энергетики.

С. 56-57.

[575] Нижегородцев Р.М., Дудин М.Н., Лясников Н.В. Структурные преобразования в условиях формирования «зеленой» экономики: вызовы для бизнеса и стран БРИКС // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 8.

Таблица 1. Производство возобновляемой энергии в отдельных странах мира в 2017 году

	Возобновляемая энергетика		В том числе:							
			Гидроэнергетика		Ветровая энергетика		Солнечная энергетика		Биоэнергетика	
	ГВт	%	ГВт	%	ГВт	%	ГВт	%	ГВт	%
Мир	2179,1	100,0%	1270,5	100,0%	513,9	100,0%	390,6	100,0%	109,2	100,0%
Бразилия	128,3	5,9%	100,3	7,9%	12,3	2,4%	1,1	0,3%	14,6	13,4%
Россия	51,8	2,4%	51,6	4,1%	0,0	0,0%	0,0	0,0%	1,4	1,3%
Индия	106,3	4,9%	49,3	3,9%	32,9	6,4%	19,3	4,9%	9,5	8,7%
Китай	618,8	28,4%	341,2	26,9%	164,1	31,9%	130,6	33,4%	11,4	10,4%
ЮАР	5,0	0,2%	3,4	0,3%	2,1	0,4%	2,0	0,5%	0,0	0,0%
БРИКС	910,2	41,8%	545,8	43,0%	211,4	41,1%	153,0	39,2%	36,9	33,8%
Справочно:										
США	230,0	10,6%	102,1	8,0%	87,5	17,0%	42,9	11,0%	13,2	12,1%
Япония	82,7	3,8%	50,1	3,9%	3,2	0,6%	48,6	12,4%	2,1	1,9%
ЕС	445,5	20,4%	155,2	12,2%	169,2	32,9%	108,9	27,9%	36,0	33,0%

Источник: Renewable Capacity Statistics 2018 // IRENA Official site. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2018/Mar/IRENA_RE_Capacity_Statistics_2018.pdf (date of access: 01.10.2018).

Вместе с тем, стоит отметить, что страны БРИКС, невзирая на разные уровни технологического развития в плане возобновляемой энергетики, сегодня делают первые совместные шаги в деле развития альтернативной энергетики. Так, на X саммите БРИКС в Йоханнесбурге лидеры «пятерки» официально признали необходимость ускоренного перехода на использование возобновляемых источников энергии, в том числе для нужд теплоэнергетики, промышленности и транспорта. В целях углубления диалога в данной сфере было принято решение о создании Платформы энергетических исследований БРИКС и Платформы экологически чистых технологий БРИКС[576].

Гораздо интенсивнее, нежели в сфере использования возобновляемых источников энергии, развивается гуманитарное сотрудничество БРИКС. За последние 6 лет повестка дня «пятерки» была существенно дополнена вопросами взаимодействия в области здравоохранения и традиционной медицины, образования, культуры, СМИ, туризма, молодежи и спорта. В настоящее время на регулярной основе функционируют около 30 механизмов взаимодействия, включая встречи официальных представителей объединения, а также такие

[576] Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС (26 июля 2018 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/5323 (дата обращения: 01.10.2018).

многосторонние гражданские платформы, как Академический форум БРИКС, Гражданский форум БРИКС, Лига университетов и Сетевой университет БРИКС (учреждены в 2015 году на полях саммита в российской Уфе), Молодежный саммит БРИКС, Туристический конвент и молодежные Спортивные игры БРИКС.

В ходе китайского и южноафриканского председательств в БРИКС в 2017-2018 гг. был придан мощный импульс развитию образовательного сотрудничества пяти стран. Так, в сентябре 2017 года была запущена треть магистерских программ (7 из 21), запланированных в Сетевом университете БРИКС[577] (членство в нем имеет и Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова). Основные учебные программы данного многостороннего академического института формируются в рамках следующих направлений: экономика, энергетика, исследования стран БРИКС, информатика и информационная безопасность, изменение климата, использование водных ресурсов и борьба с загрязнением окружающей среды[578]. По итогам последней встречи министров и заместителей министров высшего образования и науки стран БРИКС в Кейптауне (ЮАР) в июле 2018 года была принята декларация об усилении кооперации в сфере образования. В числе прочего стороны договорились о создании рабочей группы по взаимному признанию дипломов и научных квалификаций[579]. Кроме того, на базе национальных вузов стран БРИКС сегодня создаются специализированные институты высшего образования, в которых слушатели осваивают как прикладные технические, так и гуманитарные специальности, охватывающие широкий перечень вопросов развития стран БРИКС в области инновационной экономики, энергетики, государственного администрирования, экологии и т.п. Одним из последних примеров такого рода

---

[577] См. подробнее информацию о Сетевом университете: Меморандум о создании Сетевого университета БРИКС (18 ноября 2015 г.). URL: http://nu-brics.ru/media/uploads/filestorage/documents/MoU_SU_BRICS.pdf; Статут о международных тематических группах Сетевого университета БРИКС (2 июля 2017 г.). URL: http://nu-brics.ru/media/uploads/filestorage/statute__1.pdf; Пекинская декларация по итогам 5-й встречи министров образования стран БРИКС (5 июля 2017 г.): http://nu-brics.ru/media/uploads/filestorage/beijing_declaration_1_1.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[578] Межгосударственное объединение БРИКС. Досье // ИА России «ТАСС» (02.09.2017). URL: http://tass.ru/info/1315743 (дата обращения: 01.10.2018).

[579] Страны БРИКС приняли декларацию о сотрудничестве в сфере образования // ИА России «ТАСС» (11.07.2018). URL: https://tass.ru/obschestvo/5364728 (дата обращения: 01.10.2018).

организаций стал Байкальский институт БРИКС, учрежденный на базе Иркутского национального исследовательского технического университета и принявший в сентябре 2018 года первых 40 студентов из России, Китая, Индонезии, Монголии, Нигерии и Египта[580].

Наконец, говоря о гуманитарном сотрудничестве стран БРИКС, нельзя не упомянуть и такие недавно созданные механизмы гражданской кооперации БРИКС в рамках «второго трека», как Фестиваль театральных школ и Фестиваль культур БРИКС, Форум «пятерки» по вопросам здоровья, Торговая ярмарка БРИКС. Все они в той или иной мере способствуют углублению культурного и – шире – гуманитарного диалога между нашими странами.

Основные выводы по итогам третьей главы диссертации:

1. Инструменты международного влияния стран БРИКС в нашем понимании соотносятся с ключевыми направлениями взаимодействия «пятерки». На сегодняшний день сотрудничество в рамках данного межгосударственного объединения строится вокруг решения ряда политических и экономических проблем, имеющих глобальное значение. Кроме того, стороны выстраивают линию на усиление комплексного научно-технического и гуманитарного партнерства, призванного дополнить правительственные контакты между государствами взаимодействием по линии деловых и научных сообществ, гражданских структур различного профиля, а также укрепить статус БРИКС как межцивилизационного альянса ответственных держав. Современный стратегический потенциал влияния группы БРИКС на мировую политику и международные отношения видится трехзвенным и включает политические, экономические, а также научно-технические и гуманитарные компоненты.

2. Приоритеты многостороннего сотрудничества в рамках БРИКС различны для пяти стран: Россия гораздо активнее стремится использовать потенциал объединения для обсуждения региональных политических проблем и урегулирования локальных конфликтов. Китай, ЮАР и Бразилия в ходе своих

[580] В Байкальский институт БРИКС поступили 40 студентов из России, стран Азии и Африки // Сибирские новости (22.09.2018). URL: http://www.snews.ru/news/v-baykalskiy-institut-briks-postupili-40-studentov-iz-rossii-stran-azii-i-afriki (дата обращения: 01.10.2018).

председательств в диалоговом формате «пятерки» уделяют политическим вопросам меньше внимания, при этом Китай в большей степени, нежели остальные партнеры по объединению, использует возможности экономического проникновения в разные макрорегионы мира через механизмы «аутрич» и «БРИКС+», апробированные на платформе БРИКС. Индия же, очевидно, является наиболее политически отстраненной в группе.

3. Основные направления политического взаимодействия членов БРИКС, порождающие соответствующие инструменты влияния данного форума на мировые процессы, включают, во-первых, выработку странами-участницами совпадающих или, по крайней мере, непротиворечивых позиций по широкому перечню политических проблем и последующую артикуляцию таких позиций путем голосования в Совете Безопасности ООН и Генеральной Ассамблее ООН; во-вторых – проведение совместных морских и сухопутных военных учений (в том числе контртеррористических), а также участие экспертов и вооруженных сил пяти стран в миротворческих миссиях ООН; в-третьих – консолидацию усилий в борьбе с глобальными вызовами и угрозами международной и национальной безопасности, такими как международный терроризм, морское пиратство и разбой, наркоторговля, угрозы информационной безопасности, неконтролируемые транснациональные миграционные потоки.

4. Инструментами экономического влияния БРИКС на мировую политику являются последовательное отстаивание пятью странами в рамках многосторонних институтов идеи серьезного реформирования существующей международной финансово-экономической архитектуры, а именно системы распределения квот и голосов в Бреттон-Вудских институтах (МВФ и Всемирном банке), а также системы формирования управленческих структур в указанных международных организациях и ВТО; собственные финансовые механизмы БРИКС (Новый банк развития и Пул условных валютных резервов БРИКС), созданные как реакция объединения на замедление реформы системообразующих многосторонних институтов управления мировыми экономическими процессами; прочие экономические инициативы стран БРИКС, призванные укрепить их торгово-

инвестиционное сотрудничество и позиции национальных валют в мировой экономике (в частности, осуществление двусторонних валютных свопов и инициативы по созданию Банка международных расчетов БРИКС, Рейтингового агентства БРИКС, Единой платежной системы БРИКС, Фонда суверенных облигаций в национальных валютах стран БРИКС).

5. Гуманитарное и научно-техническое сотрудничество «пятерки» на сегодняшний день направлено скорее внутрь объединения, нежели вовне, и призвано усилить протекающие в нем интеграционные процессы, а также продемонстрировать уважение народов, населяющих пять стран, к культуре и достижениям друг друга. Стремление членов БРИКС выступать в качестве передовых высокотехнологичных и экологически ответственных держав повышает их значимость и политический вес в глазах мировой общественности. Кроме того, совместные гуманитарные инициативы пяти стран подпитывают межцивилизационный статус БРИКС, а в перспективе могут привлечь к сотрудничеству с данным объединением и другие государства, заинтересованные во взаимном обогащении культур и обеспечении совместного устойчивого развития.

В четвертой главе диссертации будет определено глобальное значение БРИКС для трансформации мирового порядка, тенденции эволюции данного диалогового формата и его место во внешнеполитической стратегии Российской Федерации.

Глава IV. БРИКС как катализатор трансформации мирового порядка и один из векторов российской внешней политики

4.1. Стратегический потенциал БРИКС для трансформации мирового порядка и перспективы эволюции объединения

Мы проанализировали ресурсные основания позиционирования стран-участниц БРИКС в качестве центров силы современного мира и великих держав регионального или глобального уровня. В рамках настоящего исследования также были изучены политические, экономические, научно-технические и гуманитарные инструменты международного влияния группы БРИКС как относительно самостоятельного геополитического игрока, с действиями которого другими акторам мировой политики сегодня трудно не считаться. Совокупность рассмотренных выше инструментов влияния, будучи задействованной должным образом, способствует превращению аккумулированного потенциала влияния «пятерки» в реальный политический вес на международной арене. Остается ответить на следующий вопрос: какова роль БРИКС в современном мире? Какое значение этот формат межгосударственного сотрудничества имеет сегодня для трансформации мирового порядка, который, как мы отмечали выше, тяготеет к полицентричности (при этом мощными центрами силы в перспективе могут стать как все пять стран БРИКС по отдельности, так и группа БРИКС как коалиция государств – в случае, конечно, если стороны смогут преодолеть существующие между ними разногласия, а сам форум пойдет по пути ускоренной институционализации). Попробуем разобраться в этой проблеме.

За последнее десятилетие как российскими, так и иностранными учеными-международниками, а также видными политиками и государственными деятелями было предложено множество трактовок БРИКС. Некоторые определения данного феномена дополняют друг друга и позволяют лучше понять природу БРИКС – другие, напротив, создают почву для непрекращающихся споров относительно статуса и значения БРИКС для глобального мира.

Чаще всего группу БРИКС квалифицируют как неформальный клуб по

интересам пяти стран[581], форум развивающихся экономик[582], «межгосударственную институциональную структуру сотрудничества, не достигающую уровня международной межправительственной организации»[583], международную квазиорганизацию[584]. Достаточно часто БРИКС определяют и как международную организацию, с чем мы, однако, не согласны: если опираться на положения Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года или Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года[585], то можно с уверенностью сказать, что БРИКС не обладает чертами международной межправительственной организации, поскольку не обладает самостоятельной правосубъектностью, не имеет устава и критериев членства, а потому не может выступать в качестве одной из сторон международных отношений.

В научной литературе встречаются и другие, более частные трактовки феномена БРИКС. Российские исследователи определяют БРИКС как «объединение стран – объективных лидеров в различных макрорегионах мира, претендующих на укрепление своего голоса в решении международных проблем»[586]; как «диалоговый формат» и «группу стран догоняющего развития, приступивших на исходе XX века к осуществлению масштабных модернизационных преобразований и настойчиво стремящихся существенно нарастить свое влияние в международной системе»[587]; как олицетворение

---

[581] Кузнецов А. Транснациональные корпорации стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 3.

[582] Сторчак С.А. «Пора договориться о прекращении расширения тематики, с которой работает БРИКС» (интервью) // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 2 (113). С. 13.

[583] Шинкарецкая Г.Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 145.

[584] Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. БРИКС – международная квазиорганизация? Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве / отв. ред. К.М. Беликова. М., 2012. С. 9-15; Алексеенко О.А., Ильин И.В. БРИКС как новая форма полицентричности мирового порядка // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 12 (299). С. 36–37.

[585] Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (подготовлена Комиссией международного права ООН, подписана в Вене (Австрия) в 1986 году). URL: http://base.garant.ru/2541089/ (дата обращения: 01.10.2018); Венская конвенция о праве международных договоров (подготовлена Комиссией международного права ООН, подписана в Вене (Австрия) в 1969 году). URL: un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawtreat.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[586] Панова В.В. БРИКС: проблемы взаимодействия и потенциал сотрудничества // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2013. № 1 (276). С. 41.

[587] Гаман-Голутвина О.В. Феномен БРИКС как попытка ответа на вызовы глобальной конкуренции // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: научное издание / Под ред. О.В.

политической воли и экономической силы пяти стран[588].

Кроме того, БРИКС понимается и как «диалоговый формат равноправных государств»[589], и как межцивилизационный союз[590], и как практическое воплощение принципов многополярности и сетевой дипломатии в международных отношениях[591], и как феномен альтернативного, «мягкого» и трансграничного регионализма[592]. В.Б. Луков определил БРИКС в качестве «альянса реформаторов», нацеленных на ненасильственное переустройство основных международных институтов (в первую очередь МВФ, Группы Всемирного банка и ВТО)[593]. Г.А. Дробот предложила уникальную, выходящую за рамки межгосударственного объединения, трактовку феномена БРИКС как «международно-политического пространства», находящегося на стадии формирования[594]. Интересные оценки формату «пятерки» дали во время китайского председательства в объединении высокопоставленные официальные лица КНР. Так, на VIII саммите БРИКС в индийском штате Гоа китайский лидер Си Цзиньпин заявил, что видит в БРИКС «сообщество передовых совместных действий»[595], а несколько позднее, в феврале 2017 года, член Государственного Совета КНР Ян Цзечи назвал БРИКС «движущей силой демократизации международных отношений»[596].

Наиболее емкое и лаконичное определение БРИКС предложила, на наш взгляд, профессор М.В. Ларионова, отнеся объединение пяти стран к числу

Гаман-Голутвиной. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 483.

[588] Ягья В.С., Чуков Р.С., Парфененок Н.Л. БРИКС: Эволюция и конвергенция сил // Вестник Российского университета международных отношений. Серия «Международные отношения». 2016. Т. 16. № 1. С. 7.

[589] Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 98–99.

[590] Толорая Г.Д. БРИКС И ШОС: соотношение и взаимодействие новых механизмов глобального управления // Международная аналитика. 2015. № 2 (12). С. 99.

[591] Рябков С.А. «Видим в БРИКС потенциал постепенной трансформации в полноценную межгосударственную структуру» (интервью) // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 2 (113). С. 19; Рябков С.А. БРИКС: общность подходов и конкретика дел // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 8; Лавров С.В. БРИКС – глобальный форум нового поколения // Международная жизнь. 2012. № 3. С. 3.

[592] Михайленко Е.Б. Альтернативный регионализм БРИКС // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 155. № 11 (3). С. 199, 202.

[593] Луков В.Б. БРИКС – фактор глобального значения // Международная жизнь. 2011. № 6. С. 32.

[594] Дробот Г.А. БРИКС как международно-политическое пространство // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2015. № 3–4. С. 33–35.

[595] Китай выступает с инициативой об открытой модели сотрудничества «БРИКС+» // «Жэньминь жибао» онлайн (03.03.2017). URL: http://russian.people.com.cn/n3/2017/0303/c31518-9185145.html (дата обращения: 01.10.2018).

[596] Член Госсовета КНР: формат БРИКС стал важным фактором развития мировой экономики // ИА России «ТАСС» (23.02.2017). URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4047309 (дата обращения: 01.10.2018).

«многосторонних институтов высшего уровня», или институтов «клубного типа», наряду с Группой семи, Группой двадцати и форумом АТЭС (отличительные черты таких институтов были рассмотрены нами выше)[597].

Помимо международно-правового статуса и сущностных черт форума БРИКС, фактором, определяющим его роль в трансформации существующего мирового порядка, является, по нашему мнению, характер взаимодействия с иными транснациональными политическими институтами. Опираясь на классификации моделей взаимодействия многосторонних институтов высшего уровня друг с другом и международными организациями, представленные исследователями М.В. Ларионовой, А.В. Шелеповым, Дж. Киртоном, Э. Кокотсис и некоторыми другими авторами[598], отметим, что группа БРИКС традиционно выстраивала взаимодействие с иными негосударственными акторами мировой политики на основе модели «каталитического воздействия» в попытках содействовать позитивным сдвигам в международных процессах без конфронтации с существующими институтами. Вместе с тем, в 2015 году с учреждением Нового банка развития и Пула условных валютных резервов «пятерка» перешла к частичному взаимодействию с международными институтами, основанному на принципах «параллельного управления». Не стоит, однако, полагать, что в скором времени эта модель взаимодействия сведет на нет модель «каталитического воздействия», поскольку, как мы отмечали выше, ни НБР, ни Пул условных валютных резервов БРИКС не призваны стать противовесом Бреттон-Вудским институтам, а напротив, нацелены на сотрудничество с ними. С учетом того, что модели взаимодействия «клубных форматов» являются динамичными, стоит ожидать постепенного перехода в рамках БРИКС от модели «параллельного управления» к усиленной за счет НБР и

---

[597] Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 115.

[598] Сами модели были приведены нами в параграфе 1.2 настоящей диссертации. См. подробнее: Шелепов А.В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 4. С. 7–28; Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 115-116.

Пула условных валютных резервов БРИКС модели «каталитического воздействия», а также к модели «управления в союзе с многосторонними организациями».

Следует также сказать несколько слов отдельно о взаимодействии двух ключевых диалоговых форматов современности с участием Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР – группы БРИКС и «Большой двадцатки». Поскольку повестка дня обоих механизмов отчасти пересекается, странам БРИКС целесообразно позиционировать формат «пятерки» не как соперника и конкурента G20 за влияние на мировую политику, а как партнера, поскольку синергетический эффект от сложения их потенциалов может оказать критическое значение на процесс реформирования системы глобального управления в первой половине XXI века. О выгодах сотрудничества БРИКС и G20 говорит, например, исполнительный директор НКИ БРИКС Г.Д. Толорая. Эксперт подчеркивает использование данными межгосударственными объединениями различных подходов к осуществлению своей деятельности: группа БРИКС ориентируется на решение отдельных международно-экономических проблем с использованием проектного подхода, «Группа двадцати» же, напротив, нацелена на управление экономическими процессами в целом, а потому синтез их деятельности вполне и возможен и желателен[599]. Подобной точки зрения придерживается и шерпа Российской Федерации в G20 С.В. Лукаш[600].

В чем же заключается глобальное значение БРИКС для современного мира? Оценки видных государственных деятелей, экономистов и политологов России и других стран в этом отношении существенно разнятся. Профессор Университета Торонто Дж. Киртон, обобщив труды целой когорты исследователей данного вопроса (преимущественно зарубежных), выделил ряд принципиально отличных друг от друга точек зрения на форум БРИКС, в соответствии с которыми последний признается либо неудачной инициативой пяти стран, обреченной на

[599] Толорая Г.Д., Чуков Р.С. БРИКС и G20: возможности для взаимодействия (11.07.2017). URL: http://rethinkingrussia.ru/2017/07/брикс-и-g20-возможности-для-взаимодейст/ (дата обращения: 01.10.2018).
[600] Шерпа России: объединения БРИКС и G20 должны сотрудничать на пользу мира // РИА Новости (25.10.2016). URL: https://ria.ru/economy/20161025/1479950356.html (дата обращения: 01.10.2018).

провал, либо краткосрочным «показным» проектом, либо конкурентом G7 и G20, либо партнером указанных диалоговых форматов, либо реальной силой, способной вызвать позитивные сдвиги в системе глобального управления[601]. Что касается российского научного дискурса, то и здесь выделяются полярные мнения относительно глобальной роли БРИКС – от достаточно сдержанных замечаний об объективной неготовности группы в настоящее время принять на себя глобальную ответственность[602] до смелых гипотез о том, что западные державы в ближайшем будущем могут стать «задним двором БРИКС», если не пересмотрят политику санкций в отношении Российской Федерации[603].

Принципиально важным видится вопрос выстраивания отношений группы БРИКС с коллективным Западом. Большинство исследователей из стран «пятерки» (и мы с ними солидарны) убеждены в том, что единственно возможный сценарий долгосрочного существования данного форума с выгодой для стран-участниц предполагает неконкурентное взаимодействие с США, Евросоюзом их стратегическими партнерами. К числу убежденных сторонников сотрудничества с Западом, например, относятся Г.Д. Толорая, вице-президенты фонда Observer (член СЭЦ БРИКС) С. Саран и Н. Унникришнан, бразильский исследователь и государственный деятель М. Дего, руководитель Института гуманитарных и социальных наук ЮАР (член СЭЦ БРИКС) А. Ситас, замминистра иностранных дел России С.А. Рябков, директор ИЛА РАН В.М. Давыдов[604].

Представляется, что группа БРИКС с учетом имеющихся в ее распоряжении политических, экономических и гуманитарных инструментов международного влияния будет играть одну из ключевых ролей в трансформации существующего

---

[601] Киртон Дж. Анализ причин успешности саммитов БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 10-13.

[602] Ильин И. В., Леонова О. Г., Алексеенко О. А. БРИКС как общий знаменатель стратегических приоритетов // Международная жизнь. 2016. № 8. С. 123.

[603] Манойло А.В. Итоги уфимских саммитов БРИКС и ШОС: если Запад не пересмотрит свою политику, он рискует стать задним двором БРИКС // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 3 (28). С. 11.

[604] Рябков С.А. БРИКС: общность подходов и конкретика дел // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 5–10; Давыдов В.М. БРИКС как фактор становления полицентричного режима международных отношений // Международная жизнь. 2011. № 5. С. 95–104; БРИКС не должен быть антизападным форматом сотрудничества, считают эксперты // РИА Новости (14.06.2017). URL: https://ria.ru/economy/20170614/1496447956.html (дата обращения: 01.10.2018); Аналитик: БРИКС намерен изменить правила, по которым управляется мир // РИА Новости (28.01.2016). URL: https://ria.ru/world/20160128/1366474063.html (дата обращения: 01.10.2018).

мирового порядка. С учетом ориентации пяти стран на взаимовыгодное взаимодействие с западными странами и ненасильственный, нерадикальный характер декларируемых БРИКС преобразований, можно предположить, что «пятерка» постепенно, естественным образом будет заполнять вакуум силы, образующийся по мере того, как влияние США в мире ослабевает (этот процесс, вероятно, затянется на десятилетия). Страны БРИКС не ставят перед собой задачу разрушить до основания существующую систему международных институтов и фундаментально трансформировать мировой порядок с тем, чтобы взять на себя исключительную инициативу по формированию глобальной повестки дня. Вместе с тем, участники объединения не желают мириться с отведенной им западными странами ролью исполнителей правил мирового общежития – они нацелены на участие наряду с развитыми государствами в разработке таких правил[605]. Реформирование системы управления мировой экономикой, консолидация усилий развитых и развивающихся стран для ответа на глобальные вызовы современности, обеспечение международной безопасности с опорой на ООН и международное право, изменение баланса сил на международной арене с повышением политического веса Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР – таким целям отвечает существование и функционирование диалоговой платформы пяти государств.

Фундаментальное значение БРИКС также может заключаться в выработке пятью странами при содействии всех заинтересованных сторон принципиально новой модели мирового социально-экономического развития, способной стать альтернативой «Вашингтонскому консенсусу» и основанной на тесном партнерстве государства и частного сектора, более справедливом распределении экономических благ, совместном устойчивом развитии с учетом экологических императивов современности[606].

Кроме того, благодаря усилиям стран БРИКС в отдельных регионах мира создается так называемая внеамериканская зона взаимодействия – дисперсный

---

[605] Толорая Г.Д. БРИКС на пути к межцивилизационному союзу? // Российская Газета (25/08/2017). URL: https://rg.ru/2017/08/25/kakovy-perspektivy-sammita-briks.html (дата обращения: 01.10.2018).
[606] Толорая Г.Д. Зачем России БРИКС? // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 1. С. 74.

геополитический ареал, в котором государства могут вести самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику с опорой на национальные интересы и без учета императивов, выдвигаемых США и другими западными странами[607]. Процесс формирования данного ареала уже наблюдается на пространстве ШОС, в Латинской Америке (пока в основном в странах Боливарианского союза), некоторых областях Ближнего Востока – в регионах, в политико-экономические процессы которых все активнее вовлекаются страны БРИКС. При этом следует учитывать, что внеамериканская зона взаимодействия никоим образом не формализована и не имеет четких границ, а страны, входящие в нее, не стремятся к конфронтации с Западом. О.Г. Леонова утверждает, что формирование довольно большой по размерам внеамериканской зоны взаимодействия приведет к размежеванию мировой арены два ареала – на территории, находящиеся под влиянием США, и территории, входящие в зону влияния БРИКС[608]. В случае такого геополитического размежевания БРИКС имеет все шансы состояться как центр силы глобального мира.

Анализ места и роли БРИКС в меняющемся мире был бы неполным без учета основных направлений эволюции данного межгосударственного объединения в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В преддверии IX саммита БРИКС в китайском Сямэне министр иностранных дел КНР Ван и заявил журналистам, что «пятерка» стран вступает по второе «золотое десятилетие» многостороннего сотрудничества[609]. Какими же будут эти предстоящие десять лет для БРИКС? Пойдет ли группа по пути ускоренного институционального оформления, экономической интеграции, формирования политического союза, расширения? На эти вопросы мы постараемся ответить ниже.

У российских исследователей нет единого понимания того, в какую сторону сегодня движется БРИКС, а потому в научной литературе за годы существования

---

[607] Леонова О.Г. БРИКС – внеамериканская зона взаимодействия // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 1 (300). С. 26.

[608] Ильин И. В., Леонова О. Г., Алексеенко О. А. БРИКС как общий знаменатель стратегических приоритетов // Международная жизнь. 2016. № 8. С. 129.

[609] Сямэньский саммит – основа «золотого десятилетия» сотрудничества БРИКС // Международное радио Китая (31.08.2017). URL: http://russian.cri.cn/news/Comment/383/20170831/22178.html (дата обращения: 01.10.2018).

объединения были сформулированы несколько сценариев трансформации БРИКС до 2030 года. Исполнительный директор НКИ БРИКС Г.Д. Толорая в 2013 году предложил три модели развития формата «пятерки» в обозримом будущем[610]. Первая модель предполагает сохранение текущей динамики функционирования форума, количества механизмов многостороннего взаимодействия и главным образом экономической повестки дня. Вторая базовая модель эволюции БРИКС постулирует постепенное угасание диалогового формата, сведение его работы исключительно к ежегодным саммитам и встречам высокопоставленных чиновников, носящим формальный характер и проводимым по дипломатическим соображениям ради создания информационных поводов для мировых СМИ. Наконец, третья модель предполагает трансформацию группы БРИКС в полноформатный механизм многостороннего сотрудничества по широкому кругу вопросов мировой политики и экономики (вероятнее всего, с институциональным оформлением форума БРИКС).

На основе трех указанных выше парадигм развития «пятерки» российский исследователь вопроса И.Б. Ардзинба сформулировал пять более конкретных сценариев эволюции объединения, обозначенных им следующим образом: распад, формальное существование, инерционное развитие, укрепление объединения (сценарий предусматривает развитие БРИКС либо в качестве альянса реформаторов международной финансово-экономической архитектуры, либо в качестве реформаторов системы международных отношений в целом), обретение группой БРИКС межцивилизационного статуса[611]. При этом модель эволюции, при которой БРИКС будет иметь решающее значение для существующей системы управления мировыми экономическими процессами, а также инерционная модель представляются автору наиболее вероятными, в то время как негативный сценарий («распад») и модель форсированного развития объединения с обретением им межцивилизационного статуса видятся наименее вероятными.

В нашем представлении форум БРИКС в краткосрочной перспективе (в

[610] БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития. М.: РУДН, 2013. С. 8-9.
[611] Ардзинба И.Б. Будущее группы БРИКС глазами экспертного сообщества // Международная жизнь. 2014. № 3. С. 149–168.

ближайшие 3-5 лет) будет развиваться в соответствии со сценарием «БРИКС как альянс реформаторов международной финансово-экономической архитектуры», а в среднесрочной перспективе (до 2030 года) при условии устранения существующих между странами разногласий по вопросу реформирования Совета Безопасности ООН и урегулирования конфликта между Китаем и Индией (или, по крайней мере, его замораживания) в основе трансформации объединения будет лежать модель альянса реформаторов системы международных отношений.

Рассмотрим подробнее некоторые наиболее важные аспекты эволюции БРИКС. Что касается перспектив институционализации объединения, то здесь все не так однозначно. Мы отвечали выше, что БРИКС на сегодняшний день не является международной правительственной организацией, поскольку не обладает правосубъектностью, не имеет учредительного договора и постоянно действующего секретариата. Таким образом, строго говоря, БРИКС является неформализованным политическим институтом. Вместе с тем, если опираться на типологию моделей институционализации БРИКС, предложенную главным научным сотрудником Института экономики РАН Б.А. Хейфецом, то процесс институционализации объединения был запущен еще на первом саммите БРИК в 2009 году. Автор выделяет следующие модели институционального развития «пятерки», не являющиеся взаимоисключающими:

– первая, консервативная, модель заключается в постепенном расширении перечня направлений и механизмов многостороннего сотрудничества государств-членов БРИКС и в настоящее время является преобладающей в рамках объединения;

– вторая модель институционализации предполагает углубление двусторонних связей между участниками форума и внедрение передовых двусторонних практик на пространстве БРИКС с целью создания новых многосторонних форматов сотрудничества;

– третья модель подразумевает консолидацию усилий пяти стран на полях других международных политических институтов, участниками которых они являются, и заимствование положительного опыта для усиления кооперации в

рамках БРИКС;

– четвертая модель предполагает учреждение партнерами по БРИКС собственных институтов, которые способствовали бы развитию объединения[612].

На сегодняшний день институциональное оформление БРИКС протекает преимущественно в соответствии с первой и четвертой моделями (мощный импульс последней был придан с учреждением Нового банка развития и Пула условных валютных резервов в 2015 году). Конечно, перспективы трансформации БРИКС в международную организацию с соответствующим правовым статусом не раз становились предметом научных изысканий российских и зарубежных ученых. Формализация БРИКС имеет как плюсы, так и минусы для развития объединения. С одной стороны, правовое закрепление диалогового формата БРИКС в качестве международной правительственной организации способствовало бы повышению легитимности решений, принимаемых на саммитах «пятерки», а также придавало бы таким решениям обязывающий с точки зрения международного права характер. Кроме того, как полагает Г.Д. Толорая, институционализация объединения создала бы предпосылки для включения группы БРИКС как самостоятельного участника в состав «Группы двадцати» по примеру Европейского союза или даже создания нового международного политического института при участии БРИКС на основе существующего диалогового формата G7 (перспективы последнего проекта нам представляются весьма сомнительными)[613]. С другой стороны, формализация БРИКС привела бы к бюрократизации объединения, что негативно сказалось бы на эффективности его деятельности.

Несмотря на уже предпринятые шаги по «мягкой» институционализации межгосударственного объединения БРИКС и существующую экспертную поддержку создания в рамках «пятерки» хотя бы минимальных координирующих структур[614], говорить о скором превращении БРИКС в международную

[612] Хейфец Б.А. Перспективы институционализации БРИКС // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 25–42.
[613] Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 103.
[614] Толорая Г.Д. БРИКС – союз реформаторов // БРИКС: сотрудничество в целях развития. Образование. Наука.

организацию пока не приходится. По словам заместителя министра иностранных дел России С.А. Рябкова, это «вопрос не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня»[615].

Еще один важный аспект трансформации БРИКС – перспективы создания пятью странами интеграционного экономического объединения. Отметим, что довольно часто в академической литературе межгосударственное объединение БРИКС описывается как интеграционное, что не соответствует действительности. Государства «пятерки» являются участниками интеграционных объединений в своих макрорегионах: Россия – член ЕЭАС, Индии – СААРК, Бразилия – МЕРКОСУР, ЮАР – ЮАТС и САДК, Китай – партнер по диалогу АСЕАН+3. Стороны, помимо этого, имеют действующие соглашения о преференциальной торговле с рядом стран и интеграционных объединений, заключенные в том числе с интеграционными экономическими объединениями, в которые входят партнеры по группе БРИКС[616]. Так, например, Бразилия в качестве участника общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР) с 2004 года имеет преференциальное торговое соглашение с Индией, а в 2016 году вступило в силу и соглашение с ЮАТС, действительным членом которого является Южно-Африканская Республика. Кроме того, с 2015 года ведутся переговоры о подписании преференциальных торговых соглашений между Индией и ЮАТС, а также между Китаем и ЮАТС.

Вместе с тем, полноценных двусторонних соглашений о создании таможенных союзов, зон свободной торговли и тем более валютных или экономических союзов с одной или несколькими странами БРИКС не имеет ни одно из пяти государств. Трудности на пути к экономической интеграции «пятерки» обусловлены как негативными факторами внешней торговли, описанными подробно во второй главе диссертации, так и ограничениями на

Бизнес: материалы V междунар. науч. конф., 4 июня 2015 г. М.: РУДН, 2016. С. 7.

[615] Рябков С.А. «Видим в БРИКС потенциал постепенной трансформации в полноценную межгосударственную структуру» (интервью) // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 2 (113). С. 18.

[616] См. список преференциальных торговых соглашений стран БРИКС: Participation in Regional Trade Agreements // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/rta_participation_map_e.htm (date of access: 01.10.2018).

принятие странами БРИКС решений о создании между ними зон свободной торговли, накладываемыми их действительным членством в региональных интеграционных объединениях.

Заключение соглашений о свободной торговле между двумя или более странами БРИКС могло бы принести очевидные выгоды их подписантам (особенно перспективными эксперты считают двусторонние соглашения между Китаем и Бразилией, а также Индией и Россией)[617], однако маловероятно, что такие документы будут подписаны в ближайшие несколько лет. Ввиду невозможности осуществления данного сценария в краткосрочной и среднесрочной перспективе главный экономист ЕАБР Я. Лисоволик предложил сместить акцент с полномасштабной экономической интеграции пяти стран и либерализации их торговли на расширение торгово-инвестиционных связей с другими государствами – партнерами «пятерки» по интеграционным объединениям (ЕАЭС, САРК, ЮАТС, МЕРКОСУР и АСЕАН + Китай) и прочими государствами и региональными блоками, являющимися экономическими партнерами указанных выше интеграционных объединений[618]. Такое сотрудничество могло бы заполнить вакуум в экономических связях группы БРИКС с иными развивающимися государствами посредством интенсификации торговли и инвестиций, валютно-финансового сотрудничества, согласования позиций при формировании повестки дня на полях международных организаций (таких как МВФ, ВТО и Всемирный банк), налаживании кооперации с национальными и многосторонними банками развития при координирующей роли НБР. Глобальное значение данной экономической инициативы заключается в том, что она позволила бы развивающимся странам мира уйти от центр-периферийной модели экономической глобализации к децентрализованной модели, в которой такая дихотомия отсутствует[619].

---

[617] Арапова Е.Я. Перспективы экономической интеграции в формате БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. Т. 2016. № 2. С. 36–37.

[618] Лисоволик Я.Д. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? // Официальный сайт международного дискуссионного клуба «Валдай» (Валдайская записка № 69, июль 2017 г.). URL: http://ru.valdaiclub.com/files/16603/ (дата обращения: 01.10.2018).

[619] Шилян Ш. БРИКС+ и изменение структуры глобального управления // Международный дискуссионный клуб

Третий важный аспект эволюции БРИКС – изменение повестки дня объединения с преобладанием в ней экономических, политических или гуманитарных проблем. Полагаем, что в среднесрочной перспективе повестка дня «пятерки» продолжит носить преимущественно финансово-экономический характер, однако ее дополнение за счет политических и гуманитарных вопросов сотрудничества – процесс закономерный и, на наш взгляд, неизбежный. Представляется, что политизация группы БРИКС в большей степени отвечает интересам России и в меньшей – остальным членам объединения. При этом перспективы создания на платформе БРИКС военно-политического союза исключены[620]. Расширение же гуманитарной повестки дня целесообразно с точки зрения наращивания «пятеркой» БРИКС как коллективным игроком на мировой арене потенциала «мягкой силы».

Что касается конкретных перспективных направлений взаимодействия участников БРИКС, которым на сегодняшний день уделяется недостаточно внимания, следует выделить сотрудничество в деле выработки или пересмотра общих принципов и правил поведения стран мира в общих пространствах (ближнем и дальнем космосе, открытом море, сети Интернет, Арктике и Антарктике) с учетом новых вызовов, стоящих перед человечеством. Также большим потенциалом для развития многосторонней кооперации стран БРИКС обладают «голубая» экономика (связанная с комплексным использованием экономических и рекреационных возможностей, предоставляемых акваторией Мирового океана)[621], горнорудная промышленность, металлургия, энергетическое и транспортное машиностроение, сфера продовольственной и информационной безопасности, высоких технологий, культура, туризм, образование и наука, спорт,

---

«Валдай» (29.08.2017). URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-globalnoe-upravleniye/ (дата обращения: 01.10.2018).

[620] См.: БРИКС: Глобальные проблемы от Форталезы к Уфе (материалы круглого стола) // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 2. С. 105; Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

[621] Российская экономика уже ощущает влияние финансовых институтов БРИКС? // ИА REGNUM (28.08.2017). URL: https://regnum.ru/news/2314743.html (дата обращения: 01.10.2018); Синяя экономика – новая сфера сотрудничества стран БРИКС // Газета «Жэньминь Жибао онлайн» (05.09.2017). URL: http://russian.people.com.cn/n3/2017/0905/c31518-9264683.html (дата обращения: 01.10.2018).

развитие институтов гражданского общества[622].

Наконец, целесообразно сказать несколько слов о перспективах изменения числа участников объединения БРИКС. Несмотря на то, что ряд стран мира проявляет неподдельный интерес к форуму БРИКС (например, Турция, Аргентина, Индонезия, Бангладеш, Кения, Мексика, Египет, Иран, Нигерия стремятся либо присоединиться к «клубному формату», либо наладить с ним тесное взаимовыгодное сотрудничество)[623], расширение группы в ближайшие несколько лет вряд ли состоится. Во-первых, еще на саммите БРИКС в Форталезе (Бразилия) в 2014 году стороны согласились о введении бессрочного моратория на принятие в состав форума новых членов. Во-вторых, как отметил на последнем саммите в Йоханнесбурге в июле 2018 года президент России В. Путин, на сегодняшний день совместно выработаны форматы взаимодействия «БРИКС+» и «аутрич», которые демонстрируют хорошую эффективность с точки зрения налаживания группой БРИКС коммуникаций с третьими странами. Лидеры «пятерки» условились, что будут пока использовать именно эти форматы, с тем чтобы расширять зону влияния БРИКС, вовлекать в орбиту их деятельности дружественные государства, разделяющие принципы, ценности и идеалы данного объединения[624].

4.2. Место группы БРИКС во внешнеполитической стратегии России

Несомненно, наиболее полное представление о месте группы БРИКС в

---

[622] Алексеенко О.А., Ильин И.В. Роль и место БРИКС в процессе формирования полицентричной модели современного мироустройства // Глобальные процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества: тез. докл. IV междунар. науч.-практич. конф. Под редакцией И.В. Ильина. 24 – 26 мая 2016 г. Москва, 2016. С. 21–23.

[623] «Добавьте букву «Т»: как Турция попросилась в БРИКС // Газета.ру (29.07.2018). URL: https://www.gazeta.ru/business/2018/07/29/11875933.shtml; Бангладеш хочет присоединиться к БРИКС и ШОС // Sputnik Узбекистан (01.06.2017). URL: http://ru.sputniknews-uz.com/world/20170601/5536437/bangladesh-hochet-v-shos.html; Взаимодействие БРИКС с Индонезией // Официальный сайт Национального комитета по исследованию БРИКС (11.03.2017). URL: http://www.nkibrics.ru/posts/show/58c3f4786272697eb41c0000; БРИКС станет больше: Индонезия - на очереди // Экономика Сегодня (20.08.2015). URL: https://rueconomics.ru/89086-briks-stanet-bolshe-indoneziya-na-ocheredi; Кения надеется на вступление в БРИКС // РИА Новости (21.06.2016). URL: https://ria.ru/world/20160621/1449483710.html; Президент Аргентины надеется на интеграцию своей страны в БРИКС // РИА Новости (11.09.2015). URL: https://ria.ru/world/20150911/1242812177.html; Аргентина заявила о готовности рассмотреть приглашение в БРИКС // ВЗГЛЯД (13.04.2016). URL: https://vz.ru/news/2016/4/13/805146.html; Рябков: расширение БРИКС не стоит на повестке дня объединения // ИА России «ТАСС» (23.02.2017). URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4047962 (дата обращения: 01.10.2018).

[624] Пресс-конференция по итогам саммита БРИКС [в Йоханнесбурге, ЮАР] // Официальный сайт Президента России (27.08.2018). URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58119 (дата обращения: 01.10.2018).

современном мире невозможно без анализа роли, которую данный диалоговый формат играет в российской внешней политике. С учетом того, что наша страна в 2014 году в связи с событиями на Украине и референдумом в Крыму вступила в затяжную фазу конфронтации с США и их партнерами, форум БРИКС стал для России вынужденной геополитической альтернативой. Если для Бразилии, Индии, Китая и ЮАР форум БРИКС является, прежде всего, экономическим проектом, позволяющим упрочить свое положение на региональном уровне, а Китаю – и на глобальном, а также решать вопросы национального развития посредством углубления сотрудничества с членами объединения, то для нас БРИКС имеет существенное большее значение. Наличие влиятельных с экономической и политической точки зрения партнеров в лице стран БРИКС у России позволяет последней не оказаться в международной изоляции, которой ее стремятся подвергнуть. Плодотворное взаимовыгодное политическое, экономическое и гуманитарное сотрудничество Российской Федерации отвечает ее стратегическим интересам, связанным с превращением в мощный центр силы меняющегося мира.

На государственном уровне особая значимость форума БРИКС для России закреплена в официальных документах. Еще в Концепции внешней политики Российской Федерации в редакции 2008 года, опубликованной до первого саммита БРИК в Екатеринбурге, была отмечена роль «четверки» наряду с такими форматами, как «треугольник» РИК и «Группа восьми», в обеспечении более высокой предсказуемости и управляемости процессов глобального развития, а также создании усилиями всех стран саморегулируемой международной системы[625]. В действующей редакции Концепции внешней политики Российской Федерации от 2016 года также подчеркивается исключительная значимость БРИКС для реализации национальных интересов России и практического воплощения феномена коллективного лидерства, необходимого для совместного устойчивого развития государств мира[626].

---

[625] Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2008 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 01.10.2018).

[626] Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2016 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 01.10.2018).

Перечень стратегических целей нашей страны в диалоговом формате «пятерки» зафиксирован в Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС, утвержденной Президентом России В. Путиным в 2013 году. К числу таких целей относятся:

– реформирование системообразующих институтов управления мировой экономикой, придание им более эффективного, устойчивого к внешним шокам и более демократичного характера;

– планомерное расширение внешнеполитического взаимодействия России с партнерами по группе БРИКС для консолидации усилий по укреплению международной стабильности и безопасности на основе принципов примата международного права, невмешательства во внутренние дела других государств, а также уважения их суверенитета;

– использование потенциала БРИКС для укрепления многовекторного характера российской внешней политики с целью занятия нашей страной более прочных позиций на мировой арене;

– развитие стратегических, привилегированных отношений со странами-участницами объединения для извлечения потенциальных выгод от взаимодополняемости наших экономик;

– расширение информационного и культурного (в том числе языкового) присутствия России на территории государств-членов БРИКС[627].

При этом российская сторона исходит из того, что взаимодействие со странами БРИКС по конкретным направлениям не должно подменять собой существующие двусторонние связи с ними. Долгосрочной целью Российской Федерации является постепенное превращение БРИКС из диалогового формата пяти стран и площадки для координации позиций по ограниченному перечню проблем мирового развития в полноформатный механизм сотрудничества по всем или, по крайней мере, большинству ключевых вопросов мировой политики и

[627] Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС (утверждена Президентом Российской Федерации 21 марта 2013 г.) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

экономики.

Достижение приведенных выше стратегических целей участия России в БРИКС представляется российскому руководству возможным посредством реализации комплекса мер, среди которых выделяются налаживание диалога группы с региональными интеграционными объединениями, крупнейшими развивающимися странами, а также специализированными учреждениями Организации Объединенных Наций, постепенная институционализация форума, разработка комплексной стратегии развития формата «пятерки», акцент на всеобъемлющем развитии сотрудничества (в том числе поиск новых направлений взаимодействия) в рамках форума БРИКС без расширения состава его участников в краткосрочной перспективе.

Российская Федерация выстраивает линию на долгосрочное партнерство с другими участниками межгосударственного объединения БРИКС. В основе такого партнерства лежат принципы ненаправленности группы против других государств, открытости, солидарности и прагматизма, а также приверженность примату международного права и идее сохранения за ООН ведущей роли в качестве гаранта международной стабильности. Создание БРИКС в 2006 году отразило существующую тенденцию формирования полицентричности в международных отношениях и стало воплощением идеи сетевой дипломатии во внешней политике России.

По убеждению российского руководства, форум БРИКС при наличии достаточной политической воли у правящих элит пяти стран способен в перспективе стать одним из важнейших элементов обновленной архитектуры глобального управления. Объединение БРИКС в понимании российского истеблишмента должно позиционировать себя в качестве принципиально новой модели международных отношений, игнорирующей утрачивающие актуальность разделительные линии «Север-Юг» и «Восток-Запад»[628].

Еще одним важным документом, позволяющим определить место БРИКС во внешнеполитической стратегии России, является Концепция председательства

[628] Там же.

Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015-2016 годах[629]. В Концепции обозначены следующие конкретные приоритеты очередного российского председательства в «пятерке»:

– усиление международно-политических позиций группы БРИКС и России в частности;

– укрепление международной безопасности, а также национальной безопасности каждой из пяти стран-участниц объединения;

– консолидация усилий «пятерки» для переустройства международной валютно-финансовой архитектуры и обеспечения совместного сбалансированного и устойчивого роста развитых и развивающихся стран;

– использование потенциала национальных экономик членов БРИКС для диверсификации внешнеэкономических связей России;

– углубление взаимодействия со странами БРИКС по вопросам социально-трудовых отношений и международной миграции;

– налаживание всеобъемлющего социально-политического и гуманитарного сотрудничества в рамках БРИКС, в том числе по вопросам здравоохранения

– информационная деятельность, осуществляемая, прежде всего, российскими СМИ для объективного освещения работы форума и формирования позитивного имиджа БРИКС в глазах мировой общественности

– вывод отношений БРИКС с иными геополитическими игроками (государствами и международными политическими институтами) на качественно новый уровень.

Таким образом, анализ ключевых документов, отражающих официальные позиции руководства Российской Федерации по вопросу сотрудничества со странами БРИКС, свидетельствует о том, что проводимая в настоящее время линия на всеобъемлющее укрепление данного межгосударственного объединения является одним из базовых векторов российской внешней политики.

---

[629] Концепция председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015-2016 годах // Официальный сайт председательства Российской Федерации в БРИКС в 2015-2016 гг. URL: http://brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15383.html (дата обращения: 01.10.2018).

Проведение комплексного анализа двусторонних отношений России с партнерами по группе БРИКС в рамках настоящего диссертационного исследования представляется нецелесообразным и достаточно сложным ввиду наличия большого числа факторов, определяющих взаимодействие России с каждой из четырех стран, а также целого перечня направлений сотрудничества, подлежащих изучению. Отметим лишь, что на сегодняшний день приоритетными для нашей страны являются отношения с Китаем и Индией, в том числе ввиду наличия у государств общих региональных проблем в лице Афганистана, Пакистана, КНДР, обладания ядерным потенциалом и достаточно плодотворного военно-технического сотрудничества (Китай и Индия – одни из крупнейших в мире импортеров вооружения в целом и российского вооружения в частности[630]). Экономические связи Российской Федерации с другими членами форума БРИКС в начале 2010-х годов находились в стадии рецессии, однако сегодня постепенно нормализуются, по мере того как российская экономика выходит на положительный экономический прирост (см. Приложение 11).

Подводя итог участию России в диалоговом формате БРИКС, выделим три ключевые проблемы, от решения которых зависят выгоды, которые Россия может извлечь из сотрудничества в рамках объединения. Во-первых, Россия, как говорилось выше, заинтересована в постепенной политизации БРИКС с тем, чтобы иметь возможность использовать потенциал группы для повышения своей роли на мировой арене и успешного позиционирования в качестве центра силы формирующегося полицентричного мирового порядка. В настоящее время расширение политической повестки дня, с одной стороны, не вполне отвечает интересам партнеров России по группе, а с другой – тормозится ввиду отсутствия между пятью странами консенсуса по реформе Совета Безопасности ООН, недостаточной степени согласованности позиций по некоторым региональным политическим проблемам при голосовании в Совбезе ООН и Генеральной

[630] Индия занимает первое место в мире по закупкам продукции военной отрасли (ее доля от мирового импорта в этом отношении составляла 12% в 2013-2017 гг.), Китай с 4,0% мирового импорта уступает лишь Саудовской Аравии с 10%, Египту с 4,5% и ОАЭ с 4,4%. См.: SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security (Summary), p. 8 // SIPRI Official site. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-06/yb_18_summary_en_0.pdf (date of access: 01.10.2018).

Ассамблее ООН, а также наличия острых противоречий в двусторонних отношениях Китая и Индии. Во-вторых, на протяжении практически всего периода существования БРИКС не прекращаются попытки западных стран дискредитировать данный формат и настроить членов объединения против России с тем, чтобы не допустить увеличения ее роли в мировых делах. Наконец, Россия больше других стран «пятерки» заинтересована в постепенной, нефорсированной институционализации БРИКС с созданием хотя бы минимальных координирующих структур для того, чтобы голос пяти стран был отчетливее слышен на международной арене, принимаемые на саммитах БРИКС решения были более легитимными и обязывающими, а принятые странами обязательства контролировались не только в форме самоотчетности. Решение обозначенных проблем могло бы, по нашему мнению, улучшить результативность участия Российской Федерации в БРИКС и оказало бы мультипликативный эффект на выгоды, извлекаемые нашей страной из взаимодействия в рамках группы.

Сформулируем основные выводы по итогам четвертой главы диссертации:

1. За время существования межгосударственного объединения БРИКС как в российской, так и в зарубежной политической науке было предпринято много попыток дать ёмкое и краткое определение этому геополитическому проекту современности. Наиболее обоснованную и лаконичную трактовку феномена БРИКС представила, на наш взгляд, профессор М.В. Ларионова, отнеся объединение пяти стран к числу «многосторонних институтов высшего уровня» (иначе – институтов «клубного типа»), отличающихся от прочих международных институтов гибкостью и числом механизмов сотрудничества, невысокой степенью бюрократизации, ограниченным и контролируемым членством, добровольностью исполнения решений, принимаемых, как правило, консенсусом[631].

2. До 2015 года взаимодействие БРИКС с другими многосторонними институтами высшего уровня (в частности, «Группой двадцати»), а также международными организациями (МВФ, Всемирным банком, ВТО) строилось в

[631] Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 115.

рамках модели «каталитического воздействия». С началом деятельности Нового банка развития и Пула условных валютных резервов БРИКС в ходе российского председательства в объединении модель «каталитического воздействия» дополнилась моделью «параллельного управления». Не стоит, однако, преувеличивать значение последней модели в практике БРИКС, поскольку финансовые институты «пятерки» стремятся к сотрудничеству, а не соперничеству с Бреттон-Вудскими институтами.

3. Группа БРИКС с учетом имеющихся в ее распоряжении политических, экономических и гуманитарных инструментов международного влияния будет играть одну из ключевых ролей в трансформации существующего мирового порядка. С учетом ориентации пяти стран на взаимовыгодное взаимодействие с западными странами и ненасильственный характер декларируемых БРИКС преобразований, можно предположить, что «пятерка» постепенно, естественным образом будет заполнять вакуум силы, образующийся по мере того, как влияние США в мире ослабевает (этот процесс, впрочем, займет не одно десятилетие).

4. Страны БРИКС не нацелены на радикальную ломку существующей системы международных институтов с тем, чтобы взять на себя исключительную инициативу по формированию глобальной повестки дня. Вместе с тем, участники объединения не желают мириться с отведенной им западными странами ролью исполнителей правил мирового общежития – они хотят участвовать наряду с развитыми государствами в разработке таких правил. БРИКС может сыграть решающую роль в выработке принципиально новой модели социально-экономического развития, призванной стать альтернативой «Вашингтонскому консенсусу» и основанной на тесном партнерстве государства и частного сектора, более справедливом распределении экономических благ, совместном устойчивом развитии с учетом экологических императивов современности.

5. Существование диалоговой площадки пяти государств отвечает целям реформирования системы управления мировой экономикой, консолидации усилий развитых и развивающихся стран для ответа на глобальные вызовы современности, обеспечения международной безопасности с опорой на ООН и

международное право, изменения баланса сил на международной арене с повышением политического веса Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР.

6. Благодаря усилиям стран БРИКС в отдельных регионах мира создается «внеамериканская зона взаимодействия» – дисперсный виртуальный геополитический ареал, в котором государства могут вести самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику с опорой на национальные интересы и без учета императивов, выдвигаемых США и другими западными странами. Формирование большой по размерам внеамериканской зоны взаимодействия, вероятнее всего, приведет к размежеванию международной арены на два ареала – на территории, находящиеся под влиянием США, и территории, входящие в зону влияния БРИКС. В случае такого геополитического размежевания БРИКС имеет все шансы состояться как центр силы глобального мира.

7. Следуя классификации сценариев эволюции форума БРИКС, которую предложил И.Б. Ардзинба, мы считаем, что наиболее вероятный вариант развития форума БРИКС в краткосрочной перспективе (в ближайшие 3-5 лет) – «альянс реформаторов международной финансово-экономической архитектуры»; в среднесрочной (до 2030 года) – «альянс реформаторов системы международных отношений».

8. Несмотря на предпринятые шаги по «мягкой» институционализации БРИКС (в основном благодаря учреждению финансовых институтов «пятерки» и укреплению механизмов сотрудничества по различным направлениям в русле консервативной модели институционализации), говорить о скором превращении БРИКС в международную организацию пока не приходится. БРИКС также не является военно-политическим союзом или интеграционным экономическим объединением и в среднесрочной перспективе не станет ими.

9. Несмотря на то, что некоторые страны мира проявляют неподдельный интерес к форуму БРИКС, в ближайшие годы, вероятно, не стоит ожидать расширения группы. Наиболее перспективный вектор эволюции БРИКС в этой связи – развитие механизмов «аутрич» и «БРИКС+» с целью налаживания членами объединения взаимовыгодных добрососедских отношений с третьими

странами. Кроме того, в среднесрочной перспективе повестка дня группы БРИКС продолжит носить преимущественно экономический характер, однако ее дополнение за счет политических и гуманитарных вопросов сотрудничества – процесс закономерный и, на наш взгляд, неизбежный.

10. Проводимая в настоящее время линия на всеобъемлющее укрепление БРИКС является одним из базовых векторов российской внешней политики. Долгосрочной целью участия Российской Федерации в данном объединении является постепенное превращение БРИКС из диалогового формата пяти стран и площадки для координации позиций по ограниченному перечню проблем мирового развития в полноформатный механизм сотрудничества по всем или, по крайней мере, большинству ключевых вопросов мировой политики и экономики. Объединение БРИКС в понимании руководства нашей страны должно позиционировать себя в качестве принципиально новой модели международных отношений, игнорирующей утрачивающие актуальность разделительные линии «Север-Юг» и «Восток-Запад».

11. Россия выстраивает линию на долгосрочное партнерство с другими членами БРИКС, в основе которого лежат принципы неблокового характера группы, открытости, солидарности и прагматизма, а также приверженность примату международного права и идее сохранения за ООН ведущей роли в качестве гаранта международной стабильности. Создание БРИКС в 2006 году отразило существующую тенденцию формирования полицентричности в международных отношениях и стало воплощением идеи сетевой дипломатии во внешней политике России.

12. Ключевыми проблемами, стоящими перед Россией на пути к максимально результативному членству в БРИКС, являются недостаточная политизация данного межгосударственного объединения; непрекращающиеся попытки западных стран дискредитировать данный формат и настроить членов объединения против России с тем, чтобы не допустить увеличения ее роли в мировых делах; низкие темпы институционализации БРИКС, сопряженные с отсутствием прогресса в создании минимальных координирующих структур для

того, чтобы голос пяти стран был отчетливее слышен на международной арене, принимаемые на саммитах БРИКС решения были более легитимными и обязывающими, а принятые странами обязательства контролировались не только в форме самоотчетности.

Заключение

В рамках проведенного диссертационного исследования автором была предпринята попытка оценить роль и место межгосударственного объединения БРИКС в современном мире в условиях трансформации существующего мирового порядка. В работе были проанализированы сложившиеся в российском и зарубежном научном дискурсе концепции мирового порядка, акторов в мировой политике и многосторонних институтов. Мы пришли к выводу, что современный мировой порядок тяготеет к полицентричности, а группа БРИКС не просто занимает в нем важное место, но является фактором комплексной трансформации мирового порядка.

Для достижения цели настоящего исследования был выполнен краткий исторический обзор процесса становления и развития диалогового формата БРИКС в 2006-2018 годах. Кроме того, были изучены предпосылки создания БРИКС и предтечи данного геополитического проекта пяти стран, такие как стратегический «треугольник» Россия – Индия – Китай и форум сотрудничества ИБСА в составе Индии, Бразилии и ЮАР.

Автор пришел к выводу, что за первое десятилетие своего существования формат БРИК/БРИКС в значительной степени преобразился: как количественно (с принятием в 2011 году в свой состав Южно-Африканской Республики), так и качественно (многократно расширив повестку дня за счет внушительного перечня политических, экономических, гуманитарных и прочих вопросов, имеющих глобальное, региональное или национальное значение). Крайне важными аспектами функционирования форума пяти стран стали оформление механизмов налаживания внешних связей объединения с другими государствами (форматы «аутрич» и «БРИКС+») на полях саммитов БРИКС в Дурбане (ЮАР) в 2013 году и в Сямэне (Китай) в 2017 году, а также запуск собственных финансовых институтов (Нового банка развития и Пула условных валютных резервов БРИКС) в 2015 году.

Выявление в ходе исследования стратегического потенциала БРИКС для трансформации мирового порядка предполагало детальный разбор ресурсных оснований международного влияния пяти стран и их позиционирования в качестве

центров силы меняющегося мира, анализ факторов интеграции и дезинтеграции группы БРИКС, а также ключевых направлений многостороннего сотрудничества и соответствующих им инструментов влияния «пятерки» на мировую политику. В ходе выполнения задач исследования было установлено, что каждая из пяти стран-участниц объединения располагает целым набором естественно-географических, социально-экономических и политических оснований, или источников, международного влияния. Кроме того, автор пришел к выводу, что центростремительные тенденции внутри «пятерки» в настоящее время преобладают над центробежными, и это создает предпосылки для долгосрочного и взаимовыгодного многостороннего партнерства в рамках БРИКС (но не следует забывать о влиянии на отношения между пятью странами труднопрогнозируемых событий – «чёрных лебедей», таких как, например, радикальная смена национальных правящих элит, способная ослабить волю стран к сотрудничеству и повернуть вектор развития объединения).

Все инструменты проецирования совокупной мощи межгосударственного объединения БРИКС вовне – на другие страны и многосторонние политические институты – были условно разделены нами на политические, экономические, научно-технические и гуманитарные. Успешное сочетание таких инструментов в текущей работе группы БРИКС позволяет рассматривать ее как форум многостороннего сотрудничества, синтезирующий элементы «жесткой» и «мягкой» сил пяти стран для увеличения их комплексной национальной мощи.

Основные направления политического взаимодействия членов БРИКС, порождающие соответствующие инструменты влияния данного форума на мировые процессы, включают выработку странами-участницами совпадающих или, по крайней мере, непротиворечивых позиций по широкому перечню политических проблем и последующую артикуляцию таких позиций путем голосования в Совете Безопасности ООН и Генеральной Ассамблее ООН, проведение совместных военных учений, участие экспертов и вооруженных сил пяти стран в миротворческих миссиях ООН, а также консолидацию усилий в борьбе с глобальными вызовами и угрозами международной и национальной

безопасности, такими как международный терроризм, морское пиратство и разбой, наркоторговля, угрозы информационной безопасности, неконтролируемые транснациональные миграционные потоки.

Инструментами экономического влияния БРИКС на мировую политику на сегодняшний день являются последовательное продвижение пятью странами на площадках многосторонних институтов идеи реформирования существующей международной финансово-экономической архитектуры, собственные финансовые механизмы БРИКС (Новый банк развития и Пул условных валютных резервов БРИКС), созданные в ответ на замедление реформы МВФ и Всемирного банка, а также прочие экономические инициативы стран БРИКС, призванные укрепить их торгово-инвестиционное сотрудничество и позиции национальных валют в мировой экономике.

Гуманитарное и научно-техническое сотрудничество «пятерки» на сегодняшний день направлено скорее внутрь объединения, нежели вовне, и призвано усилить протекающие в нем интеграционные процессы, а также продемонстрировать уважение народов, населяющих пять стран, к культуре и достижениям друг друга. Стремление членов БРИКС выступать в качестве передовых высокотехнологичных и экологически ответственных держав повышает их значимость и политический вес в глазах мировой общественности. Кроме того, совместные гуманитарные инициативы пяти стран подпитывают межцивилизационный статус БРИКС, а в перспективе могут привлечь к сотрудничеству с данным объединением и другие государства, заинтересованные во взаимном обогащении культур и обеспечении совместного устойчивого развития.

Группа БРИКС с учетом имеющихся в ее распоряжении политических, экономических и прочих инструментов международного влияния будет играть одну из ключевых ролей в трансформации существующего мирового порядка (по сути, выступать мощнейшим катализатором такой трансформации). С учетом ориентации пяти стран на взаимовыгодное взаимодействие с западными странами и ненасильственный характер декларируемых БРИКС преобразований, можно предположить, что «пятерка» постепенно, естественным образом будет заполнять

вакуум силы, образующийся по мере того, как влияние США в мире ослабевает (этот процесс, впрочем, займет немало времени).

Страны БРИКС не нацелены на радикальную ломку существующей системы международных институтов с тем, чтобы взять на себя исключительную инициативу по формированию глобальной повестки дня. Вместе с тем, участники объединения не желают мириться с отведенной им западными странами ролью исполнителей правил мирового общежития – они хотят участвовать наряду с развитыми государствами в разработке таких правил.

Что касается тенденций переформатирования самого форума БРИКС, то в краткосрочной перспективе ускоренная институционализация, экономическая интеграция, форсированная политизация и расширение состава группы БРИКС маловероятны. Наиболее перспективный вектор эволюции БРИКС – развитие механизмов «аутрич» и «БРИКС+» с целью налаживания взаимовыгодных добрососедских отношений с третьими странами – соответственно соседями страны, принимающей очередной саммит БРИКС, по макрорегиону (если мы говорим о формате «аутрич») и локомотивами социально-экономического роста из числа развивающихся стран и стран с формирующимися рынками (в формате «БРИКС+»). Кроме того, отметим, что в среднесрочной перспективе повестка дня группы БРИКС продолжит носить преимущественно экономический характер, однако ее дополнение за счет политических и гуманитарных вопросов сотрудничества – процесс закономерный и, на наш взгляд, неизбежный.

Говоря о месте БРИКС во внешнеполитической стратегии России, отметим, что проводимая в настоящее время линия на всеобъемлющее укрепление данного объединения является одним из базовых векторов российской внешней политики. Долгосрочной целью участия Российской Федерации в БРИКС, сформулированной в официальных документах, является постепенное превращение данного объединения из диалогового формата пяти стран и площадки для координации позиций по ограниченному перечню проблем мирового развития в полноформатный механизм сотрудничества по всем или, по крайней мере, большинству ключевых вопросов мировой политики и экономики.

Межгосударственное объединение БРИКС является сегодня пусть и не приоритетным, но чрезвычайно важным геополитическим проектом для каждого из его членов. Участие в данном многостороннем политическом институте способствует реализации стратегических национальных интересов пяти стран, в том числе их комплексной социально-экономической модернизации, укреплению позиций в соответствующих макрорегионах мира, а в случае России и Китая – также повышению их роли в качестве глобальных игроков на международной арене. Всеобъемлющее развитие формата «пятерки» в настоящее время осложняется рядом проблем, связанных с несогласованностью позиций стран-участниц по некоторым вопросам глобального и регионального развития, существующими противоречиями в двусторонних отношениях (в первую очередь, Индии и Китая), а также подспудным противодействием западных держав, стремящихся дискредитировать данный институт и не допустить усиления объединения. Представляется, что при условии разрешения указанных проблем БРИКС может стать одним из факторов, определяющих глобальное развитие, и – не исключаем этого – единым центром силы современного мира.

Список использованных источников и литературы

Нормативно-правовые акты Российской Федерации, международные договоры и декларации

1. Федеральный закон от 08.03.2015 № 29-ФЗ «О ратификации Соглашения о Новом банке развития» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. N 10, ст. 1399.

2. Федеральный закон от 02.05.2015 № 107-ФЗ «О ратификации Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС». URL: publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505020025 (дата обращения: 01.10.2018).

3. Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2008 года // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 01.10.2018).

4. Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2016 года // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/acts/bank/41451 (дата обращения: 01.10.2018).

5. Концепция председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015-2016 годах // Официальный сайт председательства Российской Федерации в БРИКС в 2015-2016 гг. URL: brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15383.html (дата обращения: 01.10.2018).

6. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС (утв. Президентом России 21 марта 2013 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

7. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями (подготовлена Комиссией международного права ООН, подписана в Вене (Австрия) в 1986 году). URL: http://base.garant.ru/2541089/ (дата обращения: 01.10.2018).

8. Венская конвенция о праве международных договоров (подготовлена Комиссией международного права ООН, подписана в Вене (Австрия) в 1969 году). URL: un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/lawtreat.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

9. Устав Организации Объединенных Наций // Официальный сайт ООН. URL: un.org/ru/sections/un-charter/chapter-iv/index.html (дата обращения: 01.10.2018).

10. Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности ООН на 6498-м заседании 17 марта 2011 г. // Официальный сайт ООН. URL: documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement (дата обращения: 01.10.2018).

11. Резолюция 2016 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6640-м заседании 27 октября 2011 г. // Официальный сайт ООН. URL: documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/567/12/PDF/N1156712.pdf?OpenElement (дата обращения: 01.10.2018).

12. Резолюция A/RES/68/262, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2016 г. // Официальный сайт ООН. URL: un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/71/205 (дата обращения: 01.10.2018).

13. Совместное заявление лидеров стран БРИК (16 июня 2009 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/209 (дата обращения: 01.10.2018).

14. Совместное заявление стран БРИК по глобальной продовольственной безопасности (16 июня 2009 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/61 (дата обращения: 01.10.2018).

15. Совместное заявление глав государств и правительств стран-участниц II саммита БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) (15 апреля 2010 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/524 (дата обращения: 01.10.2018).

16. Декларация, принятая по итогам III саммита БРИКС [Декларация Санья]

(14 апреля 2011 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/907 (дата обращения: 01.10.2018).

17. Делийская декларация [БРИКС] (29 марта 2012 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/1189 (дата обращения: 01.10.2018).

18. Этеквинская декларация [БРИКС] (27 марта 2013 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/1430 (дата обращения: 01.10.2018).

19. Форталезская декларация [БРИКС] (15 июля 2014 г.). // Официальный сайт Президента России. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/41d4f1dd6741763252a8.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

20. Уфимская декларация [БРИКС] (9 июля 2015 г.). // Официальный сайт Президента России. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/ru/YukPLgicg4mqAQIy7JRB1HgePZrMP2w5.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

21. Декларация Гоа [БРИКС] (16 октября 2016 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: kremlin.ru/supplement/5139 (дата обращения: 01.10.2018).

22. Сямэньская декларация, принятая по итогам девятого саммита БРИКС // Официальный сайт Президента России. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/ru/0auA2fXB3aZfGjy7ZHtubAhIydQv9AL5.doc (дата обращения: 01.10.2018).

23. Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС (26 июля 2018 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/5323 (дата обращения: 01.10.2018).

24. Совместное коммюнике по итогам встречи специальных представителей государств БРИКС по Ближнему Востоку (Вишакхапатнам, Индия, 12 апреля 2017 г.) // Официальный сайт МИД России. URL: mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2725737 (дата обращения: 01.10.2018).

25. Соглашение между правительствами стран БРИКС о сотрудничестве в области культуры // Официальный сайт председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2015-2016 гг. URL: brics2015.ru/load/383085 (дата обращения: 01.10.2018).

26. Стратегия экономического партнерства БРИКС // Официальный сайт председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2015-2016 гг. URL: brics2015.ru/load/382484 (дата обращения: 01.10.2018).

27. Меморандум о создании Сетевого университета БРИКС (18 ноября 2015 г.) // Официальный сайт Сетевого университета БРИКС. URL: http://nu-brics.ru/media/uploads/filestorage/documents/MoU_SU_BRICS.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

28. Статут о международных тематических группах Сетевого университета БРИКС (2 июля 2017 г.) // Официальный сайт Сетевого университета БРИКС. URL: http://nu-brics.ru/media/uploads/filestorage/statute__1.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

29. Пекинская декларация по итогам 5-й встречи министров образования стран БРИКС (5 июля 2017 г.) // Официальный сайт Сетевого университета БРИКС. URL: http://nu-brics.ru/media/uploads/filestorage/beijing_declaration_1_1.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

30. 5th BRICS Science, Technology & Innovation (STI) Ministerial Meeting Hangzhou Declaration (18 July 2017) // Official site of Chinese chairmanship in BRICS in 2017. URL: brics2017.org/English/Headlines/201708/t20170804_1765.html (date of access: 01.10.2018).

31. Agreement on the New Development Bank // New Development Bank [official site]. URL: ndb.int/wp-content/themes/ndb/pdf/Agreement-on-the-New-Development-Bank.pdf (date of access: 01.10.2018).

32. BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2017-2018) // Official site of Chinese chairmanship in BRICS in 2017. URL: brics2017.org/English/Headlines/201708/t20170804_1764.html (date of access: 01.10.2018).

33. BRICS Science, Technology and Innovation Work Plan 2015-2018 (adopted 28 October 2015, revised 18 July 2017) // Официальный сайт РАНХиГС. URL: ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20STI%20Work%20Plan%202015-2018%20%20revised%20Action%20Plan%202017-2018.pdf (date of access: 01.10.2018).

34. Cooperation Agreement on Innovation between Banco Nacional de Desenvolvimento Econômico e Social, State Corporation Bank for Development and Foreign Economic Affairs, Export-Import Bank of India, China Development Bank Corporation and Development Bank of Southern Africa Limited // Official site of Brazilian Ministry of External Relations. URL: brics.itamaraty.gov.br/images/pdf/bricsinnovation.doc (date of access: 01.10.2018).

35. Memorandum of Understanding on Cooperation among BRICS Export Credit Insurance Agencies // Official site of Brazilian Ministry of External Relations. URL: brics.itamaraty.gov.br/images/pdf/BRICSMOU.doc (date of access: 01.10.2018).

36. Treaty for the Establishment of a BRICS Contingent Reserve Arrangement // Official site of Brazilian Ministry of External Relations. URL: brics.itamaraty.gov.br/images/pdf/BRICSCRA.doc (date of access: 01.10.2018).

Книги, монографии, научные сборники

1. «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты (коллективная монография) / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден-Би, 2008. 279 с.

2. Accommodating Rising Powers: Past, Present and Future / Ed. by T.V. Paul. New Delhi: Cambridge University Press, 2016. 326 p.

3. Alvarez J.E. International Organizations as Law-makers. Oxford: Oxford University Press, 2006. 720 p.

4. Archer C. International organizations. 4th edition. London: Routledge, 2014. 200 p.

5. Attali J. Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order. New

York: Random House, 1991. 132 p.

6. Barnett T.P.M. The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century. New York: Berkley, 2005. 448 p.

7. Bond P., Garcia A. BRICS: An Anticapitalist Critique (Reprint Edition). Chicago: Haymarket Books, 2015. 320 p.

8. Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics. London: Palgrave Macmillan, 2008. 384 p.

9. Braillard Ph., Djalili M.-R. Les relations internationales. Paris: Presses Universitaires de France, 2016 (10th ed.). 128 p.

10. Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. New York: Basic Books, 2007. 240 p.

11. Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. New York: Basic Books, 2012. 224 p.

12. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1998. 240 p.

13. Bull H. The Anarchical Society. New York: Columbia University Press, 1977. 335 p.

14. Chatin M., Gallarotti G. Emerging Powers in International Politics: The BRICS and Soft Power (1st Edition). London: Routledge, 2017. 168 p.

15. Cooper A.F. BRICS: A Very Short Introduction (1st Edition). [United Kingdom]: Oxford University Press, 2016. 144 p.

16. Cooper R. Is there a New World Order? // Prospects for Global Order. Ed. by S. Sato, T. Taylor, S. Heiva, London. 1993. Vol. 2. 165 p.

17. Crozier M., Friedberg E., L'acteur et le système - Les contraintes de l'action collective. Paris: Seuil, 1977. 436 p.

18. De Coning C., Mandrup T., Odgaard L. The BRICS and Coexistence: An Alternative Vision of World Order (Global Institutions) (1st Edition). London: Routledge, 2014. 220 p.

19. Feld W.J., Jordan R.S., Hurwitz L. International organizations: a comparative approach. Santa Barbara: Praeger Publishers Inc, 1983. 304 p.

20. Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: University Press, 1981. 288 p.

21. Haraguchi N., Naude W., Szirmai A. Structural Change and Industrial Development in the BRICS (1st Edition). [United Kingdom]: Oxford University Press, 2015. 572 p.

22. Hoffmann S. Primacy or World Order: American Foreign Policy Since the Cold War. New York: McGraw-Hill Education, 1980. 331 p.

23. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. 368 p.

24. Ikenberry J.G. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars. Princeton: University Press, 2000. 320 p.

25. Jönsson Ch., Tallberg J. Transnational Actors in Global Governance: Patterns, Explanations, and Implications. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 253 p.

26. Kagan R., Kristol W. Present Dangers: Crisis and Opportunity in America's Foreign and Defense Policy. New York: Encounter Books, 2000. 392 p.

27. Kaplan M.A. System and Process in International Politics. N.Y.: John Wiley and Sons, Inc., 1962. 258 p.

28. Kegley Ch.W., Raymond G.A. A Multipolar Peace: Great-Power Politics in the Twenty-First Century. Basingstoke: Palgrave Macmillan UK, 1994. 320 p.

29. Kegley Ch.W., Wittkopf E.R. World Politics: Trend and Transformation. 4th edition. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1992. 614 p.

30. Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 2005 (20th anniversary edition). 320 p.

31. Khanna P. The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. New York: Random House, 2008. 496 p.

32. Kingah S., Quiliconi C. Global and Regional Leadership of BRICS Countries. N.Y.: Springer Publishing, 2017. 288 p.

33. Kirton J. Multilateral Organizations and G8 Governance: A Framework for Analysis // Making Global Governance Effective: Hard and Soft Law Institutions in a

Crowded World / J. Kirton, M. Larionova, P. Savona (eds). London: Routledge, 2010. 366 p.

34. Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. London: Penguin Books, 2015. 432 p.

35. Kondapalli S., Pandit P. China and the BRICS Setting Up a Different Kitchen. New Delhi: Pentagon Press, 2016. 303 p.

36. Kwang H.C. The BRICS Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis. London: Routledge, 2016. 242 p.

37. Larionova M., Kirton J. BRICS and Global Governance. Abingdon: Routledge, 2018. 288 p.

38. Mandelbaum M. The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century. New York: PublicAffairs, 2006. 320 p.

39. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2001. 555 p.

40. Merle M. Sociologie des relations internationales. Paris: Dalloz, 1974. 436 p.

41. Miller L.H. Global Order: Values and Power in International Politics. Abingdon: Routledge, 1985. 228 p.

42. Newman E., Thakur R. Tirman J. Multilateralism under Challenge? Power, International Order and Structural Change. Tokyo: United Nations University Press, 2007. 680 p.

43. Nye J.S., jr. Is the American Century Over? Cambridge, Polity, 2015. 152 p.

44. Nye J.S., jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford: Oxford University Press, 2003. 240 p.

45. Pease K-K. S. International Organizations. Perspectives on Governance in the Twenty-First Century. 4th ed. Harlow: Longman Publishing Group, 2009. 336 p.

46. Prabhakar A.C. The Current Global Recession: A Theoretical and Empirical Investigation into Developed and BRICS Economies. Bradford: Emerald Group Publishing, 2016. 456 p.

47. Putnam R., Bayne N. Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits. London: Sage Publications, 1987. 256 p.

48. Reich S., Lebow R.N. Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System. Princeton: Princeton University Press, 2014. 208 p.

49. Rewizorski M. The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance (Reprint of the original 1st ed. 2015 Edition). N.Y.: Springer Publishing, 2016. 180 p.

50. Rosamond B. Theories of European Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000. 240 p.

51. Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, N.J., 1990. 504 p.

52. Rosenau J.N. International Studies and the Social Sciences: Problems, Priorities, and Prospects in the United States. Thousand Oaks, CA: Sage Publishing, 1973. 147 p.

53. Ruggie J.G. Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Form. N.Y.: Columbia University Press, 1993. 479 p.

54. Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton and London, 2004. 368 p.

55. Stands Q.S.P., Klein P. Bowett's Law of International Institutions. 6th edition. London: Sweet & Maxwell, 2009. 658 p.

56. Stuenkel O. The BRICS and the Future of Global Order (Reprint Edition). [United Kingdom?]: Lexington Books, 2016. 268 p.

57. Thurow L.C. Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. New York: Warner Books, 1993. 336 p.

58. Tiruneh E.A., Wamboye E. Foreign Capital Flows and Economic Development in Africa: The Impact of BRICS versus OECD (1st edition). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. 514 p.

59. Touraine A. Pour la sociologie. Paris: Seuil, 1974. 243 p.

60. Van Tulder R. [et al.]. The Challenge of BRIC Multinationals. Series: Progress in International Business Research (Book 11). Bradford: Emerald Group Publishing, 2016. 696 p.

61. Waltz K. Theory of International Politics. N.Y.: McGraw-Hill, 1979. 251 p.

62. Westra R. The Political Economy of Emerging Markets: Varieties of BRICS

in the Age of Global Crises and Austerity (Routledge Frontiers of Political Economy) (1st Edition). London: Routledge, 2017. 238 p.

63. Xing L. The BRICS and Beyond: The International Political Economy of the Emergence of a New World Order (The International Political Economy of New Regionalisms Series). London: Routledge, 2014. 246 p.

64. Zakaria F. The Post-American World. New York: W.W. Norton & Company, 2008. 304 p.

65. Zorgbibe Ch. Les organisations internationales. Paris: Presses Universitaires de France, 1997. 128 p.

66. Авдокушин Е.Ф., Жариков М.В. Страны БРИКС в современной мировой экономике. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2017. 479 с.

67. Акаев А.А. Страны БРИКС. Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития: Предварительные результаты / под ред. А.А. Акаева, А.В. Коротаева, С.Ю. Малкова. М.: КРАСАНД, 2016. 391 с.

68. Арин О.А. Двадцать первый век: мир без России. М.: Альянс, 2001. 352 с.

69. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005. 374 с.

70. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007. 288 с.

71. Бобровников А.В. [и др.]. БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие / под общей ред. В.М. Давыдова. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2014. 187 с.

72. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт - МОНФ, 1997. 352 с.

73. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. 384 с.

74. Борисоглебская Л.Н. Развитие стран БРИКС в глобальном пространстве: монография (в 2 частях) / Л.Н. Борисоглебская, В.М. Четвериков, Л. Цзюань. М.: Инфра-М, 2013. 224 с.

75. БРИК: предпосылки сближения и перспективы взаимодействия: сборник трудов международной конференции (Москва, 2010) / под ред. В.М. Давыдова, Ю.Н. Мосейкина. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2010. 232 с.

76. БРИКС в год седьмого саммита: фокус на Африку: сборник материалов круглого стола «БРИКС – Африка: реконфигурация международных приоритетов африканских стран» (Москва, 3 декабря 2014 г.) / отв. ред.: Дейч Т.Л., Корендясова Е.Н. М.: Институт Африки РАН, 2015. 156 с.

77. БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития: сборник трудов III Международной конференции (Москва, 15 мая 2013 г.) / Отв. ред.: И.А. Айдрус. М.: РУДН, 2013. 222 с.

78. БРИКС: сотрудничество в целях развития. Образование. Наука. Бизнес: сборник материалов V Международной научной конференции (Москва, 4 июня 2015 г.). М.: РУДН, 2016. 158 с.

79. БРИКС: сотрудничество в целях развития: сборник материалов IV Международной научной конференции (Москва, 28 мая 2014 г.). М.: РУДН, 2014. 178 с.

80. Брутенц К.Н. Великая геополитическая революция. М.: Международные отношения, 2014. 688 с.

81. Бусыгина И.М. Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ (научное издание) / под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окуневой. М.: Аспект Пресс, 2015. 351 с.

82. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П.М. Кудюкина под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.

83. Вергун А.Н. Страны БРИКС в мировых и взаимных инвестиционных потоках. Саарбрюккен (Германия): LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2014. 180 с.

84. Восходящие государства-гиганты БРИКС: роль в мировой политике, стратегии модернизации: сборник трудов научной конференции «Страны БРИКС как восходящие государства-гиганты: новая роль в системе международных отношений, глобальная проекция внешнеполитических стратегий, сравнительный анализ национальных моделей модернизации. Опыт для России» (Москва, 9-10 ноября 2011 г.) / Отв. ред.: Л.С. Окунева, А.А. Орлов. М.: МГИМО (У) МИД, 2012. 392 с.

85. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. 2-е изд. испр. и доп. М., Экономика, 2011. 479 с.

86. Галкин А.А. Размышления о политике и политической науке. М.: Оверлей, 2004. 278 с.

87. Глинкина С.П. [и др.]. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС / отв. ред.: С.П. Глинкина. М.: Институт экономики РАН, 2014. 220 с.

88. Громыко А.А. Мировой порядок или беспорядок. М.: Институт Африки РАН, 2005. 236 с.

89. Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. 288 с.

90. Дегтярева О.И. Биржи стран БРИКС в контексте мировой биржевой торговли: монография. М.: Магистр, 2016. 208 с.

91. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.

92. Костин А.И. Экополитология и глобалистика. М.: Аспект Пресс, 2005. 418 с.

93. Кто есть кто в социологии международных отношений: Энциклопедический справочник для вузов / Под ред. Г.В. Осипова / [А.Л. Арефьев, А.М. Баженов]. М.: Институт социально-политических исследований, 2016. 352 с.

94. Лебедева М.М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. М.: МГИМО-Университет, 2009. 142 с.

95. Международные отношения и мировая политика: Учебно-методический комплекс / под ред. П.А. Цыганкова / П.А. Цыганков, Г.А. Дробот, И. А. Василенко и др. Политическая энциклопедия Москва, 2014. 639 с.

96. Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / [А.Ю. Мельвиль и др.] М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. 272 с.

97. Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии: монография / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. 456 с.

98. Мировая политика: Учебник для вузов (2-е изд., испр. и доп.) / М.М. Лебедева. М.: Аспект Пресс, 2007. 365 с.

99. Многосторонние институты и диалоговые форматы: материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27-28 октября 2015 г.) / под ред. А.В. Мальгина / МГИМО (У) МИД, РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2016. 536 с.

100. На пороге второго десятилетия БРИКС. Сборник статей / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 83 с.

101. Никитин А.И. «Концерт великих держав» XXI века – многосторонний диалог великих держав в пост-трансатлантическую эпоху / под ред. А.И. Никитин. М.: МГИМО-Университет, 2015. 79 с.

102. Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах // М. Жирар (рук. авт. колл.). Индивиды в международной политике / Пер. с фр. М., 1996. 238 с.

103. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 204 с.

104. Парушин А.А. Комплексный анализ возможностей России в рамках БРИКС: Макроэкономический и финансовый аспекты. Саарбрюккен (Германия): LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. 128 с.

105. Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС.

Научный доклад к VII саммиту БРИКС / под ред. В.А. Садовничего, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева. М.: МИСК – ИНЭС – НКИ БРИКС, 2014. 392 с.

106. Промышленно-технологическая кооперация России со странами – партнерами БРИКС: сборник научных трудов / под ред. Ю.Н. Мосейкина, Е.А. Дегтеревой, А.М. Чернышовой. М.: РУДН, 2016. 292 с.

107. Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4-го Конвента РАМИ: [в 10 т.] / под общ. ред. А.Ю. Мельвиля. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики. 187 с.

108. Растянникова Е.В. БРИКС: первичный сектор экономики в мировом хозяйстве в начале XXI века: монография. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. 272 с.

109. Сирота Н.М. Новый мировой порядок: тенденции и перспективы становления. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. 180 с.

110. Ситуационные анализы. Выпуск 5. Международные институты в современной мировой политике / [Э. Я. Баталов, К. Г. Водопьянов, Д. А. Дегтерев и др.] под ред. Т.А. Шаклеиной. М: МГИМО-университет, 2017. 481 с.

111. Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. 592 с.

112. Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 387.

113. Сотрудничество стран БРИКС для устойчивого развития: сборник материалов Международной научно-практической конференции молодых ученых стран БРИКС (Ростов-на-Дону, 24-26 сентября 2015 г.) / отв. ред.: М.А. Боровская [и др.]. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2015. 366 с.

114. Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире: сборник трудов I Международной научно-практической конференции (Москва, 02-03 ноября 2015 г.) / Отв. ред.: Ю.С. Пивоваров. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2016. 590 с.

115. Торкунов А.В. Современные международные отношения и мировая политика. М.: Просвещение, 2004. 991 с.

116. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2006. 640с.

117. Федоров В.Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. М.: Логос, 2007. 944 с.

118. Фененко А.В. Современная история международных отношений: 1991-2016: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2016. 432 с.

119. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке / перевод с английского: Колесников О., Кротовская Н.Г., Кулагина-Ярцева В.С. М.: АСТ, 2010. 220 с.

120. Шаклеина Т.А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т. А. Шаклеиной и А. Б. Байкова. Учебник. М.: Аспект Пресс, 2014. 448 с.

121. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012. 272 с.

122. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2017. 336 с.

123. Шахназаров Г.Х. Международный порядок: политико-правовые аспекты / Ю.М. Батурин, И.С. Андреева, Ю.М. Колосов и др. [под общ. ред.: Шахназаров Г.Х.]. М.: Наука, 1986. 232 с.

124. Экономическое сотрудничество стран БРИКС как основа многополярного мира: сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 2 апреля 2015 г.) / под. ред. В.В. Перской [и др.]. М.: РИСИ, 2015. 260 с.

Диссертации

1. Алексеенко О.А. Формирование полицентричной системы международных отношений (на примере объединения БРИКС и Шанхайской

организации сотрудничества): дис. … канд. полит. наук: 23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2016. 172 с.

2. Калюжный В.Г. Геополитическое противоборство как фактор формирования современного мирового порядка: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Политические институты, процессы и технологии / Военный университет Министерства обороны Российской Федерации. Москва, 2012. 401 с.

3. Саратовский А.Д. Особенности движения прямых иностранных инвестиций в странах БРИКС: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 Мировая экономика / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. М., 2017. 161 с.

Научные статьи

1. Aslund A. Now the BRICS Party Is Over, They Must Wind Down the State's Role // Financial Times. 22.08.2013. URL: ft.com/content/0147b43c-040b-11e3-8aab-00144feab7de (дата обращения: 20.08.2017).

2. Bacik G. Turkey and the BRICS: Can Turkey Join the BRICS? // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. Iss. 4 (Dec.). P. 758–773.

3. Bell C. American Ascendancy - And the Pretense of Concert // The National Interest (Issue: Fall 1999). URL: http://nationalinterest.org/article/american-ascendancy-and-the-pretense-of-concert-694 (date of access: 01.10.2018).

4. Boardman R. Environmental Discourse and International Relations Theory: Towards a Proto-Theory of Ecosation // Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations, Vol. 11, No.1, pp. 31–44.

5. Chanda R. Deepening Cooperation in Services among BRICS members. BRICS trade policies, institutions and areas of deepening cooperation // Centre for WTO Studies, Indian Institute of Foreign Trade. 2013. March. P. 209–309. URL: wtocentre.iift.ac.in/FA/Brics.pdf (date of access: 02.09.2015).

6. Chatterjee B., Jena P.C., Singh S. Intra-BRICS trade and its implications for

India // CUTS International, 2014. URL: papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2474078 (date of access: 15.10.2015).

7. Chaturvedi S., Saha S. Competing Imperatives of Global Governance and National Interests within BRICS: An Indian Perspective // Observer Research Foundation. December 2017. No. 136. URL: http://cf.orfonline.org/wp-content/uploads/2017/12/ORF_Occasional_Paper_136_Chaturvedi_Saha_BRICS.pdf (date of access: 01.10.2018).

8. Cooper A.F. The G20 and Contested Global Governance: BRICS, Middle Powers and Small States // Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy. 2014. No. 2 (September). Pp. 87–109.

9. Cooper A.F., Faroog A.B. BRICS and the Privileging of Informality in Global Governance // Global Policy. 2013. No. 4 (4). Pp. 428–433.

10. Degaut M. Do the BRICS Still Matter? // A Report of the CSIS Americas Program. October 2015. URL: csis.org/files/publication/151020_Degaut_DoBRICSMatter_Web.pdf (date of access: 20.08.2017).

11. Degaut M. U.S. Departure from Pax Americana: Paving the Way to a New Chinese Golden Age Under the BRICS Banner? // The Geopolitics (April 10, 2018). URL: https://thegeopolitics.com/u-s-departure-from-pax-americana-paving-the-way-to-a-new-chinese-golden-age-under-the-brics-banner/ (date of access: 01.10.2018).

12. Drezner W.D. The Rise and Fall of the BRICS // The Washington Post. November 10, 2015. URL: washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/11/10/the-rise-and-fall-of-the-brics (date of access: 20.08.2017).

13. Gaddis J.L. International Relations. Theory and the End of the Cold War // International Security. Vol. 17. № 3 (Winter 1992). P. 5–58.

14. Haass R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs (May/June 2008). Vol. 87, No 3. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity (date of access: 01.10.2018).

15. Haibin N. A Chinese Perspective on the BRICS in 2015 // Council of

Councils. 2015, February 6. URL: cfr.org/councilofcouncils/global_memos/p36088 (date of access: 01.10.2018).

16. Haibin N. BRICS in Global Governance: A Progressive and Cooperative Force? / Friedrich Ebert Stiftung. September 2013. URL: library.fes.de/pdf-files/iez/global/10227.pdf (date of access: 01.10.2018).

17. Hampson F.O., Heinbecker P. The "New" Multilateralism of the Twenty-First Century // Global Governance. Vol. 17, No. 3 (July–Sept. 2011), pp. 299–310.

18. Hongying W. On the BRICS Cooperation Mechanism // Contemporary International Relations. 2011. Issue 1. URL: caod.oriprobe.com/articles/29515892/on_the_brics_cooperation_mechanism.htm (date of access: 01.10.2018).

19. Huntington S.P. The Lonely Superpower // Foreign Affairs (March/April 1999, Vol. 78. No 2). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1999-03-01/lonely-superpower (date of access: 01.10.2018).

20. Jin Y. Ufa summits sign of shift in Eurasian geopolitics // Global Times, 7 August 2015. URL: http://www.globaltimes.cn/content/930917.shtml (date of access: 01.10.2018).

21. Kagan R., Kristol W. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. Vol. 75, No. 4 (July/August 1996). URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-07-01/toward-neo-reaganite-foreign-policy (date of access: 01.10.2018).

22. Käkönen J. BRICS as a New Constellation in International Relations? IAMCR 2013 Conference Dublin, June 25–29. URL: uta.fi/cmt/tutkimus/BRICS/materials/BRICS%20as%20a%20New%20Constellation%20in%20International%20Relations51.pdf (date of access: 01.10.2018).

23. Keohane R.O. International Institutions: Can Interdependence Work? // Foreign Policy, Spring 1998, No.110, pp. 82–96.

24. Keohane R.O. Multilateralism: An Agenda for Research // International Journal. 1990. Vol. 45 (XLV). Pp. 731–764.

25. Keohane R.O. The Contingent Legitimacy of Multilateralism // Garnet

Working Paper: No: 09/06, September 2006. URL: https://warwick.ac.uk/fac/soc/pais/research/researchcentres/csgr/garnet/workingpapers/0906.pdf (date of access: 01.10.2018).

26. Keohane R.O. The Promise of Institutionalist Theory // International Security, Summer 1995, Vol. 20, No.1, pp. 39–51.

27. Keohane R.O., Nye J.S. (2001) Between Centralization and Fragmentation: The Club Model of Multilateral Cooperation and Problems of Democratic Legitimacy. Harvard University. KSG Working Paper No. 01–004. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.262175 (date of access: 01.10.2018).

28. Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics: Introduction. International Organization, Vol. 25, No. 3, Transnational Relations and World Politics (Summer, 1971), pp. 329–349.

29. Keukeleire S., Hooijmaaijers B. The BRICS and Other Emerging Power Alliances and Multilateral Organizations in the Asia-Pacific and the Global South: Challenges for the European Union and Its Views on Multilateralism // Journal of Common Market Studies. 2014. No. 52 (3). Pp. 582–599.

30. Krasner S.D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. URL: http://www.ir.rochelleterman.com/sites/default/files/krasner%201982.pdf (date of access: 01.10.2018).

31. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs (America and the World 1990 Issue). Vol. 70, No 1. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-02-01/unipolar-moment (date of access: 01.10.2018).

32. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. Vol. 70. (Winter 2002). Pp. 5–17.

33. Kupchan Ch.A. After Pax Americana: Benign Power, Regional Integration, and the Sources of a Stable Multipolarity // International Security. Vol. 23, No. 2 (Fall, 1998). Pp. 40–79.

34. Laïdi Z. BRICS and Mortar. 05.04.2012 // Project Syndicate. URL: project-syndicate.org/commentary/brics-and-mortar (date of access: 01.10.2018).

35. Layne Ch. The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Rise. International Security. Vol. 17, No. 4 (Spring, 1993). Pp. 5–51.

36. Luckhurst J. Building Cooperation between BRICS and Leading Industrialized States // Latin American Policy. 2013. No. 4 (2). Pp. 251–268.

37. Martin L.L. Interests, Power, and Multilateralism // International Organization, Autumn 1992, Vol. 46, No.4, pp. 765–792.

38. Modelski G., Tompson W. The Long and the Short of Global Politics in the Twenty-First Century: An Evolutionary Approach // International Studies Review. Vol. 1, No. 2, Prospects for International Relations: Conjectures about the Next Millennium (Summer, 1999). P. 110–140.

39. Nye J.S., jr. What New World Order? // Foreign Affairs. Vol. 71, No. 2 (Spring, 1992). Pp. 83–96.

40. Permanyer I. On the Measurement of Gender Equality and Gender-Related Development Levels // Journal of Human Development, March 2008, Vol. 9, No.1, pp. 87–108.

41. Petropoulos S. The Emergence of the BRICS – Implications for Global Governance // Journal for International and Global Studies. 2013. No. 4 (2). Pp. 38–49.

42. Pommeranz W. Why Russia Needs the BRICS? // Fareed Zakaria Global Public Square. 2013, September 3. URL: globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/09/03/why-russia-needs-the-brics/ (date of access: 01.10.2018).

43. Posen B.R., Ross A.L. Competing Visions for U.S. Grand Strategy // International Security. Winter 1996/97. Vol. 21. No. 3. Pp. 5–53.

44. Risse Th. Transnational Actors and World Politics / Handbook of International Relations // Ed. by W. Carsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. London: Sage, 2002. P. 255–274.

45. Roberts C. Russia’s BRICs Diplomacy: Rising Outsider with Dreams of an Insider // Polity. 2010. No. 42 (1). Pp. 38–73.

46. Ross R. Balance of Power Politics and the Rise of China: Accommodation and Balancing in East Asia / China’s Rise and the Balance of Influence in Asia / Ed. by

William W. Keller and Thomas G. Rawski. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007. P. 121–146.

47. Ruggie J.G. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // International Organization, Autumn 1998, Vol. 52, No.4, pp. 855–885.

48. Sadik Ü. Reality or Mirage? BRICS and the Making the Multipolarity in the Global Political Economy // Insight Turkey 15, 2013, No. 3, Pp. 77–94. URL: file.insightturkey.com/Files/Pdf/15_03_2013_unay.pdf (date of access: 01.10.2018).

49. Sidiropoulos E. BRICS Outcomes 2015: Strengthening political dimensions // SAIIA. URL: saiia.org.za/opinion-analysis/brics-outcomes-2015-strengthening-political-dimensions (date of access: 01.10.2018).

50. Slaughter A.-M. International Law and International Relations Theory: A Dual Agenda // The American Journal of International Law, April 1993, Vol. 87, No.2, pp. 205–239.

51. Sotero P., Armijo L.E. Brazil: To be or not to be a BRIC? // Asian Perspective. 2007. Vol. 31, № 4. URL: cebri.com.br/midia/documentos/brazil.bric.pdf (date of access: 01.10.2018).

52. Tanaka A. Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // Prospects for Global Order. 1993. Vol. 2. P. 25–37.

53. Van Langenhove L. The Transformation of Multilateralism: Mode 1.0 to Mode 2.0 // Global Policy Volume 1. Issue 3. October 2010. Pp. 263–270.

54. Wallerstein I. Foes as Friends? // Foreign Policy. Spring 1993. No 90. P. 145–157.

55. Waltz K.N. The Emerging Structure of International Politics // International Security. Vol. 18, No. 2 (Fall, 1993). Pp. 44–79.

56. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State // The American Political Science Review, June 1994, Vol. 88, No.2, pp. 384–396.

57. Wohlworth W.C. The Stability of a Unipolar World // International Security. Vol. 24, No. 1 (Summer, 1999). Pp. 5–41.

58. Wolfers A. The Actors in World Politics // Theoretical Aspects of

International Relations /W.T.R. Fox (Ed.) - Notre Dame, Indiana: Univ. of NotreDame Press, 1959. P. 75–87.

59. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. БРИКС – международная квазиорганизация? Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве / отв. ред. К. М. Беликова. М., 2012. С. 9–15.

60. Абденур Э.А. Могут ли страны БРИКС сотрудничать в вопросах международной безопасности // Вестник международных организаций: образование, наука, экономика. 2017. Т. 12. № 3. С. 73–93.

61. Алексеенко О.А. Новый банк развития БРИКС и Пул условных валютных резервов как катализаторы процесса реформирования Бреттон-Вудских институтов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3, № 5. С. 53–67.

62. Алексеенко О.А. Сетевой университет БРИКС и его роль в выстраивании новой архитектуры многостороннего взаимодействия в области образования и науки // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2017. № 9. С. 38–42.

63. Алексеенко О.А., Ильин И.В. БРИКС как новая форма полицентричности мирового порядка // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2014. № 12 (299). С. 35–42.

64. Алексеенко О.А., Ильин И.В. Глобальная конкурентоспособность БРИКС в полицентричном мире // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 7. С. 59–63.

65. Алексеенко О.А., Ильин И.В. Новый Банк развития БРИКС и его роль в процессе реформирования системы глобального регулирования // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2016. № 3. С. 3–6.

66. Алексеенко О.А., Ильин И.В. Роль и место БРИКС в процессе формирования полицентричной модели современного мироустройства // Глобальные процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества: тез. докл. IV междунар. науч.-практич. конф. Под редакцией И.В. Ильина. 24 – 26 мая 2016 г. Москва, 2016. С. 21–23.

67. Антипов К. Инвестиции КНР в Пакистан: результаты и перспективы // Российский совет по международным делам (17.07.2017). URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/investitsii-knr-v-pakistan-rezultaty-i-perspektivy/ (дата обращения: 01.10.2018).

68. Антипова Е.А., Родионова И.А. Страны БРИКС на мировом рынке инноваций и высокотехнологичной продукции // Вестник БГУ. Серия 2: Химия. Биология. География. 2016. № 1. С. 71–80.

69. Арапова Е.Я. Перспективы экономической интеграции в формате БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 2. С. 32–47.

70. Арапова Е.Я., Чкония А.-М.Е. Торговый потенциал БРИКС: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 7. С. 152–165.

71. Ардзинба И.Б. Будущее группы БРИКС глазами экспертного сообщества // Международная жизнь. 2014. № 3. С. 149–168.

72. Ардзинба И.Б. Единство и различия в интересах стран – членов группы БРИКС // Государственная служба. 2014. № 2. С. 91–96.

73. Архангельская А.А. БРИКС – новый актор в Африке: конкуренты или союзники? // Будущее Африки. Борьба новых и старых акторов: материалы междунар. науч. конф., 13 – 14 марта 2012 г. Москва. С. 102–111.

74. Астахов Е.М. БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1 (46). С. 42–50.

75. Астахов Е.М. Латиноамериканская проекция БРИКС // Ибероамериканские тетради. 2016. № 1 (11). С. 62–66.

76. Бабурин С.Н. Мировой порядок после СССР и территориальный вопрос // Национальные интересы. 1998. № 1. С. 8-15.

77. Бабурин С.Н. Россия и проблема справедливого мирового порядка // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. № 1–2. С. 53–79.

78. Барабанов О.Н. Новые ценности БРИКС как альтернативная модель глобального регулирования // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2012. Т. 7. № 2. С. 68–74.

79. Баранов Н.А. Место России в трансформирующемся мировом порядке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2-2 (14). С. 79–83.

80. Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25–37.

81. Баталов Э.Я. Современные глобальные тренды и новое сознание. Реальность и теория // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1 (28). С. 4–17.

82. Батюк В.И. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. 2010. № 2. С. 80–88.

83. Бевеликова Н.М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 110–123.

84. Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25–36.

85. Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1. С. 6–23.

86. Бородаевский А.Д. Об интеграционном потенциале группы БРИКС // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2014. № 6. С. 18–32.

87. Будаев А.В. БРИКС: формирование стратегии «мягкой силы» // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 57–68.

88. Бурых Д.Н. БРИКС как фактор глобальной политики // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1. С. 59–73.

89. Виноградов А.В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 1. С. 47–52.

90. Гаман-Голутвина О.В. Феномен БРИКС как попытка ответа на вызовы глобальной конкуренции // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 483–547.

91. Гилькова О.Н. Современные тенденции и перспективы развития военно-технического сотрудничества России с партнерами по группе БРИКС (на примере

военно-авиационной техники) // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-2. С. 41–44.

92. Гринин Л.Е. Размышления о трансформациях мирового порядка. Часть 2. Мировой порядок в будущем // CREDO NEW. 2017. № 2. URL: http://credo-new.ru/archives/1050 (дата обращения: 01.10.2018).

93. Гусарова С.А. Механизмы торгово-инвестиционного сотрудничества стран БРИКС // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12–1. С. 51–59.

94. Гусарова С.А. Синергетический эффект сотрудничества стран (на примере торгово-инвестиционного взаимодействия стран БРИКС) // Экономика и предпринимательство. 2017. № 12–3. С. 178–181.

95. Гусарова С.А., Гусаров И.В. Роль иностранных инвестиций в модернизации экономик стран БРИКС // Международная экономика. 2014. № 9. С. 53–64.

96. Гусарова С.А., Гусаров И.В. Становление национальных инновационных систем стран БРИКС // Экономика и предпринимательство. 2015. № 3-2. С. 140–145.

97. Давыдов В.М. БРИКС как фактор становления полицентричного режима международных отношений // Международная жизнь. 2011. № 5. С. 95–104.

98. Давыдов В.М. БРИКС. Достижения и задачи нового этапа // Вестник Финансового университета. 2015. № 5. С. 13–18.

99. Дегтерева Е.А., Саяпина К.В. Приоритетные рынки для российского вооружения и военной техники в странах БРИКС // Национальная безопасность / NOTA BENE. 2016. № 3. С. 390–400.

100. Дежина И.Г. Страны БРИКС: направления научной кооперации // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 9. С. 14–23.

101. Дейч Т.Л. Региональная политика БРИКС в Африке // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 206–228.

102. Дейч Т.Л., Корендясов Е.Н. БРИКС – новый игрок на африканском континенте // Азия и Африка сегодня. 2012. № 6. С. 18–23.

103. Джагитян Э.П. Институционализация экономического механизма группы БРИКС: преимущества и риски Нового банка развития // Деньги и кредит. 2015. № 6. С. 28–35.

104. Дробот Г.А. БРИКС как международно-политическое пространство // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2015. № 3–4. С. 33–47.

105. Ершов В.Ф. Финансовая система стран БРИКС: институционализация и интеграция в мировую экономику (2009 – 2015 гг.) // Российский научный журнал. 2015. № 5. С. 246–266.

106. Жариков М.В. Потенциальные варианты перехода БРИКС к согласованной экономической политике // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 41–52.

107. Иванова С.В. Современные тенденции внешней торговли в формате БРИКС // Международная торговля и торговая политика. 2016. № 3. С. 16–27.

108. Ильин И. В., Леонова О. Г., Алексеенко О. А. БРИКС как общий знаменатель стратегических приоритетов // Международная жизнь. 2016. № 8. С. 115–130.

109. Иноземцев В.Л., Караганов С.А. О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 1. С. 8–26.

110. Калюжный В.Г. Идеи полицентризма: миф или реальность // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия: Социология, Политология. Вып. 2. С. 96-100.

111. Кан М. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 140–159.

112. Капицын В.М. «Мягкая сила» БРИКС // Модернизация России: ключевые проблемы и решения: сб. материалов XIV международ. научн. Конференции, 18–19 декабря 2014 г. Москва, 2015. С. 96–100.

113. Капицын В.М. БРИКС и проекты Шелкового пути через призму интеграционного потенциала участников // Страны БРИКС: стратегии развития и

механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире: сб. трудов I Международной научно-практической конференции, 2–3 ноября 2015 г. Москва, 2016. С. 44–49.

114. Капицын В.М. Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия // Русская политология – Russian political science. 2016. № 1. С. 57–68.

115. Каратаев С.В. [и др.]. Формула расчета квот МВФ: возможности для БРИКС и развивающегося мира: доклад Российского института стратегических исследований (август 2016, № 3). URL: https://riss.ru/bookstore/monographs/report-3/ (дата обращения: 01.10.2018).

116. Каратаев С.В. Новый банк развития в международной системе координат // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 2. С. 106–134.

117. Карпович О.Г. Мировая политика и негосударственные участники международных отношений // Мировая политика. 2017. № 3. С. 119-128.

118. Кива А.В. Мечты и реалии: БРИКС // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 39–49.

119. Кириллов А.Н., Балаганская Е.Н., Балашова М.В. Первый год деятельности новых финансовых институтов стран БРИКС // Фундаментальные исследования. 2016. № 12-3. С. 645–649.

120. Киртон Дж. Дж. Анализ причин успешности саммитов БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 9–38.

121. Кокотсис Э. «Группа двадцати» и БРИКС: повышение легитимности решений // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 2. С. 194–210.

122. Коротков И.Г., Зубенко В.А. Научно-исследовательская инфраструктура стран БРИКС // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 38–44.

123. Кортунов С.В. Становление нового мирового порядка // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 77–94.

124. Косолапов Н.А. Контуры нового миропорядка / Н. А. Косолапов // Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002. Хрестоматия.

В 4 т./ МГИМО (У) МИД России; РАМИ; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование); Сост. Т.А. Шаклеина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 93–113.

125. Кузнецов А. Транснациональные корпорации стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 3-11.

126. Курганский С.А. Перспективы Банка развития БРИКС // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность: материалы II Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 70-летию Победы во Второй мировой войне: в 2 частях, г. Иркутск, 21–22 сентября 2015 г. / Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. С. 19–25.

127. Кутейников А.Е. Международные межправительственные организации как класс международных структур и как юридический феномен // Государство и право. 2013. № 3. С. 72–79.

128. Лавров С.В. БРИКС – глобальный форум нового поколения // Международная жизнь. 2012. № 3. С. 1–6.

129. Ланьшина Т.А. Инновационное развитие стран БРИКС // Международная экономика. 2013. № 6. С. 82–89.

130. Ларионова М.В. «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Хорошие новости для глобального управления // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 7–33.

131. Ларионова М.В. Год председательства ЮАР в БРИКС: региональная держава у руля глобального объединения // Африка как ресурс глобальных влияний: сборник статей. М.: РУДН, 2015. С. 190–212.

132. Ларионова М.В. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 1. С. 126–152.

133. Ларионова М.В. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 1. С. 126–152.

134. Ларионова М.В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных

организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 113–139.

135. Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р. «Группа восьми» и «Группа двадцати». Функции, приоритеты, типы взаимодействия с Россией // Вестник международных организаций. 2009. № 4. С. 134–167.

136. Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В. Что влияет на исполнение обязательств «Группы двадцати» и БРИКС: сравнительный анализ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 3. С. 99–131.

137. Лебедева М.М. Акторы в международных отношениях и мировой политике // Российский совет по международным делам (9 июня 2016 г.). URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/aktory-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-i-mirovoy-politike/ (дата обращения: 01.10.2018).

138. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 38–42.

139. Лебедева М.М. Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. URL: http://www.intertrends.ru/five/008.htm (дата обращения: 01.10.2018).

140. Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 99–108.

141. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2 (47). С. 125-133.

142. Лексютина Я.В. Китай в БРИКС: мотивация участия // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 81–89.

143. Лексютина Я.В. Китай и Индия: перспективы экономического лидерства в БРИКС // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII междунар. науч.-практич. конф., 22–23 мая 2017 г. Благовещенск, 2017. С. 685–690.

144. Лексютина Я.В. Лидерство в БРИКС: Прогнозы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 5. С. 25–33.

145. Лексютина Я.В. Усилия БРИКС по изменению мировой валютно-

финансовой системы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 11. С. 143–157.

146. Леонова О. Г. БРИКС – конфликт или консенсус геополитических интересов? // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3, № 5. С. 7–14.

147. Леонова О.Г. БРИКС – внеамериканская зона взаимодействия // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2015. № 1. С. 25–33.

148. Лисоволик Я.Д. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? // Официальный сайт международного дискуссионного клуба «Валдай» (Валдайская записка № 69, июль 2017 г.). URL: http://ru.valdaiclub.com/files/16603/ (дата обращения: 01.10.2018).

149. Лисоволик Я.Д. Монетизация БРИКС+: Инициатива R5 // Международный дискуссионный клуб «Валдай» (01.09.2017). URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/monetizatsiya-briks-r5/ (дата обращения: 01.10.2018).

150. Лукашик А.П. БРИКС: итоги российского председательства и векторы дальнейшего развития // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 51–62.

151. Лукин А.В. Консолидация незападного мира на фоне украинского кризиса: Россия и Китай, ШОС И БРИКС // Международная жизнь. 2015. № 2. С. 71–91.

152. Луков В.Б. БРИКС – фактор глобального значения // Международная жизнь. 2011. № 6. С. 30–37.

153. Лунев С.И. Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. Т. 17. № 17. С. 112–139.

154. Лунев С.И. Потенциал сотрудничества в формате БРИКС и культурно-цивилизационный фактор // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 1. С. 65–76.

155. Маковеев В.Н. Стимулирование инновационной деятельности в странах БРИКС // Вопросы территориального развития. 2016. № 2. С. 1–12.

156. Манойло А.В. Итоги уфимских саммитов БРИКС и ШОС: если Запад

не пересмотрит свою политику, он рискует стать задним двором БРИКС// Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 3. С. 3–7.

157. Манойло А.В. Гибридизация современной мировой политики и национальная безопасность Российской Федерации // Геополитический журнал. 2017. № 1. С. 3-20.

158. Манойло А.В. Актуальные аспекты формирования нового миропорядка на платформе российской модели ноосферной политики и идеологии ноовитизма // Политика и общество. 2014. № 4. С. 406-415.

159. Манойло А.В. Роль стратегий управляемого хаоса в формировании нового миропорядка // Право и политика. 2014. № 5. С. 638-651.

160. Мартынов Б.Ф. Дилемма многополярного мира и Латинская Америка // Латинская Америка. 2009. № 10. С. 4-25.

161. Мартынов Б.Ф. Страны БРИКС и концепции международного права // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1. С. 26–37.

162. Миршаймер Дж. Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_12061 (дата обращения: 01.10.2018).

163. Михайленко Е.Б. Альтернативный регионализм БРИКС // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 155. № 11 (3). С. 194–206.

164. Наумов А. О. Мягкая сила стран группы БРИКС (на примере Индии) // Страны БРИКС: Стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире: сб. трудов I Международной научно-практической конференции, 2–3 ноября 2015 г. Москва, 2016. С. 96–99.

165. Наумов А.О. «Мягкая сила» стран группы БРИКС (на примере Бразилии и ЮАР) // Мировая политика. 2015. № 4. С. 27–40.

166. Наумов А.О. Международные неправительственные организации и проблемы глобального управления // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 39. С. 49–76.

167. Наумов А.О., Положевич Р.С. «Мягкая сила» и международный имидж

стран группы ИБСА // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52. С. 6-37.

168. Наумов А.О., Положевич Р.С. «Мягкая сила Индии как суверенного государства: идейные истоки и ретроспектива (Часть I) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 69. С. 410-430.

169. Нижегородцев Р.М., Дудин М.Н., Лясников Н.В. Структурные преобразования в условиях формирования «зеленой» экономики: вызовы для бизнеса и стран БРИКС // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 4–17.

170. Никонов В.А. Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. С. 8-29.

171. Панова В.В. БРИКС: проблемы взаимодействия и потенциал сотрудничества // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2013. № 1. С. 39–53.

172. Прокофьев И.В. [и др.]. О взглядах экспертов БРИКС на реформирование Международного валютного фонда: доклад Российского института стратегических исследований (май 2016, № 2). URL: https://riss.ru/bookstore/monographs/report-2/ (дата обращения: 01.10.2018).

173. Прокофьев И.В., Коротаев Е.В. [и др.]. БРИКС и международная финансовая архитектура: от МВФ к справедливому многополярному миропорядку // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3. С. 9–39.

174. Рогатных Е.Б. БРИКС как новый формат развития международного экономического сотрудничества в XXI веке // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 11–20.

175. Родионова И.А., Слука Н.А., Кокуйцева Т.В. Производство высокотехнологичной продукции: позиции стран БРИКС в меняющемся мире // Успехи современного естествознания. 2016. № 3. С. 190–197.

176. Рябков С.А. БРИКС: общность подходов и конкретика дел // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 5–10.

177. Саяпина К.В., Дегтерева Е.А., Зобов А.М. Перспективные формы и механизмы реализации военно-промышленного и научно- производственного сотрудничества России и стран БРИКС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2016. № 3. С. 19–28.

178. Светличный А.И. Устойчивое развитие и Новый банк развития БРИКС: анализ и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 68–88.

179. Селезнев П.С. Инновационный потенциал стран БРИКС: опыт Индии // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 5. С. 51–57.

180. Сивоплясова С.Ю., Стрелков А.С. Военно-техническое сотрудничество между странами БРИКС: выгоды, проблемы, перспективы // Известия института инженерной физики. 2017. Т. 2. № 44. С. 100–104.

181. Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27–37.

182. Соколов А.В., Шашнов С.А., Коцемир М.Н., Гребенюк А.Ю. Определение приоритетов научно-технологического сотрудничества стран БРИКС // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С. 32–67.

183. Старчак М.В. БРИКС: общие и частные угрозы международной безопасности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 4. С. 160–176.

184. Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. Политические исследования. 1997. № 2.

185. Стункель О. «Большая семерка» и БРИКС в мире после Крыма // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 2. С. 130–140.

186. Тарасенко О.А. Формирование новой конфигурации – банковских институтов объединения БРИКС // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 87–89.

187. Тищенко Г.Г., Бурых Д.Н., Шишков А.С. БРИКС и Латинская Америка:

состояние, проблемы и перспективы сотрудничества // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5. С. 11–31.

188. Толорая Г.Д. БРИКС – союз реформаторов // БРИКС: сотрудничество в целях развития. Образование. Наука. Бизнес: материалы V междунар. науч. конф., 4 июня 2015 г. М.: РУДН, 2016. С. 5–9.

189. Толорая Г.Д. БРИКС во имя будущего // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 45–56.

190. Толорая Г.Д. БРИКС И ШОС: соотношение и взаимодействие новых механизмов глобального управления // Международная аналитика. 2015. № 2 (12). С. 98–102.

191. Толорая Г.Д. Зачем России БРИКС? // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13. № 1. С. 70-81.

192. Толорая Г.Д., Чуков Р.С. БРИКС и G20: возможности для взаимодействия (11.07.2017). URL: http://rethinkingrussia.ru/2017/07/брикс-и-g20-возможности-для-взаимодейст/ (дата обращения: 01.10.2018).

193. Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 97–112.

194. Торопчин Г.В. От Гоа до Сямэня. О некоторых аспектах политического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12. № 1. С. 174–188.

195. Трохова Е.В. Перспективные сферы двустороннего экономического взаимодействия стран БРИКС // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. 2017. № 4. С. 99–101.

196. Урсул А. Д. Переход к устойчивому развитию: Россия и БРИКС // Международный научно-образовательный журнал "Партнёрство цивилизаций". 2015. № 1–2. С. 96–129.

197. Уянаев С.В. Объединение БРИКС и структура РИК в середине 2010-х годов: тенденции и перспективы, взаимодействие РФ и КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. № 21. С. 26–46.

198. Уянаев С.В. Сотрудничество в формате БРИКС в контексте основных тенденций современного мира // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2011. № 16. С. 44–74.

199. Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11144 (дата обращения: 01.10.2018).

200. Хейфец Б.А. Дорожная карта инвестиционного сотрудничества стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 6. С. 19–28.

201. Хейфец Б.А. Инвестиционный разворот БРИКС // Международная жизнь. 2015. № 13. С. 21–44.

202. Хейфец Б.А. Перспективы институционализации БРИКС // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 25–42.

203. Хмелевская Н.Г. Метаморфозы дополняемости взаимной торговли стран БРИКС и их экспортные позиции // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 43–57.

204. Хмелевская Н.Г. Пул условных валютных резервов БРИКС в аспекте достаточности международных (золотовалютных) резервов // Деньги и кредит. 2016. № 2. С. 42–49.

205. Цыганков П.А. Быстро текущий момент. Природа миропорядка и кризиса глазами ведущих мировых ученых-международников // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16, № 4. С. 8–11.

206. Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 194–202.

207. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики: взаимодействие с государствами и межправительственными организациями // Мир и Политика. 2013. № 10. С. 257–265.

208. Цыганков П.А. Относительность расхождений и пределы совмещения реализма и либерализма в трактовке вопросов миропорядка // Политическая наука. 2017. Специальный выпуск. С. 234–244.

209. Шавина Е.В. Усиление инновационного сотрудничества России со странами БРИКС как основа дальнейшего экономического развития в условиях обострения геополитической обстановки // Экономика образования. 2015. № 1. С. 4–11.

210. Шаклеина Т.А. Новые явления в формировании мирового порядка: перспективы для России // Дискурс, политика, управление: материалы IX Конвента РАМИ (Москва. 27–28 октября 2015 г.) / под ред. А.В. Мальгина / МГИМО (У) МИД. РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 78-89.

211. Шаклеина Т.А. Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке (глава в книге) // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / под. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. С. 313-324.

212. Шарова Е.А. Взаимная торговля стран БРИКС на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2. С. 150–174.

213. Шатская И.И. Основные сферы сотрудничества России со странами БРИКС // Научный альманах. 2016. № 4-1 (18). С. 301–306.

214. Шаумян Т.Л. Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. 2013. Т. 4. № 3. С. 44–64.

215. Шахалилов Ш. Мировой порядок: проблемы трансформации // Международная жизнь. 2016. № 9. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1737 (дата обращения: 01.10.2018).

216. Шелепов А.В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 4. С. 7–28.

217. Шилян Ш. БРИКС+ и изменение структуры глобального управления // Международный дискуссионный клуб «Валдай» (29.08.2017). URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-globalnoe-upravleniye/ (дата обращения: 01.10.2018).

218. Шинкарецкая Г.Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140–145.

219. Шубин В.Г. Зачем Южной Африке БРИКС и зачем БРИКСу Южная Африка // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 2. С. 57–70.

220. Шубин В.Г. ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 2. С. 229–246.

221. Юртаев В.И. БРИКС: вызовы сотрудничества на африканском континенте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 2. С. 191–202.

222. Ягья В.С., Чуков Р.С., Парфененок Н.Л. БРИКС: Эволюция и конвергенция сил // Вестник Российского университета международных отношений. Серия «Международные отношения». 2016. Т. 16. № 1. С. 7-15.

223. Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Аргентина – резервный участник группы БРИКС? // Свободная мысль. 2015. № 4 (1652). С. 32–47.

Электронные ресурсы

1. «Добавьте букву «Т»: как Турция попросилась в БРИКС // Газета.ру (29.07.2018). URL: https://www.gazeta.ru/business/2018/07/29/11875933.shtml (дата обращения: 01.10.2018).

2. Bilateral FDI Statistics 2014 // United Nations Conference on Trade and Development. URL: http://unctad.org/en/Pages/DIAE/FDI%20Statistics/FDI-Statistics-Bilateral.aspx (date of access: 01.10.2018).

3. Brazilian Chairmanship in BRICS (2014-2015) // Official site of Brazilian Ministry of Foreign Affairs. URL: brics.itamaraty.gov.br/ (date of access: 01.10.2018).

4. BRICS Information Centre of Toronto University. URL: brics.utoronto.ca/docs (date of access: 01.10.2018).

5. BRICS Joint Statistical Publication 2017 // Official site of South Africa’s Chairmanship in BRICS (2018). URL:

http://www.brics2018.org.za/sites/default/files/documents/Statistics/BRICS%20Joint_Statistics%20Publication%202017.pdf (date of access: 01.10.2018).

6. BRICS Outreach // Official site of South Africa's chairmanship in BRICS (2018). URL: http://www.brics2018.org.za/brics-outreach (date of access: 01.10.2018).

7. BRICS trade policies, institutions and areas of deepening cooperation // Centre for WTO Studies. URL: wtocentre.iift.ac.in/FA/Brics.pdf (date of access: 01.10.2018).

8. Building Better Global Economic BRICs (2001) // Goldman Sachs Group, Inc. URL: goldmansachs.com/our-thinking/archive/index.html (date of access: 01.10.2018).

9. Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country and Post (August 31, 2018). URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/2.pdf (date of access: 01.10.2018);

10. Dreaming With BRICs: The Path to 2050 (2003) // Goldman Sachs Group, Inc. URL: goldmansachs.com/our-thinking/archive/index.html (date of access: 01.10.2018).

11. E/RES/1968/1296 (XIV). Arrangements for Consultation with Non-Governmental Organizations. May 23, 1968. Part I, Article 7 // UN Official site. URL: http://www.un-documents.net/1296.htm (date of access: 01.10.2018).

12. First BRICS Science, Technology &Innovation Ministerial Meeting: Cape Town Declaration (10 February 2014) // Официальный сайт РАНХиГС. URL: http://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency1/BRICS%20STI%20CAPE%20TOWN%20COMMUNIQUE%20OF%2010%20FEBRUARY%202014.pdf (date of access: 01.10.2018).

13. Global Economic Prospects: Broad-Based Upturn, but for How Long? June 2018 // World Bank Group Flagship Report. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29801/9781464812576.pdf (date of access: 01.10.2018).

14. Global Trade Alert (Independent Monitoring of Policies that Affect World Commerce). URL: globaltradealert.org/country/28,42,95,173,195/affected-jurisdictions_28,42,95,173,195/period-from_20090101/period-to_20170907 (date of access: 01.10.2018).

15. IBRD 2010 Voting Power Realignment // World Bank. URL: siteresources.worldbank.org/NEWS/Resources/IBRD2010VotingPowerRealignmentFINAL.pdf (date of access: 01.10.2018).

16. IBSA Dialogue Forum // Brazilian Ministry of External Relations. URL: itamaraty.gov.br/en/politica-externa/mecanismos-inter-regionais/7495-india-brazil-south-africa-ibsa-dialogue-forum (date of access: 01.10.2018).

17. IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors (last updated: 01.10.2018). URL: http://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx#1 (date of access: 01.10.2018).

18. International Bank for Reconstruction and Development Subscriptions and Voting Power of Member Countries // World Bank. URL: siteresources.worldbank.org/BODINT/Resources/278027-1215524804501/IBRDCountryVotingTable.pdf (date of access: 01.10.2018).

19. International trade in goods and services based on UN Comtrade data. URL: comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis/?type=C&year=2016&flow=2 (date of access: 01.10.2018).

20. Jim Yong Kim. Unanimously Reappointed to Second Term as World Bank Group President // World Bank. 27 September, 2016 // World Bank Group. URL: worldbank.org/en/news/press-release/2016/09/27/jim-yong-kim-unanimously-reappointed-to-second-term-as-world-bank-group-president (date of access: 01.10.2018).

21. Joint Statement: Celebrating a Decade of the India-Russian Federation Strategic Partnership and Looking Ahead (December 21, 2010) // Official site of Indian Ministry of External Affairs. mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5118/Joint+Statement+Celebrating+a+Decade+of+the+India+Russian+Federation+Strategic+Partnership+and+Looking+Ahead (date of access: 01.10.2018).

22. List of All Projects // New Development Bank [Official Site]. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2017/02/list-of-all-projects-1.pdf (date of

access: 01.10.2018).

23. List of Memoranda of Understanding and Cooperation Agreements// New Development Bank [Official Site]. URL: https://www.ndb.int/partnerships/list-of-partnerships/ (date of access: 01.10.2018).

24. MDBs Joint Declaration of Aspiration on Actions to Support Infrastructure Investment // Official site of G20 Forum (September 5, 2016). URL: g20.org/English/Documents/Current/201608/P020160815360318908738.pdf (date of access: 01.10.2018).

25. Media Statement on the Meeting of the BRICS Foreign/International Relations Ministers (Hague, Netherlands, March 24, 2014) // BRICS Information Centre (University of Toronto). URL: brics.utoronto.ca/docs/140324-foreign.html (date of access: 01.10.2018).

26. NBD attained first credit ratings. URL: ndb.int/investor-relations/credit-ratings (date of access: 01.10.2018).

27. NDB and International Solar Alliance Commit to Deepen Cooperation and Promote Solar Energy (March 11, 2018) // New Development Bank [Official Site]. URL: https://www.ndb.int/press_release/ndb-international-solar-alliance-commit-deepen-cooperation-promote-solar-energy/ (date of access: 01.10.2018).

28. NDB Board of Directors Approves Three Projects in India and Russia with Loans Aggregating USD 825 Million and Establishment of Bond Programme in South African Debt Capital Market (September 19, 2018) // New Development Bank [Official Site]. URL: https://www.ndb.int/press_release/ndb-board-directors-approves-three-projects-india-russia-loans-aggregating-usd-825-million-establishment-bond-programme-south-african-debt-capital-market/ (date of access: 01.10.2018).

29. NDB Launches Africa Regional Center in Johannesburg, South Africa // NDB Official site (17.08.2017). URL: ndb.int/press_release/ndb-launches-africa-regional-center-johannesburg-south-africa (date of access: 01.10.2018).

30. NDB successfully issued first RMB-denominated green financial bond // NDB Official site (July 19, 2016). URL: http://www.ndb.int/press_release/ndb-successfully-issued-first-rmb-denominated-green-financial-bond/ (date of access:

01.10.2018).

31. NDB's General Strategy: 2017 – 2021 // NDB Official site. URL: ndb.int/wp-content/uploads/2017/08/NDB-Strategy.pdf (date of access: 01.10.2018).

32. New Collaboration Announced Between IDB Group and NDB (May 3, 2018) // New Development Bank [Official Site]. URL: https://www.ndb.int/press_release/new-collaboration-announced-idb-group-ndb/ (date of access: 01.10.2018).

33. New Development Bank and Development Bank of Southern Africa Sign Memorandum of Understanding to Establish Framework for Cooperation (May 28, 2018) // New Development Bank [Official Site]. URL: https://www.ndb.int/press_release/new-development-bank-development-bank-southern-africa-sign-memorandum-understanding-establish-framework-cooperation/ (date of access: 01.10.2018).

34. New Development Bank and International Finance Corporation Sign Agreement Aimed at Promoting Co-Financing of Projects (April 13, 2018) // New Development Bank [Official Site]. URL: https://www.ndb.int/press_release/new-development-bank-international-finance-corporation-sign-agreement-aimed-promoting-co-financing-projects/ (date of access: 01.10.2018).

35. New Development Bank and State Bank of India Sign Memorandum of Understanding to Establish Partnership (May 28, 2018) // New Development Bank [Official Site]. URL: https://www.ndb.int/press_release/new-development-bank-state-bank-india-sign-memorandum-understanding-establish-partnership/ (date of access: 01.10.2018).

36. NDB Receives AA+ Rating from S&P, Cementing its Access to Global Financial Markets // NDB Official site (August 29, 2018). URL: https://www.ndb.int/press_release/ndb_receives_aaplus_rating_from_sp/ (date of access: 01.10.2018).

37. New Development Bank Receives AA+ Credit Rating from Fitch // NDB Official site (August 3, 2018). URL: https://www.ndb.int/press_release/new-development-bank-receives-aa-plus-credit-rating-from-fitch/ (date of access:

01.10.2018).

38. NDB President and Brazil's Minister of Finance and Minister of Foreign Affairs Sign Agreement on the Hosting of the Bank's Americas Regional Office in São Paulo // NDB Official site (July 26, 2018). URL: https://www.ndb.int/press_release/ndb-president-minister-foreign-affairs-brazil-sign-agreement-hosting-banks-americas-regional-office-sao-paulo/ (date of access: 01.10.2018).

39. Official site of Chinese Chairmanship in BRICS (2017). URL: brics2017.org/English (date of access: 01.10.2018).

40. Official site of Indian Chairmanship in BRICS (2016). URL: brics2016.gov.in (date of access: 01.10.2018).

41. Official site of South-African Chairmanship in BRICS (2013). URL: brics5.co.za (date of access: 01.10.2018).

42. Official site of South-African Chairmanship in BRICS (2018). URL: http://www.brics2018.org.za (date of access: 01.10.2018).

43. Participation in Regional Trade Agreements // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/rta_participation_map_e.htm (date of access: 01.10.2018).

44. Quota and Voting Shares Before and After Implementation of Reforms Agreed in 2008 and 2010 // International Monetary Fund. URL: http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2011/pdfs/quota_tbl.pdf (date of access: 01.10.2018).

45. Renewable Capacity Statistics 2018 // IRENA Official site. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2018/Mar/IRENA_RE_Capacity_Statistics_2018.pdf (date of access: 01.10.2018).

46. Report of the Commission of Experts of the President of the United Nations General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System. URL: un.org/ga/econcrisissummit/docs/FinalReport_CoE.pdf (date of access: 01.10.2018).

47. SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security (Summary) // SIPRI Official site. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-06/yb_18_summary_en_0.pdf (date of access: 01.10.2018).

48. SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security (Chapter 6: World Nuclear Forces) // SIPRI Official site. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRIYB18c06.pdf (date of access: 01.10.2018).

49. Strong trade growth in 2018 rests on policy choices // Official site of World Trade Organization (April 12, 2018). URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres18_e/pr820_e.htm) (date of access: 01.10.2018).

50. Summary of Contributions to UN Peacekeeping by Country, Mission and Post (August 31, 2018). URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/4_0.pdf (date of access: 01.10.2018).

51. Terms of Reference Commission of Experts of the President of the UN General Assembly on Reforms of the International Monetary and Financial System (Background). URL: http://www.un.org/ga/president/63/commission/background.shtml (date of access: 01.10.2018).

52. UNCTAD World Investment Report 2018, Annex table: FDI inward stock, by region and economy, 1990-2017 // UNCTAD Official site. URL: http://unctad.org/Sections/dite_dir/docs/WIR2018/WIR18_tab03.xlsx (date of access: 01.10.2018).

53. UNCTAD World Investment Report 2018, Annex table: FDI outward stock, by region and economy, 1990-2017 // UNCTAD Official site. URL: http://unctad.org/Sections/dite_dir/docs/WIR2018/WIR18_tab04.xlsx (date of access: 01.10.2018).

54. World Development Indicators // Official site of World Bank Group. URL: http://databank.worldbank.org/data/home.aspx (date of access: 01.10.2018).

55. World Development Indicators: Science and Technology // World Bank Group [official site]. URL: http://wdi.worldbank.org/table/5.13# (date of access:

01.10.2018).

56. World Economic Outlook Update: Less Even Expansion, Rising Trade Tensions, July 2018 // Official site of International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/~/media/Files/Publications/WEO/2018/Update/July/July2018WEOupdate.ashx?la=en (date of access: 01.10.2018).

57. World Integrated Trade Solution // World Bank Group [official site]. URL: http://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/Utilities/e1.trade_indicators.htm (date of access: 01.10.2018).

58. World Trade Statistical Review 2018 // World Trade Organization [official site]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf (date of access: 01.10.2018).

59. Аналитик: БРИКС намерен изменить правила, по которым управляется мир // РИА Новости (28.01.2016). URL: https://ria.ru/world/20160128/1366474063.html (дата обращения: 01.10.2018).

60. Антитеррористические учения «Мирная миссия – 2018» пройдут в сентябре в России // ИА России «ТАСС» (7 июня 2017 г.). URL: tass.ru/armiya-i-opk/4319198, tass.ru/armiya-i-opk/4319198 (дата обращения: 01.10.2018).

61. Аргентина заявила о готовности рассмотреть приглашение в БРИКС // ВЗГЛЯД (13.04.2016). URL: vz.ru/news/2016/4/13/805146.html (дата обращения: 01.10.2018).

62. Бангладеш хочет присоединиться к БРИКС и ШОС // Sputnik Узбекистан (01.06.2017). URL: ru.sputniknews-uz.com/world/20170601/5536437/bangladesh-hochet-v-shos.html (дата обращения: 01.10.2018).

63. Банк БРИКС выпустит рублёвые облигации на 250 млн. долларов // Парламентская Газета (03.06.2017). URL: pnp.ru/economics/bank-briks-vypustit-rublyovye-obligacii-na-250-mln-dollarov.html (дата обращения: 01.10.2018).

64. БРИКС не должен быть антизападным форматом сотрудничества, считают эксперты // РИА Новости (14.06.2017). URL: https://ria.ru/economy/20170614/1496447956.html (дата обращения: 01.10.2018).

65. БРИКС станет больше: Индонезия – на очереди // Экономика Сегодня

(20.08.2015). URL: rueconomics.ru/89086-briks-stanet-bolshe-indoneziya-na-ocheredi (дата обращения: 01.10.2018).

66. БРИКС+: чего ожидать от расширения блока? // Международный дискуссионный клуб «Валдай» (04.09.2017). URL: http://ru.valdaiclub.com/multimedia/infographics/briks-rasshireniye-bloka/ (дата обращения: 01.10.2018).

67. В Байкальский институт БРИКС поступили 40 студентов из России, стран Азии и Африки // Сибирские новости (22.09.2018). URL: http://www.snews.ru/news/v-baykalskiy-institut-briks-postupili-40-studentov-iz-rossii-stran-azii-i-afriki (дата обращения: 01.10.2018).

68. В Дурбане (ЮАР) завершилась восьмая встреча высоких представителей стран БРИКС, курирующих вопросы безопасности // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации (29.06.2018). URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2438/ (дата обращения: 01.10.2018).

69. В Шанхае открылся Новый банк развития БРИКС // ИА России ТАСС (21 июля 2015). URL: http://tass.ru/ekonomika/2132483 (дата обращения: 01.10.2018).

70. Вето в Совете Безопасности. Проекты резолюций, не принятые в результате голосования постоянных членов против них на открытых заседаниях Совета Безопасности // Официальный сайт Совета Безопасности ООН. URL: https://www.un.org/ru/sc/meetings/veto/ussr_russia.shtml (дата обращения: 01.10.2018).

71. Взаимодействие БРИКС с Индонезией // Официальный сайт Национального комитета по исследованию БРИКС (11.03.2017). URL: nkibrics.ru/posts/show/58c3f4786272697eb41c0000 (дата обращения: 01.10.2018).

72. Доклад Комиссии международного права. Шестидесятая сессия (5 мая – 6 июня и 7 июля – 8 августа 2008 года). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

73. Идею России по созданию рейтингового агентства поддержали страны

БРИКС // Pravda.RU (03.09.2017). URL: pravda.ru/news/world/03-09-2017/1347454-briks-0 (дата обращения: 01.10.2018).

74. Индия не поддержит санкции Запада против России, пишут СМИ // РИА Новости (19.03.2014). URL: ria.ru/world/20140319/1000258671.html (дата обращения: 01.10.2018).

75. Кения надеется на вступление в БРИКС // РИА Новости (21.06.2016). URL: ria.ru/world/20160621/1449483710.html (дата обращения: 01.10.2018).

76. Китай выступает с инициативой об открытой модели сотрудничества «БРИКС+» // «Жэньминь жибао» онлайн (03.03.2017). URL: russian.people.com.cn/n3/2017/0303/c31518-9185145.html (дата обращения: 01.10.2018).

77. Китай запустил систему платежей в рублях и юанях // «Вести. Экономика» (13.10.2017). URL: http://www.vestifinance.ru/articles/92340 (дата обращения: 01.10.2018).

78. Мануков С. У китайского «Шелкового пути» появился конкурент // «Expert Online» 2017. URL: http://expert.ru/2017/08/2/u-kitajskogo-shelkovogo-puti-poyavitsya-konkurent/ (дата обращения: 01.10.2018).

79. Межгосударственное объединение БРИКС. Досье // ИА России «ТАСС» (02.09.2017). URL: tass.ru/info/1315743 (дата обращения: 01.10.2018).

80. МИД Индии: банк БРИКС станет альтернативой Бреттон-Вудской системе // РИА Новости (03.07.2015). URL: ria.ru/economy/20150703/1112113705.html (дата обращения: 01.10.2018).

81. Минфин: региональный центр банка БРИКС в РФ появится не ранее 2019 года // ИА России «ТАСС» (17.08.2017). URL: tass.ru/ekonomika/4487517 (дата обращения: 01.10.2018).

82. Мирзаян Г.В. Падение мирового гегемона: как страны БРИКС заменят Соединенные Штаты // РИА Новости (03.09.2017). URL: https://ria.ru/analytics/20170903/1501640909.html (дата обращения: 01.10.2018).

83. МЭР: Россия и Бразилия ведут переговоры о переходе на взаиморасчеты в национальных валютах // Banki.ru (15.09.2015). URL:

banki.ru/news/lenta/?id=8299907 (дата обращения: 01.10.2018).

84. Начались совместные военные учения США, Индии и Японии // ИА REGNUM (11.07.2017). URL: https://regnum.ru/news/2299477.html (дата обращения: 01.10.2018).

85. Отчет о голосовании Совета Безопасности ООН по проекту резолюции S/RES/1973 (2011). URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N11/267/20/PDF/N1126720.pdf?OpenElement (дата обращения: 01.10.2018).

86. Официальный сайт председательства Российской Федерации в БРИКС (2015-2016). URL: brics2015.ru (дата обращения: 01.10.2018).

87. Пакистан предложил России провести в 2017 году ряд совместных военных учений // Интерфакс (27.10.2016). URL: interfax.ru/russia/534316 (дата обращения: 01.10.2018).

88. Президент Аргентины надеется на интеграцию своей страны в БРИКС // РИА Новости (11.09.2015). URL: ria.ru/world/20150911/1242812177.html (дата обращения: 01.10.2018).

89. Пресс-конференция по итогам саммита БРИКС [в Йоханнесбурге, ЮАР] // Официальный сайт Президента России (27.08.2018). URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58119 (дата обращения: 01.10.2018).

90. Российская экономика уже ощущает влияние финансовых институтов БРИКС? // ИА REGNUM (28.08.2017). URL: regnum.ru/news/2314743.html (дата обращения: 01.10.2018);

91. Россия и Пакистан проведут совместные военные учения // Русская служба “BBC” (23.09.2016). URL: bbc.com/russian/news-37457709 (дата обращения: 01.10.2018).

92. Россия предложила проект резолюции об учреждении Миссии ООН на юго-востоке Украины // Центр новостей ООН (5 сентября 2017 г.). URL: un.org/russian/news/story.asp?NewsID=28510#.Wb2aIrJJbIV (дата обращения: 01.10.2018).

93. Рябков: расширение БРИКС не стоит на повестке дня объединения // ИА

России «ТАСС» (23.02.2017). URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4047962 (дата обращения: 01.10.2018).

94. Синяя экономика – новая сфера сотрудничества стран БРИКС // Газета «Жэньминь Жибао онлайн» (05.09.2017). URL: russian.people.com.cn/n3/2017/0905/c31518-9264683.html (дата обращения: 01.10.2018).

95. Стенограмма 65-го пленарного заседания 71-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшегося 19 декабря 2016 года. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/71/PV.65 (дата обращения: 01.10.2018).

96. Сторчак С.А. «Пора договориться о прекращении расширения тематики, с которой работает БРИКС» (интервью) // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 2 (113). С. 13–17.

97. Страны БРИКС приняли декларацию о сотрудничестве в сфере образования // ИА России «ТАСС» (11.07.2018). URL: https://tass.ru/obschestvo/5364728 (дата обращения: 01.10.2018).

98. Сямэньский саммит – основа «золотого десятилетия» сотрудничества БРИКС // Международное радио Китая (31.08.2017). URL: http://russian.cri.cn/news/Comment/383/20170831/22178.html (дата обращения: 01.10.2018).

99. Толорая Г.Д. БРИКС на пути к межцивилизационному союзу? // Российская Газета (25.08.2017). URL: rg.ru/2017/08/25/kakovy-perspektivy-sammita-briks.html (дата обращения: 01.10.2018).

100. Финансовый комитет стран БРИКС обсудил возможность создания криптовалюты организации // ИА России «ТАСС» (04.09.2017). URL: tass.ru/ekonomika/4529651 (дата обращения: 01.10.2018).

101. Центр исследований международных институтов в составе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЦИМИ РАНХиГС). URL: ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/dokumenty-briks (дата обращения: 01.10.2018).

102. Член Госсовета КНР: формат БРИКС стал важным фактором развития мировой экономики // ИА России «ТАСС» (23.02.2017). URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4047309 (дата обращения: 01.10.2018).

103. Шерпа России: объединения БРИКС и G20 должны сотрудничать на пользу мира // РИА Новости (25.10.2016). URL: https://ria.ru/economy/20161025/1479950356.html (дата обращения: 01.10.2018).

Приложения

Приложение 1

Перечень механизмов многостороннего сотрудничества стран БРИКС по состоянию на сентябрь 2018 года

Контакты между официальными лицами и правительственными структурами («первый трек» сотрудничества):

1. Саммиты БРИКС
2. Встречи лидеров стран БРИКС на полях саммитов «Группы двадцати»
3. Встречи шерп и су-шерп БРИКС
4. Встречи министров иностранных дел (в том числе на полях Генеральной Ассамблеи ООН)
5. Встречи министров здравоохранения и высоких представителей по вопросам традиционной медицины
6. Встречи министров и должностных лиц, ответственных за вопросы народонаселения
7. Встречи министров и руководителей ведомств по делам молодежи
8. Встречи министров, отвечающих за вопросы социального обеспечения
9. Встречи министров культуры
10. Встречи министров науки, технологий и инноваций
11. Встречи министров образования
12. Встречи министров промышленности
13. Встречи министров связи и телекоммуникаций
14. Встречи министров сельского хозяйства
15. Встречи министров по борьбе с наркоугрозой
16. Встречи министров труда и занятости
17. Встречи министров финансов и глав центральных банков (в том числе на полях «Группы двадцати», на заседаниях Группы Всемирного Банка и Международного валютного фонда)
18. Встречи министров экологии и окружающей среды
19. Встречи министров экономики и внешней торговли
20. Встречи министров энергетики
21. Встречи министров по чрезвычайным ситуациям
22. Встречи руководителей антинаркотических ведомств
23. Встречи руководителей ведомств по вопросам интеллектуальной собственности
24. Встречи руководителей национальных статистических ведомств
25. Встречи руководителей таможенных органов
26. Встречи руководителей экспортных кредитных агентств
27. Встречи руководителей высших контрольных и надзорных органов
28. Встречи руководителей конкурентных ведомств
29. Встречи руководителей миграционных ведомств
30. Встречи руководителей налоговых ведомств
31. Встречи руководителей национальных органов по стандартизации
32. Встречи руководителей прокуратур
33. Встречи руководителей космических агентств
34. Встречи старших должностных лиц по вопросам здравоохранения
35. Встречи старших должностных лиц по вопросам образования
36. Встречи старших должностных лиц по вопросам окружающей среды
37. Встречи старших должностных лиц по науке, технологиям и инновациям
38. Встречи старших должностных лиц, курирующих вопросы содействия международному развитию
39. Встречи глав делегаций стран БРИКС в Группе разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег
40. Встречи высоких представителей, курирующих вопросы национальной безопасности
41. Встречи специальных представителей и заместителей глав внешнеполитических ведомств по Ближнему Востоку и Северной Африке
42. Встречи официальных представителей по вопросам борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров
43. Встречи официальных представителей по вопросам железнодорожного транспорта
44. Встречи официальных представителей по вопросам миротворчества

45. Заседания Антинаркотической рабочей группы БРИКС
46. Заседания Делового совета БРИКС
47. Заседания Координационной группы по вопросам интеллектуальной собственности
48. Заседания Объединенного комитета БРИКС по сотрудничеству в космосе
49. Заседания Антикоррупционной рабочей группы БРИКС
50. Заседания Рабочей группы Фонда облигаций в национальных валютах стран БРИКС
51. Заседания Рабочей группы по астрономии
52. Заседания Рабочей группы в составе представителей банков развития стран БРИКС и Нового банка развития
53. Заседания Рабочей группы в рамках Механизма межбанковского сотрудничества БРИКС
54. Заседания Рабочей группы по вопросам занятости населения
55. Заседания Рабочей группы по вопросам окружающей среды
56. Заседания Рабочей группы по вопросам сотрудничества в сфере ИКТ
57. Заседания Рабочей группы по противодействию международному терроризму
58. Заседания рабочей группы по разработке и применению геокосмических технологий
59. Заседания Рабочей группы по сельскохозяйственной кооперации
60. Заседания Рабочей группы по таможенному регулированию
61. Заседания Рабочей группы по финансированию науки, технологий и инноваций
62. Заседания Рабочей группы по энергосбережению и повышению энергоэффективности
63. Заседания Рабочей группы по развитию автомобильных рынков
64. Заседания Рабочей группы по развитию цифровой экономики
65. Заседания Совета экспертных центров стран БРИКС
66. Заседания Совета управляющих Пула условных валютных резервов БРИКС
67. Заседания Совета управляющих Нового банка развития
68. Заседания Совета БРИКС по вопросам противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма

Контакты между гражданскими структурами и представителями экспертного сообщества («второй трек» сотрудничества)

69. Академический форум БРИКС
70. Встречи членов Лиги университетов БРИКС
71. Встречи Совета управляющих Сетевого университета БРИКС
72. Водный форум БРИКС
73. Глобальный университетский саммит БРИКС
74. Гражданский форум БРИКС
75. Деловой форум БРИКС
76. Кинофестиваль БРИКС
77. Международный конкурс поп-исполнителей (в том числе молодых поп-исполнителей) стран БРИКС
78. Конференция стран БРИКС по фотонике
79. Конференция БРИКС по астрономии
80. Международные конкурсы молодых ученых стран БРИКС
81. Международная конференция по развитию транспортной инфраструктуры
82. Молодежный саммит БРИКС
83. Научный форум БРИКС
84. Диалог академий наук БРИКС
85. Парламентский форум БРИКС
86. Программа обмена мастерами народного промысла стран БРИКС
87. Профсоюзный форум БРИКС
88. Спортивные игры БРИКС
89. Торговая ярмарка стран БРИКС
90. Туристический конвент стран БРИКС
91. Фестиваль культур стран БРИКС
92. Фестиваль театральных школ стран БРИКС
93. Финансовый форум БРИКС
94. Форум БРИКС по вопросам управления компаниями с государственным участием и их реформирования
95. Форум по вопросам трансфера технологий для микро-, малых и средних предприятий
96. Форум БРИКС по вопросам урбанизации
97. Форум женщин-парламентариев стран БРИКС
98. Форум женщин по вопросам науки, технологий и инноваций
99. Форум микро-, малых и средних предприятий стран БРИКС и ШОС
100. Форум молодых дипломатов стран БРИКС
101. Форум молодых ученых стран БРИКС

102. Форум СМИ стран БРИКС
103. Форум сотрудничества муниципальных органов власти и породненных городов стран БРИКС
104. Форум стран БРИКС по вопросам здоровья
105. Экономический форум стран БРИКС

Источники: составлено автором по:

[1] BRICS Calendar // Official site of Chinese Chairmanship in BRICS in 2017. URL: https://brics2017.org/English/China2017/BRICSCalendar/

[2] BRICS Calendar // Official site of South-African Chairmanship in BRICS in 2018. URL: http://www.brics2018.org.za/sites/default/files/Documents/Calendar.pdf

[3] Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС (26 июля 2018 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/supplement/5323 (дата обращения: 01.10.2018).

Приложение 2

Избранные статистические показатели стран БРИКС в 2015-2018 гг.

Показатель	Единица измерения	Источник данных	Отчетный год	Бразилия	Китай	Индия	Россия	ЮАР	БРИКС
Общая площадь территории	млн. километров кв.	Всемирный Банк	2017	8,5	9,6	3,3	17,1	1,2	39,7
	место в мире			5	3	7	1	24	
	доля в мире			6,3%	7,1%	2,4%	12,7%	0,9%	29,5%
Площадь земель сельскохозяйственного назначения	млн. километров кв.	Всемирный Банк	2015	2,8	5,3	1,8	2,2	1,0	13,1
	доля в мире			5,8%	10,9%	3,7%	4,4%	2,0%	26,7%
Площадь территории, занимаемой лесными массивами	млн. километров кв.	Всемирный Банк	2015	4,9	2,1	0,7	8,1	0,1	16,0
	доля в мире			12,3%	5,2%	1,8%	20,4%	0,2%	39,9%
Население	млн. человек	Всемирный Банк	2016	207,7	1 378,7	1 324,2	144,3	55,9	3 110,7
	место в мире			6	1	2	9	25	
	доля в мире			2,8%	18,5%	17,8%	1,9%	0,8%	41,8%
Сельское население	доля от общего населения страны			14%	43%	67%	26%	35%	
ВВП в текущих ценах (МВФ)	млрд. долл. США	МВФ	2017	2 055,0	12 014,6	2 611,0	1 527,5	349,3	18 557,4
	место в мире			9	2	7	12	39	
	доля в мире			2,6%	15,0%	3,3%	1,9%	0,4%	23,2%
ВВП в текущих ценах (ВБ)	млрд. долл. США	Всемирный Банк	2016	1 796,2	11 199,1	2 263,5	1 283,2	294,8	16 836,9
	место в мире			9	2	7	12	33	
	доля в мире			2,4%	14,8%	3,0%	1,7%	0,4%	22,3%
ВВП по ППС в текущих ценах (МВФ)	млрд. долл. США	МВФ	2017	3 240,3	23 159,1	9 459,0	4 007,8	765,6	40 631,8
	место в мире			8	1	3	6	30	
	доля в мире			2,6%	18,2%	7,4%	3,2%	0,6%	32,0%
ВВП по ППС в текущих ценах (ВБ)	млрд. долл. США	Всемирный Банк	2016	3 141,3	21 417,1	8 702,9	3 397,4	739,4	37 398,2
	место в мире			7	1	3	6	28	

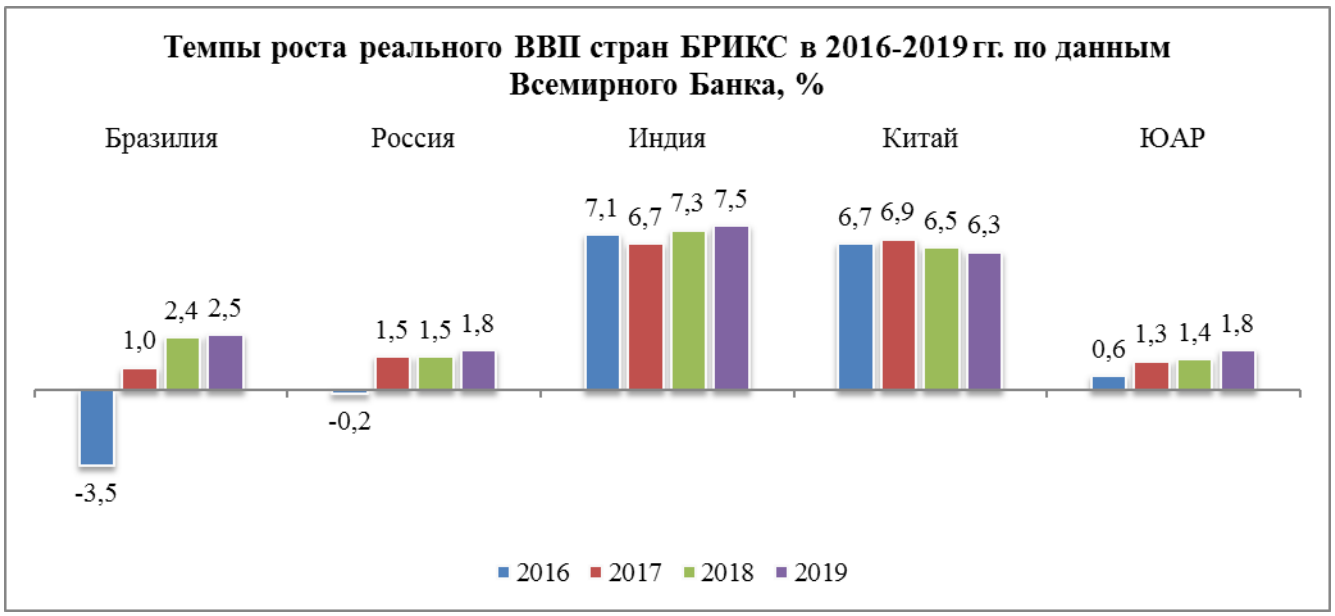
	доля в мире			2,6%	17,8%	7,2%	2,8%	0,6%	31,1%
Производство сельскохозяйственной продукции	млрд. долл. США (в текущих ценах)	Всемирный Банк	2016	84,6	958,2	353,6	54,8	6,4	1457,7
	доля в мире			2,7%	30,2%	11,1%	1,7%	0,2%	45,9%
Производство промышленных товаров	млрд. долл. США (в текущих ценах)	Всемирный Банк	2016	329,7	4 458,4	587,8	374,8	76,2	5 826,8
	доля в мире			1,7%	22,6%	3,0%	1,9%	0,4%	29,6%
Экспорт товаров	млрд. долл. США	ВТО	2017	218	2263	298	353	89	3221
	место в мире (без учета торговли внутри ЕС)			19	1	14	11	25	
	доля в мире			1,27%	13,16%	1,73%	2,05%	0,52%	18,73%
Импорт товаров	млрд. долл. США	ВТО	2017	157	1842	447	238	101	2785
	место в мире (без учета торговли внутри ЕС)			20	3	7	14	23	
	доля в мире			0,89%	10,48%	2,54%	1,35%	0,57%	15,85%
Экспорт коммерческих услуг	млрд. долл. США	ВТО	2017	34	226	179	58	15	512
	место в мире (без учета торговли внутри ЕС)			22	3	5	14	30	
	доля в мире			0,65%	4,30%	3,41%	1,10%	0,29%	9,75%
Импорт коммерческих услуг	млрд. долл. США	ВТО	2017	66	464	150	87	16	783
	место в мире (без учета торговли внутри ЕС)			14	3	6	10	30	
	доля в мире			1,30%	9,15%	2,96%	1,72%	0,32%	15,44%
Международные резервы	млрд. долл. США	МВФ	2018	381,4	3 125,0	415,1	456,3	50,7	4 428,5
	место в мире			10	1	8	5	40	

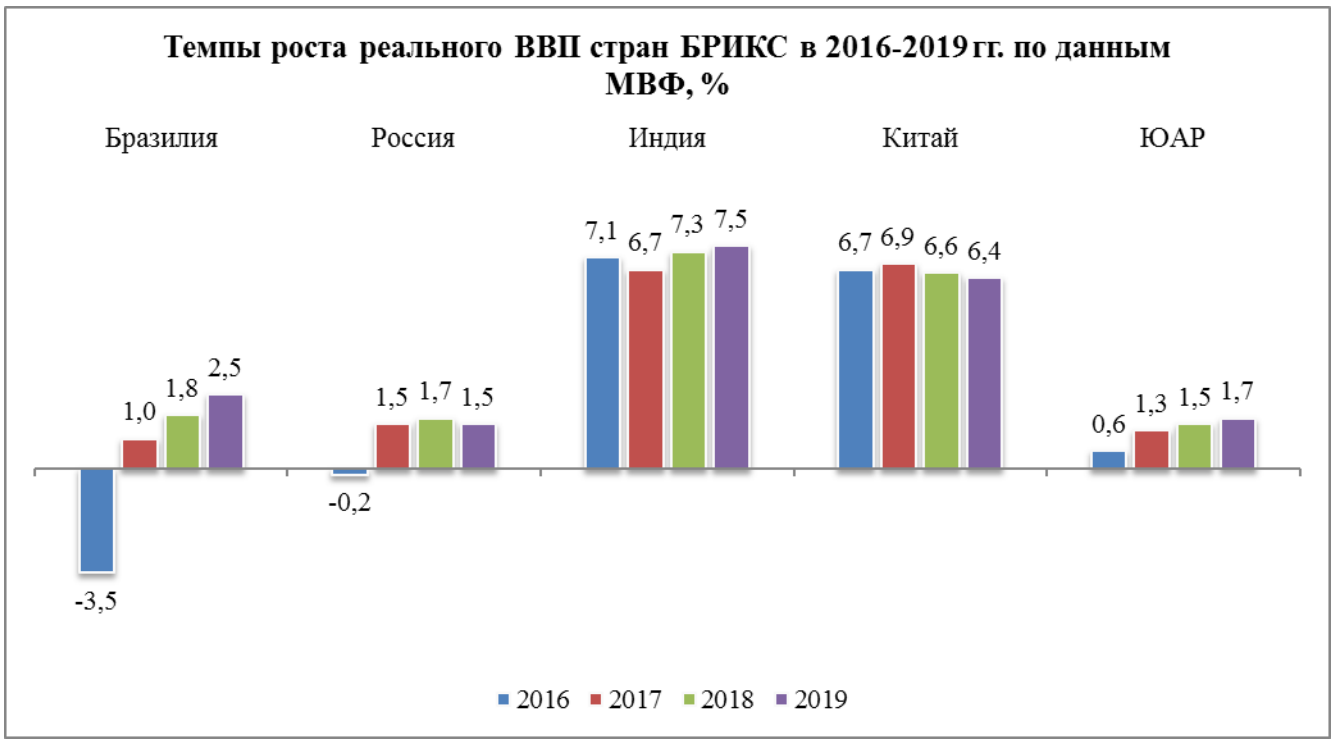
Источники данных: официальные сайты Международного Валютного Фонда (URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx), Всемирного Банка (URL: http://databank.worldbank.org/data/home.aspx), Всемирной Торговой Организации (URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres18_e/pr820_e.htm) (дата обращения: 01.10.2018).

Приложение 3

Темпы роста реального ВВП отдельных стран и групп стран в 2016-2019 гг. по оценкам Всемирного Банка и МВФ, %

	Всемирный Банк				МВФ			
	Оценка		Прогноз		Оценка		Прогноз	
	2016	2017	2018	2019	2016	2017	2018	2019
Мир	2,4	3,1	3,1	3,0	3,2	3,7	3,9	3,9
Развитые страны	1,7	2,3	2,2	2,0	1,7	2,4	2,4	2,2
США	1,5	2,3	2,7	2,5	1,5	2,3	2,9	2,7
Страны еврозоны	1,8	2,4	2,1	1,7	1,8	2,4	2,2	1,9
Япония	1,0	1,7	1,0	0,8	1,0	1,7	1,0	0,9
Соединенное Королевство	1,9	1,8	1,4	1,5	1,8	1,7	1,4	1,5
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны	3,7	4,3	4,5	4,7	4,4	4,7	4,9	5,1
Бразилия	-3,5	1,0	2,4	2,5	-3,5	1,0	1,8	2,5
Россия	-0,2	1,5	1,5	1,8	-0,2	1,5	1,7	1,5
Индия	7,1	6,7	7,3	7,5	7,1	6,7	7,3	7,5
Китай	6,7	6,9	6,5	6,3	6,7	6,9	6,6	6,4
ЮАР	0,6	1,3	1,4	1,8	0,6	1,3	1,5	1,7





Источники данных:

[1] Global Economic Prospects: Broad-Based Upturn, but for How Long? June 2018 // World Bank Group Flagship Report. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29801/9781464812576.pdf;

[2] World Economic Outlook Update: Less Even Expansion, Rising Trade Tensions, July 2018 // International Monetary Fund. URL:

https://www.imf.org/~/media/Files/Publications/WEO/2018/Update/July/July2018WEOupdate.ashx?la=en (date of access: 01.10.2018)

Приложение 4

Накопленные прямые иностранные инвестиции стран «Большой двадцатки» в 1990-2017 гг.

	Входящие накопленные ПИИ "Группы двадцати", 1990-2017 гг. (Миллионов долларов США)					Исходящие накопленные ПИИ "Группы двадцати", 1990-2017 гг. (Миллионов долларов США)				
Регион / страна	**1990**	**2000**	**2010**	**2017**	**Доля в 2017 году**	**1990**	**2000**	**2010**	**2017**	**Доля в 2017 году**
Мир	2 196 331	7 380 453	20 279 391	31 524 356	100%	2 254 904	7 409 630	20 981 762	30 837 927	100,0%
Австралия	80 364	121 686	527 728	662 296	2%	37 505	92 508	449 740	460 641	1,5%
Аргентина	9 085	67 601	85 591	76 576	0%	6 057	21 141	30 328	40 942	0,1%
Бразилия	37 143	122 250	682 346	778 287	2,5%	41 044	51 946	191 349	358 915	1,2%
Германия	226 552	470 938	955 881	931 285	3,0%	308 736	483 946	1 364 565	1 607 380	5,2%
Европейский Союз	885 533	2 322 122	7 357 407	9 123 982	28,9%	976 336	2 907 116	9 136 663	10 631 707	34,5%
Индия	1 657	16 339	205 580	377 683	1,2%	124	1 733	96 901	155 341	0,5%
Индонезия	8 732	25 060	160 735	248 510	0,8%	86	6 940	6 672	65 871	0,2%
Италия	59 998	122 533	328 058	413 246	1,3%	60 184	169 957	491 208	532 910	1,7%
Канада	112 843	325 020	983 889	1 084 409	3,4%	84 807	442 623	998 466	1 487 130	4,8%
Китай	20 691	193 348	587 817	1 490 933	4,7%	4 455	27 768	317 211	1 482 020	4,8%
Мексика	22 424	121 691	389 571	489 130	1,6%	2 672	8 273	116 906	180 058	0,6%
Республика Корея	5 186	43 738	135 500	230 597	0,7%	2 301	21 497	144 032	355 758	1,2%
Россия	-	29 738	464 228	446 595	1,4%	-	19 211	336 355	382 278	1,2%
Саудовская Аравия	15 193	17 577	176 378	232 228	0,7%	2 328	5 285	26 528	79 598	0,3%
Соединенное Королевство	203 905	439 458	1 068 187	1 563 867	5,0%	229 307	940 197	1 686 260	1 531 683	5,0%
США	539 601	2 783 235	3 422 293	7 807 032	24,8%	731 762	2 694 014	4 809 587	7 799 045	25,3%
Турция	11 150	18 812	187 968	180 697	0,6%	1 150	3 668	22 509	41 403	0,1%
Франция	104 268	184 215	630 710	874 521	2,8%	119 860	365 871	1 172 994	1 451 663	4,7%
ЮАР	9 210	43 451	179 565	149 962	0,5%	15 010	27 328	83 249	270 287	0,9%
Япония	9 850	50 323	214 880	207 488	0,7%	201 441	278 445	831 076	1 519 983	4,9%
Страны БРИКС					10,3%					8,6%
Справочно:										
Гонконг, КНР	201 653	435 417	1 067 520	1 968 645	6,2%	11 920	379 285	943 938	1 804 249	5,9%
Тайвань	9 735	19 502	62 977	86 820	0,3%	30 356	66 655	190 803	321 453	1,0%
Макао, КНР	2 809	2 801	13 603	32 365	0,1%	-	-	550	1 802	0,0%

Источник данных: составлено и рассчитано автором по UNCTAD World Investment Report 2018, Annex table: FDI inward stock, by region and economy, 1990-2017 (URL: http://unctad.org/Sections/dite_dir/docs/WIR2018/WIR18_tab03.xlsx), Annex table: FDI outward stock, by region and economy, 1990-2017 (URL: http://unctad.org/Sections/dite_dir/docs/WIR2018/WIR18_tab04.xlsx) (date of access: 01.10.2018).

Накопленные прямые иностранные инвестиции стран БРИКС по состоянию на 2012 год

	Входящие накопленные ПИИ			Исходящие накопленные ПИИ		
	Регион / страна / территория	**Значение**	**Доля**	**Регион / страна / территория**	**Значение**	**Доля**
Бразилия	**Мир**	**746 902**	**100%**	**Мир**	**266 252**	**100%**
	Нидерланды	212 569	28%	Австрия	57 474	22%
	США	113 440	15%	Каймановы острова	42 826	16%
	Испания	81 327	11%	Нидерланды	29 372	11%
	Люксембург	50 566	7%	США	22 635	9%
	Франция	34 498	5%	Британские Виргинские острова	22 502	8%
Россия	**Мир**	**496 396**	**100%**	**Мир**	**406 295**	**100%**
	Кипр	150 409	30%	Кипр	151 806	37%
	Нидерланды	59 565	12%	Нидерланды	64 632	16%
	Британские Виргинские острова	48 989	10%	Британские Виргинские острова	46 649	11%
	Бермудские острова	30 934	6%	Швейцария	11 965	3%
	Люксембург	30 315	6%	США	10 662	3%
Индия	**Мир**	**218 134**	**100%**	**Мир**	**79 857**	**100%**
	Маврикий	57 727	26%	Сингапур	21 481	27%
	Соединенное Королевство	35 595	16%	Маврикий	12 355	15%
	США	32 562	15%	Нидерланды	11 134	14%
	Сингапур	17 654	8%	США	7 066	9%
	Япония	15 470	7%	ОАЭ	3 874	5%
Китай	**Мир**	**1 343 559**	**100%**	**Мир**	**531 941**	**100%**
	Гонконг	592 273	44%	Гонконг	306 372	58%
	Британские Виргинские острова	129 402	10%	Британские Виргинские острова	30 851	6%
	Япония	87 247	6%	Каймановы острова	30 072	6%
	США	70 190	5%	США	17 080	3%
	Сингапур	59 261	4%	Австралия	13 873	3%
ЮАР	**Мир**	**163 510**	**100%**	**Мир**	**111 780**	**100%**
	Соединенное Королевство	74 537	46%	Китай	20 284	18%
	Нидерланды	30 413	19%	Соединенное Королевство	17 966	16%
	США	11 711	7%	Маврикий	10 622	10%
	Германия	8 162	5%	Люксембург	9 637	9%
	Китай	5 077	3%	США	6 027	5%

Источник данных: составлено и рассчитано автором по Bilateral FDI Statistics 2014 // United Nations Conference on Trade and Development. URL: http://unctad.org/en/Pages/DIAE/FDI%20Statistics/FDI-Statistics-Bilateral.aspx (date of access: 01.10.2018).

Приложение 5

Показатели двусторонней торговли товарами стран БРИКС в 2017 году

БРАЗИЛИЯ – РОССИЯ

По данным таможенных органов Бразилии				По данным таможенных органов России			
Бразилия → Россия	Бразилия ← Россия	Товарооборот	Торговый баланс Бразилии	Россия → Бразилия	Россия ← Бразилия	Товарооборот	Торговый баланс России
$2,7	$2,6	$5,4	$0,0916	$2,0	$3,2	$5,2	-$1,2

БРАЗИЛИЯ – ИНДИЯ

По данным таможенных органов Бразилии				По данным таможенных органов Индии			
Бразилия → Индия	Бразилия ← Индия	Товарооборот	Торговый баланс Бразилии	Индия → Бразилия	Индия ← Бразилия	Товарооборот	Торговый баланс Индии
$4,7	$2,9	$7,6	$1,7	$2,9	$5,1	$8,0	-$2,2

БРАЗИЛИЯ – КИТАЙ

По данным таможенных органов Бразилии				По данным таможенных органов Китая			
Бразилия → Китай	Бразилия ← Китай	Товарооборот	Торговый баланс Бразилии	Китай → Бразилия	Китай ← Бразилия	Товарооборот	Торговый баланс Китая
$47,5	$27,3	$74,8	$20,2	$29,0	$58,9	$87,8	-$29,9

БРАЗИЛИЯ – ЮАР

По данным таможенных органов Бразилии				По данным таможенных органов ЮАР			
Бразилия → ЮАР	Бразилия ← ЮАР	Товарооборот	Торговый баланс Бразилии	ЮАР → Бразилия	ЮАР ← Бразилия	Товарооборот	Торговый баланс ЮАР
$1,5	$0,4886	$2,0	$1,0	$0,4043	$1,6	$2,0	-$1,2

ИНДИЯ – РОССИЯ

По данным таможенных органов Индии				По данным таможенных органов России			
Индия → Россия	Индия ← Россия	Товарооборот	Торговый баланс Индии	Россия → Индия	Россия ← Индия	Товарооборот	Торговый баланс России
$2,1	$8,0	$10,1	-$5,8	$5,4	$2,9	$8,3	$2,5

КИТАЙ – РОССИЯ

По данным таможенных органов Китая				По данным таможенных органов России			
Китай → Россия	Китай ← Россия	Товарооборот	Торговый баланс Китая	Россия → Китай	Россия ← Китай	Товарооборот	Торговый баланс России
$42,8	$41,4	$84,2	$1,4	$37,5	$48,4	$85,9	-$10,8

ЮАР – РОССИЯ

По данным таможенных органов ЮАР				По данным таможенных органов России			
ЮАР → Россия	ЮАР ← Россия	Товарооборот	Торговый баланс ЮАР	Россия → ЮАР	Россия ← ЮАР	Товарооборот	Торговый баланс России
$0,354	$0,393	$0,747	-$0,039	$0,204	$0,628	$0,832	-$0,424

ИНДИЯ – КИТАЙ

По данным таможенных органов Индии				По данным таможенных органов Китая			
Индия → Китай	Индия ← Китай	Товарооборот	Торговый баланс Индии	Китай → Индия	Китай ← Индия	Товарооборот	Торговый баланс Китая
$12,5	$71,9	$84,4	-$59,4	$68,0	$16,3	$84,4	$51,7

ИНДИЯ – ЮАР

По данным таможенных органов Индии				По данным таможенных органов ЮАР			
Индия → ЮАР	Индия ← ЮАР	Товарооборот	Торговый баланс Индии	ЮАР → Индия	ЮАР ← Индия	Товарооборот	Торговый баланс ЮАР
$4,1	$6,9	$11,0	-$2,8	$4,1	$3,9	$8,1	$0,224

ЮАР – КИТАЙ

По данным таможенных органов ЮАР				По данным таможенных органов Китая			
ЮАР → Китай	ЮАР ← Китай	Товарооборот	Торговый баланс ЮАР	Китай → ЮАР	Китай ← ЮАР	Товарооборот	Торговый баланс Китая
$8,7	$15,2	$23,9	-$6,6	$14,8	$24,4	$39,2	-$9,6

Источник данных: составлено автором по United Nations Comtrade Database – International Trade Statistics. URL: https://comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis (date of access: 01.10.2018).

Приложение 6

Использование Российской Федерацией права вето в ходе голосований по резолюциям в Совете Безопасности ООН в 2007-2018 гг.

(информация по состоянию на 1 июня 2018 г.)

Дата	Проект резолюции	Номер заседания	Пункт повестки дня	Дополнительно: позиция Китайской Народной Республики
10 апреля 2018 года	S/2018/156	8228	Положение на Ближнем Востоке*	воздержалась
26 февраля 2018 года	S/2018/156	8190	Положение на Ближнем Востоке	воздержалась
17 ноября 2017 года	S/2017/970	8107	Положение на Ближнем Востоке	воздержалась
16 ноября 2017 года	S/2017/962	8105	Положение на Ближнем Востоке	воздержалась
12 апреля 2017 года	S/2017/315	7922	Положение на Ближнем Востоке	воздержалась
28 февраля 2017 года	S/2017/172	7893	Положение на Ближнем Востоке	против
5 декабря 2016 года	S/2016/1026	7825	Положение на Ближнем Востоке	против
8 октября 2016 года	S/2016/846	7785	Положение на Ближнем Востоке	воздержалась
29 июля 2015 года	S/2015/562	7498	Письмо Постоянного представителя Украины при Организации Объединенных Наций от 28 февраля 2014 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2014/136)	воздержалась
8 июля 2015 года	S/2015/508	7481	Ситуация в Боснии и Герцеговине	воздержалась
22 мая 2014 года	S/2014/348	7180	Положение на Ближнем Востоке	против
15 марта 2014 года	S/2014/189	7138	Письмо Постоянного представителя Украины при Организации Объединенных Наций от 28 февраля 2014 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/2014/136)	воздержалась
19 июля 2012 года	S/2012/538	6810	Положение на Ближнем Востоке	против

Дата	Проект резолюции	Номер заседания	Пункт повестки дня	Дополнительно: позиция Китайской Народной Республики
4 февраля 2012 года	S/2012/77	6711	Положение на Ближнем Востоке	против
4 октября 2011 года	S/2011/612	6627	Положение на Ближнем Востоке	против
15 июня 2009 года	S/2009/310	6143	Положение в Грузии	воздержалась
11 июля 2008 года	S/2008/447	5933	Мир и безопасность в Африке [Зимбабве]	против
12 января 2007 года	S/2007/14	5619	Положение в Мьянме	против

* проект резолюции по ситуации в Сирии в связи с предполагаемой химической атакой на г. Думу 7 апреля 2018 года

Примечание: с 2007 по 2018 год Китайская Народная Республика использовала право вето 8 раз при голосовании в СБ ООН. Россия по таким проектам резолюций всегда также голосовала «против». Все указанные случаи приведены в таблице выше.

Источник данных: Вето в Совете Безопасности. Проекты резолюций, не принятые в результате голосования постоянных членов против них на открытых заседаниях Совета Безопасности // Официальный сайт Совета Безопасности ООН. URL:

https://www.un.org/ru/sc/meetings/veto/ussr_russia.shtml (дата обращения: 01.10.2018).

Приложение 7

Участие стран БРИКС в миротворческих миссиях ООН

(по состоянию на 31 августа 2018 г.)

Страна	Миротворческие силы, человек	Доля миротворцев страны от общего числа миротворцев во всех миссиях ООН	Названия миссий
Бразилия	275	0,30 % (49-е место в мире)	– MINURSO – MINUSCA – MONUSCO – UNFICYP – UNIFIL – UNIOGBIS – UNISFA – UNMISS – UNAMID
Россия	75	0,08 % (68-е место в мире)	– MINURSO – MINUJUSTH – MONUSCO – UNFICYP – UNISFA – UNVMC – UNMIK – UNMISS – UNTSO
Индия	6699	7,41 % (4-место в мире)	– MINURSO – MINUJUSTH – MONUSCO – UNDOF – UNFICYP – UNIFIL – UNISFA – UNMISS – UNTSO – UNSOM
Китай	1968	2,18 % (13-е место в мире)	– MINURSO – MINUSMA – MONUSCO – UNAMID – UNFICYP – UNIFIL – UNMISS – UNTSO
ЮАР	1242	1,37 %	

		(17-е место в мире)	– MONUSCO – UNAMID – UNMISS

Справка:

MINURSO – Миссия ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС)

MINUSCA – Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Центральноафриканской Республике (МИНУСКА)

MINUJUSTH – Миссия ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ)

MONUSCO – Миссия ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК)

UNAMID – Смешанная операция Африканского союза и ООН в Дарфуре (ЮНАМИД)

UNDOF – Силы ООН по наблюдению за разъединением (СООННР)

UNFICYP – Вооруженные силы ООН по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК)

UNIFIL – Временные силы ООН в Ливане (ВСООНЛ)

UNIOGBIS – Объединенное отделение Организации Объединенных Наций по миростроительству в Гвинее-Бисау (ОООНМГБ)

UNISFA – Временные силы ООН по обеспечению безопасности в Абьее (ЮНИСФА)

UNVMC – Миссия ООН в Колумбии (МООНК)

UNMIK – Миссия ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК)

UNMISS – Миссия ООН в Республике Южный Судан (МООНЮС)

UNTSO – Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП)

Источник данных: составлено автором по:

[1] Contributors to UN Peacekeeping Operations by Country and Post (August 31, 2018). URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/2.pdf (date of access: 01.10.2018);

[2] Summary of Contributions to UN Peacekeeping by Country, Mission and Post (August 31, 2018). URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/4_0.pdf (date of access: 01.10.2018).

Приложение 8

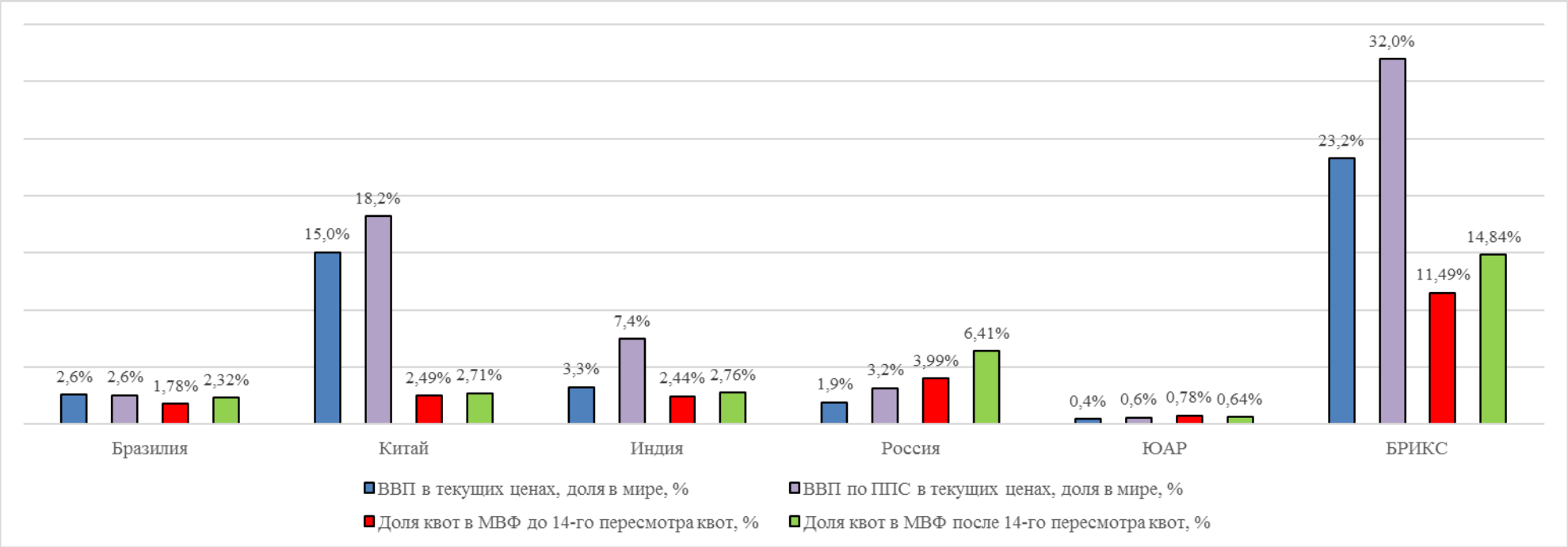
Квоты стран БРИКС в МВФ до и после вступления в силу 14-го пересмотра квот МВФ

	Квота в МВФ **ДО** 14-го пересмотра квот [1]	Квота в МВФ **ПОСЛЕ** 14-го пересмотра квот (по состоянию на сентябрь 2018 г.) [2]
Бразилия	1,782%	2,32%
Россия	2,493%	2,71%
Индия	2,441%	2,76%
Китай	3,994%	6,41%
ЮАР	0,783%	0,64%
БРИКС	11,493%	14,84%

Справочно:

США	17,661%	17,46%
ЕС	31,9%	30,48% (с учетом Соединенного Королевства) 26,24% (без учета Соединенного Королевства)

Доля стран БРИКС в мировой экономике и их квоты в МВФ в 2017 году



Источник: составлено автором по:

[1] Quota and Voting Shares Before and After Implementation of Reforms Agreed in 2008 and 2010 // International Monetary Fund. URL: http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2011/pdfs/quota_tbl.pdf (date of access: 01.10.2018);

[2] IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors (last updated: 28.05.2018). URL: http://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx#1 (date of access: 01.10.2018);

[3] World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx (date of access: 01.10.2018).

Приложение 9

Перечень проектов, одобренных Новым банком развития в 2016-2018 гг.

(по состоянию на октябрь 2018 г.)

№ п/п	Страна	Сумма кредита	Заемщик	Целевой сектор	Ожидаемый результат
1	Республика Индия	250 млн. долл. США	Canara Bank	Возобновляемые источники энергии (ветровая, солнечная энергия и т.д.) (Canara Renewable Energy Financing Scheme)	– 500 мВт возобновляемой энергии; – сокращение выбросов CO_2 на 815 тыс. т. в год
2	Китайская Народная Республика	525 млн. юаней (81 млн. долл. США)	Государственный совет КНР	Возобновляемые источники энергии (солнечные батареи) (Lingang Distributed Solar Power Project)	– 100 мВт солнечной энергии; – сокращение выборов CO_2 на 73 тыс. т. в год
3	Федеративная Республика Бразилия	300 млн. долл. США	Национальный банк экономического и социального сотрудничества	Возобновляемые источники энергии (ветровая, солнечная энергия и т.д.)	– 600 мВт возобновляемой энергии; – сокращение выбросов CO_2 на 1 млн т. в год
4	Южно-Африканская Республика	180 млн. долл. США	Eskom Holdings SOC Ltd	Возобновляемые источники энергии (передача энергии) (Project Finance Facility)	– транспортировка (передача) 670 мВт возобновляемой энергии; – сокращение выбросов CO_2 на 1,3 млн т. в год
5	Российская Федерация	100 млн. долл. США	Евразийский банк развития / Международный инвестиционный банк	Возобновляемые источники энергии (гидроэнергетика) + «зеленая» энергия	– транспортировка (передача) 50 мВт возобновляемой энергии; – сокращение выбросов CO_2 на 1,3 млн т. в год

6	Республика Индия	350 млн. долл. США	Правительство Индии	Модернизация дорог регионального значения (штат Мадхья-Прадеш) (Project Financing Facility)	Модернизация порядка 1500 км дорог регионального значения
7	Китайская Народная Республика	2 млрд. юаней (298 млн. долл. США)	Государственный совет КНР	Возобновляемые источники энергии (ветровая энергия) (Putian Pinghai Bay Offshore Wind Power Project)	– 250 мВт ветровой энергии; – сокращение выбросов CO_2 на 870 тыс. т. в год
8	Китайская Народная Республика	2 млрд. юаней (300 млн. долл. США)	Государственный совет КНР	Водоснабжение, водоотведение, борьба с наводнениями, охрана окружающей среды (Hunan Ecological Development Project)	Улучшение качества воды и борьба с наводнениями в русле реки Сянцзян и ее притоках
9	Китайская Народная Республика	200 млн. долл. США	Государственный совет КНР	Энергосбережение (Jiangxi Industrial Low Carbon Restructuring and Green Development Pilot Project)	– экономия 95 тыс. т. в угольном эквиваленте; – ежегодное сокращение выбросов CO_2 на 263 тыс. т.
10	Республика Индия	470 млн. долл. США	Правительство Индии	Водоснабжение и водоотведение, сельскохозяйственное развитие (Madhya Pradesh Multi Village Water Supply Project)	Проект охватывает более 3400 сел и деревень. Выгодополучателями станут более 3 млн. сельских жителей.
11	Российская Федерация	460 млн. долл. США	Правительство России	Социальная инфраструктура (Judicial System Support Project)	Повышение эффективности и прозрачности судебной системы, улучшение механизмов судебной защиты нарушенных прав граждан

12	Республика Индия	345 млн. долл. США	Правительство Индии	Ирригация, сельское хозяйство (Rajasthan Water Sector Restructuring Project)	– дополнительно 1,25 млн. акр-футов воды доступны для культивирования земли; – 33,312 га болотистой земли станет пригодно для культивирования; – эффективность водопользования вырастет на 10 %.
13	Российская Федерация	68,8 млн. долл. США	Правительство России	Транспортная инфраструктура (Ufa Eastern Exit Project)	– уменьшение заторов и содействие лучшему транспортному сообщению между жителями; – повышение безопасности дорожного движения за счет отведения опасных грузовых перевозок от центра г. Уфа; – территориально сбалансированное развитие спальных и промышленных районов; – упрочение позиции Уфы как стратегического транспортного узла.
14	Федеративная Республика Бразилия	200 млн. долл. США	Petroleo Brasileiro S.A.	Модернизация энергетической инфраструктуры (Petrobras Environmental Protection Project)	Улучшение экологического следа компании в целях ее соответствия новым экологическим нормативам посредством модернизации инфраструктуры двух существующих НПЗ. Как результат – снижение вредных выбросов и предотвращение загрязнения воды и почвы.
15	Российская Федерация	320 млн. долл. США	Правительство России	Охрана водных ресурсов и благоустройство системы водоснабжения (Development of Water Supply and Sanitation Systems Project)	Снижения уровня загрязнения реки Волга путем модернизации и строительства интегрированных систем водоснабжения и водоотведения и повышение безопасности здоровья жителей пяти городов-участников проекта.

16	Российская Федерация	220 млн. долл. США	Правительство России	Развитие туристической инфраструктуры (Small Historic Cities Development Project)	Поддержка устойчивого социально-экономического развития девяти отобранных на конкурсной основе исторических городов республиканского значения за счет развития туристической инфраструктуры с акцентом на сохранение культурного наследия и развитие городской инфраструктуры.
17	Республика Индия	350 млн. долл. США	Правительство Индии	Развитие транспортной инфраструктуры (Bihar Rural Roads Project)	Улучшение транспортной инфраструктуры штата Бихар путем строительства и модернизации сельских дорог общей протяженностью 4000 км, пролегающих (в том числе по плану) в 26 районах штата и соединяющих примерно 3400 населенных пунктов.
18	Китайская Народная Республика	300 млн. долл. США	Государственный совет КНР	Развитие городской инфраструктуры (Chongqing Small Cities Sustainable Development Project)	Поддержка устойчивого развития инфраструктуры в семи малых городах в муниципалитете Чунцин посредством комплексной схемы устойчивого развития городской инфраструктуры и восстановления окружающей среды.
19	Южно-Африканская Республика	200 млн. долл. США	Transnet SOC ltd.	Модернизация морского порта Дурбан (Durban Container Terminal Berth Reconstruction Project)	Оказание помощи государственной транспортной компании "Transnet SOC ltd" в укреплении потенциала ее морского порта в Дурбане путем восстановления причалов контейнерных терминалов и модернизации портовой инфраструктуры в целях создания дополнительных доков для судов с большим водоизмещением.

20	Федеративная Республика Бразилия	50 млн. долл. США	Правительство Бразилии	Развитие городской инфраструктуры (Pará Sustainable Municipalities Project)	– улучшение системы городского транспорта, обеспечивающее транспортное сообщение между муниципалитетами в любую погоду; – снижение вероятности наводнений и смягчение их последствий для жителей городов; – улучшение системы городской санитарии; – сокращение издержек на содержание городских дорог; – повышение общего благосостояния горожан.
21	Федеративная Республика Бразилия	71 млн. долл. США	Правительство Бразилии	Развитие транспортной инфраструктуры на региональном уровне (Maranhão Road Corridor – South North Integration)	Реконструкция 143 км магистрали MA-006, которая сегодня находится в плохом состоянии. Как следствие: – сокращение времени в пути для автомобилистов; – сокращение транспортных издержек для сельскохозяйственных производителей, везущих свои грузы в порт Итаки (Itaqui Port); – налаживание транспортного сообщения между изолированными сегодня северными и южными районами штата Мараньян; – ускорение темпов экономического роста штата Мараньян.

22	Китайская Народная Республика	300 млн. долл. США	Государственный совет КНР	Развитие городского транспорта (Luoyang Metro Project)	– увеличение транспортных мощностей (строительство примерно 22,34 км путей метро); – снижение выбросов в атмосферу CO_2; – сокращение нагрузки на другие виды транспорта; – повышение мобильности горожан; – повышение комфортабельности, безопасности и надежности транспорта; – более устойчивое социально-экономическое развитие г. Луоян.
23	Южно-Африканская Республика	300 млн. долл. США	Банк развития ЮАР	Возобновляемая энергетика и устойчивое развитие (Greenhouse Gas Emissions Reduction and Energy Sector Development Project)	– сокращение выбросов CO_2; – увеличение мощностей возобновляемой энергетики; – комплексное развитие энергетического сектора ЮАР; – открытие доступа к энергетической сфере для частных инвестиций.
24	Республика Индия	175 млн. долл. США	Правительство Индии	Развитие транспортной инфраструктуры (строительство мостов) в штате Мадхья-Прадеш (Madhya Pradesh Bridges Project)	– обеспечение транспортной доступности в любых погодных условиях, повышение безопасности транспорта и сокращение времени в пути при передвижениях по штату; – сокращение выбросов CO2 в атмосферу за счет экономии времени в пути, снижение расходов автовладельцев на содержание своего транспорта; – продвижение устойчивого развития сельских районов штата Мадхья-Прадеш; – содействие общему социально-экономическому развитию штата Мадхья-Прадеш, в том числе благодаря новым возможностям трудоустройства для жителей.

25	Республика Индия	350 млн. долл. США	Правительство Индии	Модернизация дорог регионального значения в штате Мадхья-Прадеш (Madhya Pradesh Major District Roads II Project)	– обеспечение транспортной доступности в любых погодных условиях, повышение безопасности транспорта и сокращение времени в пути при передвижениях по штату; – сокращение выбросов CO2 в атмосферу за счет экономии времени в пути, снижение расходов автовладельцев на содержание своего транспорта; – продвижение устойчивого развития сельских районов штата Мадхья-Прадеш; – содействие общему социально-экономическому развитию штата Мадхья-Прадеш, в том числе благодаря новым возможностям трудоустройства для жителей.
26	Российская Федерация	300 млн. долл. США	ПАО «СИБУР Холдинг»	Обеспечение экологической устойчивости проекта «Запсибнефтехим»	Проект "Запсибнефтехим" предполагает строительство под г. Тобольск установки пиролиза мощностью 1,5 млн тонн этилена, 500 тыс. тонн пропилена и 100 тыс. тонн бутан-бутиленовой фракции в год, а также установок по производству различных марок полиэтилена и полипропилена совокупной мощностью 2 млн тонн в год.

Источник данных: составлено автором по:

[1] List of All Projects // New Development Bank [Official Site]. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2017/02/list-of-all-projects-1.pdf (date of access: 01.10.2018).

[2] NDB Board of Directors Approves Three Projects in India and Russia with Loans Aggregating USD 825 Million and Establishment of Bond Programme in South African Debt Capital Market (September 19, 2018) // New Development Bank [Official Site]. URL: https://www.ndb.int/press_release/ndb-board-directors-approves-three-projects-india-russia-loans-aggregating-usd-825-million-establishment-bond-programme-south-african-debt-capital-market/ (date of access: 01.10.2018).

Приложение 10

Меморандумы о взаимопонимании Нового банка развития

(по состоянию на 1 октября 2018 года)

№ п/п	Сторона соглашения (англ.)	Сторона соглашения (рус.)	Дата подписания документа
	Multilateral Development Banks	**Многосторонние банки развития**	
1	Inter-American Development Bank (IDB) & IDB Invest (formerly known as Inter-American Investment Corporation, IIC)	Межамериканский банк развития & IDB Invest (ранее – Межамериканская инвестиционная корпорация)	3 мая 2018 г.
2	Financial Fund for the Development of the River Plate Basin (FONPLATA)	Финансовый фонд развития региона бассейна реки Ла-Плата	26 апреля 2017 г.
3	European Bank for Reconstruction and Development	Европейский банк реконструкции и развития	1 апреля 2017 г.
4	European Investment Bank	Европейский инвестиционный банк	1 апреля 2017 г.
5	Asian Infrastructure Investment Bank	Азиатский банк инфраструктурных инвестиций	1 апреля 2017 г.
6	Eurasian Development Bank	Евразийский банк развития	1 апреля 2017 г.
7	International Investment Bank	Международный инвестиционный банк	1 апреля 2017 г.
8	Development Bank of Latin America (Corporación Andina de Fomento on strategic cooperation, CAF)	Андская корпорация развития (Латиноамериканский банк развития)	9 сентября 2016 г.
9	World Bank Group	Группа Всемирного банка	9 сентября 2016 г.
10	Asian Development Bank	Азиатский банк развития	4 июля 2016 г.
	National Development Banks	**Национальные банки развития**	
11	Development Bank of Southern Africa (DBSA)	Банк развития ЮАР	28 мая 2018 г.
12	China Development Bank (CDB)	Китайский банк развития	1 сентября 2017 г.
13	BRICS Interbank Cooperation Mechanism	Механизм межбанковского сотрудничества БРИКС	15 октября 2016 г.
14	Brazilian National Bank for Economic and Social Development (BNDES)	Национальный банк экономического и социального сотрудничества [Бразилии]	8 сентября 2015 г.
	Other Banks	**Прочие банки**	
15	State Bank of India	Государственный банк Индии	28 мая 2018 г.
16	Banco Santander (Brazil)	Banco Santander (Бразилия)	10 января 2018 г.
17	Industrial and Commercial Bank of China (ICBC)	Промышленный и коммерческий банк Китая	2 сентября 2017 г.

18	Agricultural Bank of China (ABC)	Сельскохозяйственный банк Китая	2 сентября 2017 г.
19	Bank of Communications (China)	Bank of Communications (Китай)	10 ноября 2016 г.
20	The Standard Bank of South Africa	Standard Bank (ЮАР)	31 августа 2016 г.
21	China Construction Bank	Китайский строительный банк	8 июня 2016 г.
22	Industrial Credit and Investment Corporation of India	Банк «Промышленная кредитная и инвестиционная корпорация Индии»	5 мая 2016 г.
23	Bank of China ltd	Bank of China ltd	14 января 2016 г.
Multilaterals		**Многосторонние организации**	
24	BRICS Business Council	Деловой совет БРИКС	4 сентября 2017 г.
25	BRICS Export Credit Agencies	Агентства по страхованию экспортных кредитов стран БРИКС	13 июня 2017 г.
26	International Solar Alliance (ISA)	Международный солнечный альянс	10 марта 2018 г.
Enterprises		**Предприятия**	
27	JSC Russian Railways	ПАО «Российские железные дороги»	6 сентября 2017 г.
Academia		**Образовательные организации**	
28	Shanghai University of Finance and Economics (SUFE)	Шанхайский университет финансов и экономики	31 мая 2017 г.

Источник данных: составлено автором на основании следующих разделом официального сайта Нового банка развития:

[1] List of Memoranda of Understanding and Cooperation Agreements. URL: https://www.ndb.int/partnerships/list-of-partnerships/ (date of access: 01.10.2018);

[2] New Development Bank and State Bank of India Sign Memorandum of Understanding to Establish Partnership (May 28, 2018). URL: https://www.ndb.int/press_release/new-development-bank-state-bank-india-sign-memorandum-understanding-establish-partnership/ (date of access: 01.10.2018);

[3] New Development Bank and Development Bank of Southern Africa Sign Memorandum of Understanding to Establish Framework for Cooperation (May 28, 2018). URL: https://www.ndb.int/press_release/new-development-bank-development-bank-southern-africa-sign-memorandum-understanding-establish-framework-cooperation/ (date of access: 01.10.2018);

[4] New Collaboration Announced Between IDB Group and NDB (May 3, 2018). URL: https://www.ndb.int/press_release/new-collaboration-announced-idb-group-ndb/ (date of access: 01.10.2018);

[5] New Development Bank and International Finance Corporation Sign Agreement Aimed at Promoting Co-Financing of Projects (April 13, 2018). URL: https://www.ndb.int/press_release/new-development-bank-international-finance-corporation-sign-agreement-aimed-promoting-co-financing-projects/ (date of access: 01.10.2018);

[6] NDB and International Solar Alliance Commit to Deepen Cooperation and Promote Solar Energy (March 11, 2018). URL: https://www.ndb.int/press_release/ndb-international-solar-alliance-commit-deepen-cooperation-promote-solar-energy/ (date of access: 01.10.2018).

Приложение 11

Двусторонняя торговля России со странами БРИКС в 2017 году

Примечание: значения в скобках со знаками «+» и «–» указывают на процентное изменение рассматриваемого показателя по сравнению с аналогичным показателем 2016 года.

Россия – Китай

Товарооборот: 86 964 млн. долл. США (+ 26,14%).
Экспорт России в Китай: 38 922 млн. долл. США (+ 38,90%).
Импорт России из Китая: 48 042 млн. долл. США (+ 26,14%).
Сальдо торгового баланса: – 9 120 млн. долл. США (+ 9,39%).
Доля Китая во внешнеторговом обороте России: 14,9% (1 место среди торговых партнеров России).
Доля Китая в экспорте России: 10,9% (1 место среди торговых партнеров России).
Доля Китая в импорте России: 21,2% (1 место среди торговых партнеров России).

Экспорт России в Китай (ключевые статьи):
Минеральные продукты: 67,80%;
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия: 10,71%;
Машины, оборудование и транспортные средства: 6,86%;
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё: 4,56%;
Продукция химической промышленности: 4,35%.

Импорт России из Китая (ключевые статьи)
Машины, оборудование и транспортные средства: 58,95%;
Текстиль и обувь: 11,13%;
Продукция химической промышленности: 8,97%;
Металлы и изделия из них: 7,09%;
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё: 3,68%

Россия – Индия

Товарооборот: 9 358 млн. долл. США (+ 21,37%).
Экспорт России в Индию: 6 456 млн. долл. США (+ 21,51%).
Импорт России из Индии: 2 902 млн. долл. США (+ 21,07%).
Сальдо торгового баланса: 3 553 млн. долл. США (+ 21,87%).
Доля Индии во внешнеторговом обороте России: 1,6% (17 место среди торговых партнеров России).
Доля Индии в экспорте России: 1,8% (16 место среди торговых партнеров России).
Доля Индии в импорте России: 1,3% (21 место среди торговых партнеров России).

Экспорт России в Индию (ключевые статьи):
Минеральные продукты: 24,71%;
Машины, оборудование и транспортные средства: 19,95%;
Драгоценные металлы и камни: 16,01%;
Продукция химической промышленности: 11,24%;
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия: 5,95%;

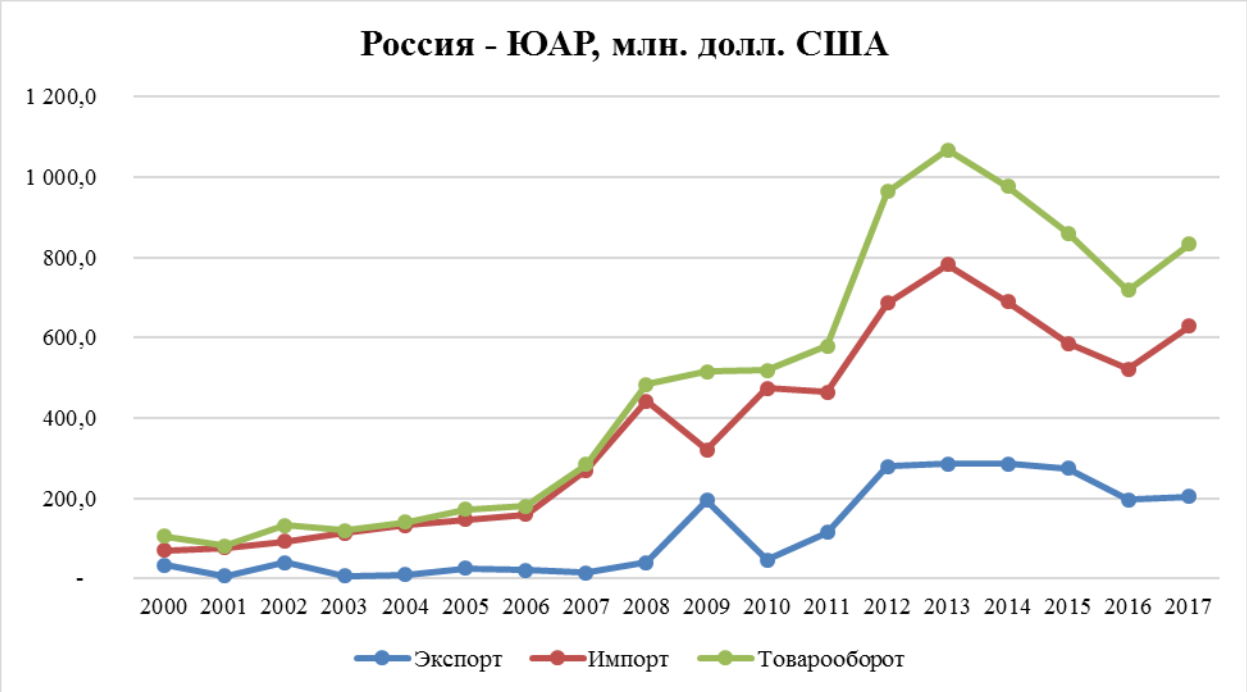
Импорт России из Индии (ключевые статьи):
Продукция химической промышленности: 34,16%;
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё: 23,02%;
Машины, оборудование и транспортные средства: 18,54%;
Текстиль и обувь: 13,01%;
Металлы и изделия из них: 6,20%

Россия – ЮАР

Товарооборот России с ЮАР: 832 млн. долл. США (+ 15,94%).
Экспорт России в ЮАР: 204 млн. долл. США (+ 3,70%).
Импорт России из ЮАР: 628 млн. долл. США (+ 20,55%).
Сальдо торгового баланса: – 424 млн. долл. США (– 30,76%).
Доля ЮАР во внешнеторговом обороте России: 0,1% (68 место среди торговых партнеров России).
Доля ЮАР в экспорте России: 0,1% (86 место среди торговых партнеров России).
Доля ЮАР в импорте России: 0,3% (48 место среди торговых партнеров России).

Экспорт России в ЮАР (ключевые статьи):
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё: 44,61%;
Продукция химической промышленности: 21,73%;
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия: 11,37%;
Минеральные продукты: 10,94%;
Металлы и изделия из них: 6,41%

Импорт России из ЮАР (ключевые статьи):
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё: 41,86%;
Минеральные продукты: 23,97%;
Машины, оборудование и транспортные средства: 15,73%;
Продукция химической промышленности: 9,46%;
Металлы и изделия из них: 8,63%

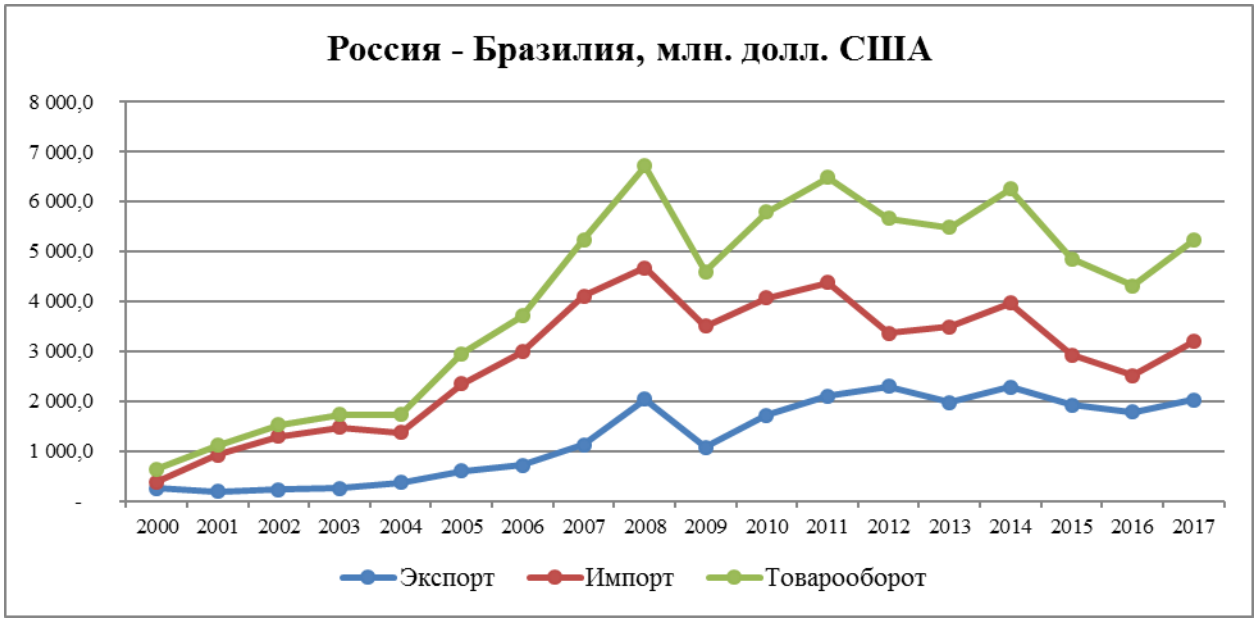


Россия – Бразилия

Товарооборот: 5 231 млн. долл. США (+ 21,39%).
Экспорт России в Бразилию: 2 032 млн. долл. США (+ 13,83%).
Импорт России из Бразилии: 3 198 млн. долл. США (+ 26,74%).
Сальдо торгового баланса: – 1 166 млн. долл. США (– 57,99%).
Доля Бразилии во внешнеторговом обороте России: 0,9% (26 место среди торговых партнеров России).
Доля Бразилии в экспорте России: 0,6% (35 место среди торговых партнеров России).
Доля Бразилии в импорте России: 1,4% (18 место среди торговых партнеров России).

Экспорт России в Бразилию (ключевые статьи):
Продукция химической промышленности: 74,47%;
Минеральные продукты: 17,53%;
Металлы и изделия из них: 4,20%;
Машины, оборудование и транспортные средства: 3,11%.

Импорт России из Бразилии (ключевые статьи):
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё: 77,45%;
Машины, оборудование и транспортные средства: 9,54%;
Металлы и изделия из них: 3,39%;
Продукция химической промышленности: 2,92%



Источник данных: составлено автором по данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации (URL: http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:2:751554996970553::NO) (дата обращения: 01.10.2018).